Крауч Блейк

Сосны. Город в Нигде

Несмотря на свидетельства того, что эволюция человечества идет по-прежнему, биологи едины во мнении, что остается лишь гадать, куда она нас заведет.

Журнал «Тайм», 23 февраля 2009 года

То, что ты параноик, вовсе не значит, что тебя не преследуют.

Джозеф Хеллер

Глава 01

Он очнулся, лежа на спине, под солнечным светом, бьющим в лицо, под шум воды, бегущей где-то по соседству. Оптический нерв пронзала блистательная боль, а в основании черепа неустанно, но пока безболезненно пульсировали отдаленные раскаты грома подступающей мигрени. Перекатившись на бок, он оттолкнулся, перейдя в сидячее положение, спрятав голову между коленей. Ощутил неустойчивость мира задолго до того, как распахнул глаза, словно его ось сорвалась на дребезг. При первом вдохе почувствовал, будто кто-то вгоняет стальной клин между верхними ребрами левого бока, но, со стоном продравшись сквозь боль, с усилием открыл глаза. Левый глаз, должно быть, совсем заплыл, потому что смотрел как через щелку.

Зеленейшая трава, какую он только видел – целый лес длинных, мягких былинок, – сбегала к берегу. Чистая, стремительная вода бурлила среди валунов, торчащих из потока. За рекой – вознесшийся на тысячу футов утес. На уступах – растущие кучками сосны, воздух напоен их ароматом и свежестью проточной воды.

На нем черные брюки и черная куртка с оксфордской рубашкой под ней; белый хлопок забрызган кровью. Под воротником болтается черный галстук с почти распустившимся узлом.

При первой попытке встать колени подломились, и он плюхнулся обратно – достаточно жестко, чтобы послать через грудную клетку вибрации жгучей боли. Вторая попытка увенчалась успехом, и он обнаружил себя шатко, но стоящим на земле, вихляющейся под ногами, как палуба корабля. Медленно обернулся, шаркая ногами и расставив их пошире для равновесия.

Спиной к реке, он стоял на краю открытого поля. В дальнем конце под перекальным светом полуденного солнца блестели металлические поверхности детских качелей и горок.

Вокруг ни души.

За парком он углядел викторианские дома, а еще дальше – здания главной улицы. Городишко от силы с милю в поперечнике угнездился посреди каменного амфитеатра, окруженный скальными стенами, возносящимися на несколько сотен футов с каждой стороны, состоящими из красных слоистых пород. В высочайших, погруженных в тень закоулках горы сохранился снег, но здесь, в долине, тепло, на кобальтово-синем небе над головой ни облачка.

Проверил карманы брюк, потом – своего однобортного пиджака.

Ни бумажника. Ни зажима для денег. Ни документов. Ни ключей. Ни телефона.

Только маленький швейцарский армейский ножик в одном из внутренних карманов.

*** * ***

Пока добрался до другого края парка, у него прибавилось и бодрости, и недоумения, а пульсация в затылочной части позвоночника уже утратила болезненность.

Он знал шесть вещей:

Имя нынешнего президента.

Как выглядит лицо матери, хотя и не мог припомнить ни ее имени, ни даже звучания ее голоса.

Что он умеет играть на фортепиано.

И водить вертолет.

Что ему тридцать семь лет.

И что ему нужно в больницу.

Помимо этих фактов, весь мир вообще и это место в частности были настолько же непостижимы для него, как именослов на неизвестном языке. Он чувствовал, что истина маячит где-то на периферии сознания, но вне пределов досягаемости.

Он шагал по тихой улице жилого района, внимательно приглядываясь к каждому автомобилю по пути. Не принадлежит ли один из них ему?

Дома, обращенные фасадами друг к другу, выглядели девственно чистыми – свежевыкрашенные, с безупречными квадратиками яркой травы, обнесенные штакетными заборчиками, с фамилиями домовладельцев, выписанными белыми печатными буквами сбоку на черных почтовых ящиках у каждого. Почти в каждом заднем дворе виднелся трепетный садик, буйствующий не только цветами, но и овощами, и фруктами.

Все цвета так чисты и насыщенны.

Ходьба давалась с трудом, и на полпути через второй квартал он скривился, совсем запыхавшись; боль в левом боку заставляла то и дело останавливаться. Сняв пиджак, выправил рубашку из брюк, расстегнул и распахнул ее. Выглядело даже хуже, чем ощущалось, – вдоль всего левого бока расплылся темно-лиловый синяк, опоясанный пограничной полосой чахоточной желтизны.

Что-то его ударило. Крепко.

Легонько провел ладонью по поверхности черепа. Головная боль прочно угнездилась там, становясь отчетливее с каждой минутой, но пальцы не нащупали никаких признаков серьезной травмы, не считая болезненности с левой стороны.

Застегнув рубашку, снова заправил ее в брюки и двинулся дальше по улице.

Вывод просто-таки вопил: его постиг какой-то несчастный случай.

Может, автомобильная катастрофа. Может, падение. Может, на него напали – тогда ясно, почему при нем нет бумажника.

Надо первым делом заявиться в полицию.

Вот только…

Что, если он переступил черту? Совершил преступление?

Возможно ли такое?

Может, следует выждать, поглядеть, не забрезжит ли что-нибудь в мозгу.

Хотя городок не казался ему даже отдаленно знакомым, он поймал себя на том, что, ковыляя по улице, читает фамилии на всех почтовых ящиках подряд. Подсознательный рефлекс? Потому что где-то в недрах памяти он знает, что на одном из этих почтовых ящиков должна быть напечатана сбоку *его* фамилия? И что стоит ее увидеть, как все встанет на свои места?

В нескольких кварталах впереди над соснами возносились здания центра города, и он расслышал – впервые за сегодня – шум движущихся автомобилей, далекие голоса, гул систем вентиляции.

Вдруг он оцепенел посреди улицы, непроизвольно вытянув шею.

Воззрившись на почтовый ящик, принадлежащий красно-зеленому двухэтажному «викторианцу».

Воззрившись на фамилию сбоку.

Пульс начал учащаться, хоть он и не понимал, почему.

МАККЕНЗИ.

«Маккензи».

Фамилия не говорила ему ровным счетом ничего.

«Мак…»

Зато первый слог как раз говорил. А вернее, вызвал некий эмоциональный отклик.

«Мак. Мак».

Он что, Мак? Это его имя?

«Меня зовут Мак. Привет, я Мак, рад познакомиться».

Нет.

Привкус от имени на языке остался какой-то неестественный. Оно не воспринималось как принадлежащее ему. А если честно, так и вовсе вызывало неприязнь, потому что навевало…

Страх.

Как странно. По какой-то причине это слово внушило страх.

Может, увечья ему нанес некто по имени Мак?

Он двинулся дальше. Еще через три квартала вышел на угол Главной улицы[1] и Шестой, где уселся на скамейку в тени и сделал медленный, осторожный вдох. Поглядел вверх и вниз по улице, отчаянно отыскивая взглядом что-нибудь знакомое.

Ни одного сетевого магазина в пределах видимости.

По диагонали от скамейки виднеется аптека.

Рядом кафе.

Трехэтажное здание возле кафе с вывеской над крыльцом:

ОТЕЛЬ «ЗАПЛУТАВШИЕ СОСНЫ»[2]

Запах кофейных зерен повлек его со скамейки. Подняв взгляд, он увидел в полуквартале от себя заведение под названием «Ароматный парок», откуда тот, должно быть, и доносился.

Гм-м.

Может, и не самые полезные сведения, учитывая все обстоятельства, но в сознании забрезжило, что он любит хороший кофе. Жаждет его. Еще один крохотный фрагмент головоломки его собственной личности.

Дойдя до кафе, он потянул на себя затянутую сеткой дверь. Небольшое своеобразное кафе, и, судя по запаху, варит грандиозный напиток. Бар в дальнем углу справа сверкает эспрессо-машинами, кофемолками, миксерами, бутылками сиропов. Три табурета заняты. У противоположной стены выстроилась горстка диванов и стульев. Полка с истрепанными книжками в бумажных обложках. Два старикана за шахматной доской ведут сражение разношерстными фигурами. Стены демонстрируют образчики местного творчества – ряд черно-белых автопортретов какой-то дамы среднего возраста с выражением лица, не меняющимся от снимка к снимку ни на йоту. Меняется только фокусировка камеры.

Он подошел к кассе.

Когда двадцати-с-чем-то-летняя бариста с белокурыми дредами наконец углядела его, в ее красивых глазах промелькнуло что-то сродни ужасу.

Знает ли она меня?

Поймав свое отражение в зеркале за стойкой, тотчас же сообразил, что вызвало ее отвращение, – левая сторона лица обратилась в сплошной синяк, левый глаз вздулся, заплыв почти напрочь.

Боже мой. Кто-то избил меня в хлам.

Если же закрыть глаза на этот чудовищный синяк, он даже недурен собой. На глазок футов шесть, а то и шесть с дюймом[3]. Короткие черные волосы, на подбородок и щеки тенью легла двухдневная щетина. Крепкое, мускулистое телосложение очевидно и по тому, как сидит на плечах пиджак, и по туго натянувшейся на груди рубашке. Ему пришло в голову, что по виду он похож на работника рекламы или маркетинга – наверное, чертовски привлекателен, когда побреется и наведет лоск.

– Что вам подать? – осведомилась бариста.

Он убил бы за чашку кофе, но в карманах ни гроша, и ни малейшего понятия, как его зовут.

– Вы тут варите хороший кофе?

Вопрос девушку вроде бы озадачил.

– М-м… ага.

– Лучший в городе?

– Это единственное кафе в городе, но, ага, наш кофе дает жару.

– Вы меня знаете? – шепнул он, перегнувшись через стойку.

– Простите?

– Вы меня узнаете? Я сюда когда-нибудь заходил?

– А вы что, не знаете, бывали ли здесь прежде?

Он покачал головой.

Она мгновение разглядывала его, будто оценивая его искренность, пытаясь определить, не сумасшедший ли этот тип с побитой физиономией и не вешает ли он ей лапшу на уши.

И наконец сказала:

– Не думаю, чтобы видела вас прежде.

– Вы в этом уверены?

– Ну, в Нью-Йорке дело обстояло бы иначе.

– Справедливо. Вы давно тут работаете?

– Чуть больше года.

– И я, типа, не местный?

– Вы определенно не местный.

– Можно спросить кое-что еще?

– Разумеется.

– Где это мы?

– А вы не знаете, где находитесь?

Он замешкался, отчасти не желая признаваться в столь полной и безоговорочной беспомощности. Когда же наконец покачал головой, бариста наморщила лоб, словно не в состоянии поверить в этот вопрос.

– Я не пудрю вам мозги, – вставил он.

– Это Заплутавшие Сосны, штат Айдахо. Ваше лицо… что с вами стряслось?

– Я… пока не знаю. В городе есть больница? – Задавая вопрос, он вдруг ощутил, что его будто зловещим током прошило.

Низковольтное предчувствие?

Или длань какого-то глубоко погребенного воспоминания ведет вдоль хребта холодным пальцем?

– Ага, в семи кварталах отсюдова. Вам надо в «Скорую» прям щас. Хотите, вызову машину?

– Обойдусь. – Он отстранился от стойки. – Спасибо… как вас зовут?

– Миранда.

– Спасибо, Миранда.

Стоило снова выйти на солнце, как чувство равновесия дало сбой, а назревающая головная боль подскочила на несколько делений, в нижний диапазон пыточной. Никакого уличного движения не было, так что он в нарушение правил просто пересек Главную и двинулся вдоль квартала к Пятой улице, миновав молодую мамашу с маленьким сыном, шепнувшим что-то вроде: «Мамуля, это он?»

Шикнув на сына, женщина встретилась с мужчиной взглядом, нахмурившись с извиняющимся видом, и сказала:

– Простите, он вовсе не хотел грубить.

На углу Пятой и Главной он вышел к фасаду двухэтажного старинного здания из бурого кирпича с надписью ПЕРВЫЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ БАНК ЗАПЛУТАВШИХ СОСЕН на двустворчатых стеклянных дверях. За углом здания виднелась телефонная будка рядом с переулком.

Доковыляв до нее во всю прыть, на какую сподобился, он закрылся в будке.

Таких тоненьких телефонных справочников он еще не видел. Стоя там, перелистывал его в надежде на какое-нибудь внезапное откровение, но все восемь страниц с несколькими сотнями имен – как, впрочем, и всё в этом городишке, – были лишены для него всякого смысла.

Выронив телефонную книгу, позволив ей болтаться на металлическом тросике, он прижался лбом к прохладному стеклу.

Наткнулся взглядом на клавиатуру.

И улыбнулся сладостному осознанию.

Я знаю свой домашний номер телефона.

Прежде чем снять трубку, настучал номер несколько раз для полной уверенности, и тот возникал под кончиками пальцев с механической отработанностью мышечной памяти.

Позвонит за счет абонента, уповая на бога, что дома кто-нибудь есть – подразумевая, что у него кто-нибудь есть. Конечно, ему придется назваться каким-нибудь именем, пусть хотя бы ненастоящим, но, может быть, его узнают по голосу и примут звонок.

Он снял трубку и поднес к уху.

Нацелил палец на «0».

Никакого гудка.

Несколько раз постучал по рычагу, но ничего не произошло.

Он сам изумился тому, насколько быстро накатила ярость. Грохнул трубку на рычаг – восходящий поток страха и злости, в поиске путей выхода взбухающий, как пламя. Отвел правую руку, собираясь врезать кулаком в стекло, и к черту костяшки, но боль в сломанных ребрах пронзила его навылет, обрушив скорчившимся на пол телефонной будки.

Теперь пульсация в основании черепа вздыбилась.

В глазах все раздвоилось, расплылось, а затем потемнело…

*** * ***

Когда он снова открыл глаза, будка была погружена в тень. Ухватившись за металлический тросик, прикрепленный к телефонной книжке, вскарабкался на ноги. Через грязное стекло увидел верхний сегмент солнца, соскальзывающего за скалистый гребень, ограждающий городок с запада.

И едва оно скрылось, как температура упала на десяток градусов.

Все еще помня собственный номер телефона, он несколько раз выстучал его на клавиатуре для подстраховки и снова снял трубку проверить, не появился ли гудок. Молчание, не считая едва уловимого шороха белого шума, просачивающегося по линии, которого прежде вроде бы не было слышно.

– Алло? Алло?

Он повесил трубку и снова поднял телефонный справочник. В первый раз он изучал фамилии, нащупывая любое словечко, способное столкнуть память с мертвой точки или пробудить какое-нибудь чувство. Теперь же просматривал имена, ведя пальцем по странице сверху вниз и пытаясь игнорировать боль в основании черепа, уже подползающую сызнова.

Первая страница – ничего.

Вторая страница – ничего.

Третья – ничего.

На шестой его палец задержался.

СКОЗИ Мак и Джейн

403 В 3-я ул. ЗСосны 83278……… 559–0196

Быстренько пробежал оставшиеся две страницы – Скози оказался единственным Маком, числящимся в телефонном справочнике Заплутавших Сосен.

Толкнув плечом складную стеклянную дверь, он вышел из будки в ранний вечер. Теперь, когда солнце опустилось ниже кольца скал, свет стремительно утекал с небосвода, и температура начала падать.

Где я буду сегодня ночевать?

Он заковылял по тротуару, чувствуя, как часть сознания просто криком кричит, что надо идти прямиком в больницу. Он болен. Обезвожен. Голоден. Дезориентирован. Без гроша. Все тело болит. А дышать все труднее от парализующей боли, вспыхивающей в ребрах всякий раз, когда к ним прижимаются наполняющиеся воздухом легкие.

Но что-то в нем упорно сопротивлялось мысли идти в больницу, и, продвигаясь прочь от центра к жилищу Мака Скози, он понял, что именно.

Снова… страх.

Не знал, почему. Бессмыслица какая-то. Но не хотел даже близко подходить к этой больнице.

Только не в нынешнем состоянии. И вообще ни в каком.

Страх диковиннейшего рода. Неопределенный. Будто идешь по лесу ночью, не зная, чего именно следует бояться, а страх тем временем усугубляется именно своей загадочностью.

Два квартала на север вывели его на Третью улицу, и, сворачивая на тротуар и направляясь на восток, прочь от центра, он ощутил необъяснимое теснение в груди.

На первом почтовом ящике, который он миновал, значилось «201».

Он прикинул, что жилище Скози всего в паре кварталов.

Чуть впереди на траве двора играли детишки, по очереди пробегая через струю разбрызгивателя. Стараясь идти ровно, не горбясь, но все-таки невольно оберегая правый бок от сотрясения ребер, он направился к их оградке.

При его приближении дети безмолвно застыли, беззастенчиво таращa на него глаза, полные любопытства с примесью настороженности, от которой ему стало не по себе.

Он пересек очередную дорогу, еще более замедлив шаг в следующем квартале, проходя под ветвями трех огромных сосен, нависших над улицей.

Как раз число живописных «викторианцев», населивших этот квартал, где все начинается на тройку.

Скози будет следующим.

Ладони его взмокли, а пульсация в затылке уже звучала, как *бум-бум-бум* басового барабана, погребенного глубоко под землей.

Две секунды двоения в глазах.

Он крепко зажмурился, а когда открыл глаза вновь, зрение было в порядке.

На следующем перекрестке остановился. Пересохший рот будто ватой набили. Каждый вздох давался через муку, желчь подкатывала под самое горло.

Все это обретет смысл, когда ты увидишь его лицо.

Должно обрести.

Он сделал осторожный шажок на улицу.

С наступлением вечера холод начал стекать с гор в долину, понемногу наполняя ее.

Лучи солнца на вершинах придавали скалам, обступившим Заплутавшие Сосны, розоватый оттенок под стать темнеющему небосводу. Он попытался узреть в этом красоту и трогательность, но мэка воспрепятствовала этому.

Пожилая чета двигалась прочь от него, спокойно прогуливаясь рука об руку.

В остальном улица была пуста и безмолвна, шум центра совсем стих.

Он пересек гладкую черную полосу асфальта и ступил на тротуар.

Почтовый ящик 401 был прямо впереди.

403-й следующий на очереди.

Теперь приходилось все время щуриться, чтобы отогнать двоение в глазах и пронзительную пульсацию мигрени.

Пятнадцать мучительных шагов, и вот он стоит перед черным почтовым ящиком 403.

СКОЗИ.

Он восстановил равновесие, крепко ухватившись за острые концы штакетника.

Протянув руку, отпер калитку и толкнул ее обшарпанным носком черной туфли.

Под скрип петель она распахнулась.

Легонько ударившись о забор.

Дорожка из разноцветного старинного кирпича, будто лоскутное одеяло, вела к веранде с парой кресел-качалок, разделенных кованым железным столиком. Сам дом был пурпурным с зеленой окантовкой, и сквозь тонкие занавески виднелся свет внутри.

Просто иди. Ты должен узнать.

Он заковылял к дому.

Двоение в глазах накатывало тошнотворными вспышками, одолеть которые становилось все труднее и труднее.

Он ступил на крыльцо, выставив руки как раз вовремя, чтобы удержаться от падения, опершись о косяк двери. Бесконтрольно трясущимися руками схватился за дверной молоток, отведя его от бронзовой пластины.

Не дал себе даже доли секунды на размышление, чтобы не передумать.

Четырежды брякнул молотком по пластине.

Ощущение было такое, будто кто-то бил его по затылку каждые четыре секунды. Жгучие кляксы тьмы заплясали перед глазами, будто миниатюрные черные дыры.

По ту сторону двери послышался стон паркета под весом приближающихся шагов.

Ноги стали как пластилиновые.

Чтобы удержаться, он ухватился за столбики, поддерживающие крышу веранды.

Деревянная дверь распахнулась, и мужчина, по возрасту вполне годящийся ему в отцы, поглядел на него через сетчатую дверь – высокий и худой, с хохолком седых волос на макушке, белой эспаньолкой и микроскопическими красными прожилками на щеках, предполагавшими пьянство на протяжении всей жизни.

– Могу я вам помочь? – осведомился он.

Выпрямился, усиленно моргая сквозь мигрень, собрав все силы, чтобы просто стоять без поддержки.

– Вы Мак? – Он расслышал страх в собственном голосе; пожалуй, и этот мужчина тоже.

Он сам был себе этим противен.

Старик наклонился к сетке, чтобы получше разглядеть чужака на своем крыльце.

– Чем я могу вам помочь?

– Вы Мак?

– Да.

Он подобрался поближе; старик попал в фокус. Повеяло кислой сладостью красного вина от его дыхания.

– Вы меня знаете?

– Простите?

Теперь страх сублимировался в гнев.

– Вы. Меня. Знаете. Вы со мной это сделали?

– Ни разу в жизни прежде вас не видал, – отозвался старик.

– Это правда? – Его руки непроизвольно сжались в кулаки. – Есть в городе еще какой-нибудь Мак?

– Насколько я знаю, нет. – Толчком распахнув сетчатую дверь, Мак рискнул ступить на крыльцо. – Приятель, вид у вас не фонтан.

– Я и чувствую себя не фонтан.

– Что с вами стряслось?

– Это вы мне скажите, *Мак*.

«Милый? Там все в порядке?» – донесся женский голос откуда-то из дома.

– Да, Мадж, все нормально! – Мак поглядел на него. – Давайте-ка отвезу вас в больницу. Вы ранены. Вам нужна…

– Никуда я с вами не поеду.

– Тогда зачем вы явились в мой дом? – В голосе Мака прорезались ворчливые нотки. – Я просто предложил вам помощь. Вам она не нужна, вот и отлично, но…

Мак еще говорил, но его слова начали растворяться, тонуть в шуме, нарастающем под ложечкой, будто грохот товарного поезда, несущегося на него. Черные дыры множились, мир закружился. Ему просто не устоять на ногах еще пять секунд, если только голова не взорвется прежде.

Он поглядел на Мака – губы того еще двигались, и этот товарняк, приближающийся со шквальным грохотом, в ногу со зверским буханьем в голове, и он не мог отвести глаз от рта Мака, от зубов старика, – синапсы заискрились, пытаясь нащупать контакт, и грохот, Боже, грохот, и буханье…

Не почувствовал, как ноги подкосились.

Даже не заметил, как оступился назад.

Только что был на крыльце.

И уже на траве.

Плашмя, всей спиной, с головой, идущей кругом от жесткого удара о землю.

Теперь Мак маячил над ним, глядя сверху вниз, наклонившись, упираясь ладонями в колени, а слова его безнадежно затерялись в грохоте товарняка, с воем проносящегося сквозь голову навылет.

Он балансировал на грани потери сознания – чувствовал, как оно откатывает, остались считаные секунды, – и хотел этого, хотел, чтобы боль прекратилась, но…

Ответы.

Они прямо здесь.

Так близко.

Бессмыслица какая-то, но как-то это связано со ртом Мака. С его зубами. Он не мог перестать смотреть на них, не зная, почему и зачем, но все это где-то там.

Объяснение.

Ответы на всё.

И ему открылось: хватит упорствовать.

Хватит так отчаянно этого желать.

Брось думать.

Просто дай этому прийти.

Зубы зубы-зубызубызубызубзубзуб…

Это не зубы.

Это яркая, сверкающая решетка с печатными буквами МАК [4] *спереди.*

Столлингс, человек рядом с ним на переднем пассажирском сиденье, не видит, что *надвигается.*

За трехчасовую поездку к северу от Бойсе стало очевидно, что Столлингс обожает звук собственного голоса и делает то, что делал все это время, – болтает. Он перестал слушать еще час назад, когда обнаружил, что может совсем отключиться, раз в пять минут или около того вставляя реплики вроде «я и не думал об этом в таком ключе» или «гм-м, любопытно».

И как раз повернулся, чтобы сделать этот символический взнос в беседу, когда прочел слово «МАК» в нескольких футах за окном со стороны Столлингса.

Даже не начал реагировать – едва успел прочесть слово, – когда окно рядом с головой Столлингса взорвалось градом стеклянного щебня.

Подушка безопасности тоже взрывается, вылетая из рулевой колонки, но с миллисекундным опозданием, чуть разминувшись с его головой, врезающейся в стекло достаточно сильно, чтобы пробить его насквозь.

Правый бок «Линкольн Таункар» вминается под апокалиптический звон разлетающегося стекла и скрежет сгибающегося металла, и голова Столлингса принимает прямой удар решетки радиатора грузовика.

Итан чувствует жар двигателя грузовика, врезающегося в автомобиль.

Внезапная вонь бензина и тормозной жидкости.

Кровь повсюду – сбегает по треснувшему ветровому стеклу, брызжет на приборную панель, ему в глаза, все еще вырываясь из того, что осталось от Столлингса.

«Таункар» скользит боком через перекресток под напором грузовика к стене того кирпичного дома с телефонной будкой возле переулка, когда он теряет сознание.

Глава 02

Ему улыбалась женщина. По крайней мере, ему подумалось, что это полный рот красивых зубов, хотя перед глазами все так расплывалось и двоилось, что толком и не скажешь. Она склонилась чуть ближе, обе ее головы слились воедино, и черты проступили достаточно четко, чтобы разглядеть, что она красавица. Форменный белый халат с короткими рукавами, застегнутый на пуговицы до самого низа, юбка кончается чуть выше колен.

Она все повторяла его имя.

– Мистер Бёрк! Мистер Бёрк, вы меня слышите? Мистер Бёрк!

Головная боль прошла.

Он начал медленно, осторожно наполнять легкие воздухом, пока боль в ребрах не оборвала вдох.

Должно быть, он скривился, потому что медсестра сказала:

– Вы еще испытываете дискомфорт в левом боку?

– Дискомфорт! – Он застонал сквозь смех. – Да, я испытываю дискомфорт. Определенно можете называть это так.

– Если хотите, могу дать вам какое-нибудь обезболивающее посильнее.

– Думаю, обойдусь.

– Ладно, но надо не изображать из себя мученика, мистер Бёрк. Я сделаю что угодно, чтобы вам было комфортно, только скажите. Я ваша девушка. Кстати, зовут меня Пэм.

– Спасибо, Пэм. По-моему, я вас помню с прошлого раза, когда был здесь. Мне ни за что не забыть этот классический халат медсестры. Я и не знал, что их еще выпускают.

– Что ж, я рада, что память к вам возвращается. Это очень хорошо. Доктор Митер скоро вас проведает. Вы не против, если я померю вам давление?

– Разумеется.

– Чудесно.

Медсестра Пэм взяла тонометр с тележки у изножья кровати и застегнула манжету вокруг его левого бицепса.

– Вы нас порядком напугали, мистер Бёрк, – сказала она, накачивая манжету. – Вот так вот взяли и ушли.

И молчала, пока стрелка не опустилась.

– Как я сдал? – поинтересовался он.

– На пять с плюсом. Систолическое сто двадцать два. Диастолическое семьдесят пять. – Она отстегнула липучку манжеты. – Когда вас привезли, вы были в бреду. Вроде как не знали, кто вы такой.

Он сел в кровати. Туман в голове начал рассеиваться. Он в частной больничной палате – вроде бы даже знакомой. Рядом с кроватью окно. Жалюзи закрыты, но свет, пробивающийся сквозь щели, достаточно робок для раннего утра или раннего вечера.

– Где вы меня нашли? – спросил.

– На переднем дворе Мака Скози. Вы потеряли сознание. Вы помните, что там делали? Мак сказал, что выглядели вы довольно возбужденным и запутавшимся.

– Я очнулся вчера у реки. Не знал, ни кто я, ни где нахожусь.

– Вы покинули больницу. Вы помните, как уходили?

– Нет. Я пошел к жилищу Скози, потому что он был единственным Маком в телефонной книге.

– Что-то я не поняла…

– Мак было единственным именем, которое имело для меня хоть какой-то смысл.

– И почему вы так думали?

– Потому что Мак было последним словом, которое я прочел перед тем, как в нас врезался грузовик.

– А, правильно… вашу машину саданул в бок грузовик «Мак».

– Именно.

– Сознание – вещь странная, – заметила медсестра, обогнув край кровати и подходя к окну. – Действует загадочным образом. Отыскивает диковиннейшие связи.

– Сколько времени прошло с тех пор, как меня снова сюда привезли?

Она подняла жалюзи.

– Около полутора суток.

Свет хлынул в комнату.

За окном действительно стояло утро, солнце только-только отделилось от восточной гряды скал.

– У вас было сильное сотрясение, – сообщила она. – Вы могли там и умереть.

– А я и чувствовал себя так, будто помираю.

Свет раннего утра, заливающий городок, был просто сногсшибателен.

– Как ваша память? – осведомилась Пэм.

– Страннее некуда. Все вернулось ко мне, когда я вспомнил аварию. Будто кто-то просто щелкнул выключателем. Как состояние агента Столлингса?

– Кого?

– Человека, ехавшего на переднем пассажирском сиденье автомобиля, когда произошло столкновение.

– А.

– Он не выжил, да?

Медсестра Пэм вернулась к кровати и, протянув руку, положила ладонь ему на запястье.

– Боюсь, что нет.

Он так и предполагал. Не видел подобных травм еще с войны. И все же подтвердившееся подозрение подействовало отрезвляюще.

– Он был вашим близким другом? – поинтересовалась медсестра.

– Нет. Я впервые увидел его утром того же дня.

– Должно быть, просто ужасно. Мне так жаль.

– Каков *мой* урон?

– Простите?

– Какие у меня травмы?

– Доктор Митер сможет просветить вас лучше моего, но вы получили сотрясение мозга; теперь оно купировано. Пара сломанных ребер. Небольшие ссадины и синяки. Учитывая все обстоятельства, все могло кончиться для вас намного-намного хуже.

Отвернувшись, она направилась к двери, начала было ее открывать, но тут задержалась и быстро оглянулась через плечо:

– Итак, мы уверены, что ваша память возвращается?

– Абсолютно.

– Как вас зовут?

– Итан, – ответил он.

– Отлично.

– Можете сделать мне одолжение? – спросил он.

Широкая, киловаттная улыбка.

– Только скажите.

– Мне нужно позвонить ряду людей. Жене. Начальству в Конторе. Кто-нибудь с ними связывался?

– По-моему, кто-то из офиса шерифа звонил вашим экстренным контактам после аварии. Дали им знать, что случилось, сообщили о вашем состоянии.

– У меня в кармане пиджака во время столкновения был айфон. Вы, случаем, не знаете, где он?

– Нет, но я определенно могу надеть свою детективную шляпку Нэнси Дрю[5] и выяснить это для вас.

– Буду искренне благодарен.

– Там красная кнопочка на перилах сбоку. Видите?

Итан опустил взгляд на кнопочку.

– Я в одном клике от вас.

Просияв еще одной лучезарной улыбкой, медсестра Пэм удалилась.

* * *

В палате не было ни телевизора, ни телефона. Лучшим и единственным развлечением оказались настенные часы, висящие над дверью, и он несколько часов пролежал в постели, следя, как секундная стрелка вершит бесконечное круговращение по своей орбите, пока утро не перешло в полдень, а полдень не покатился по направлению к вечеру.

Наверняка не скажешь, но палата, похоже, на этаже третьем-четвертом. Медсестра Пэм оставила жалюзи открытыми, так что, устав от созерцания часов, Итан осторожно повернулся на здоровый бок, чтобы предаться изучению перипетий Заплутавших Сосен.

С высоты своего наблюдательного пункта он просматривал Главную улицу навылет, а также несколько кварталов в обе стороны.

Еще до прибытия сюда Итан знал, что городок крохотный и сонный, но его полнейшая бездеятельность изумляла его до сих пор. Прошел час, а он насчитал лишь дюжину человек, неспешно прошагавших по тротуару мимо больницы, и ни единого автомобиля, проследовавшего по самой оживленной транспортной магистрали города. Самый эффективный отвлекающий объект находился в двух кварталах от больницы – бригада строителей, возводящих дом.

Он думал о своих жене и сыне в Сиэтле, уповая, что они уже в пути, чтобы повидаться с ним. Наверное, поймали первый же авиарейс. Должно быть, им пришлось лететь в Бойсе или Мизулу. И арендовать автомобиль для долгой поездки в Заплутавшие Сосны.

Когда он бросил взгляд на часы в следующий раз, было уже без четверти четыре.

Он провалялся в кровати целый день, а доктор Митер, или как его там, даже не потрудился заглянуть. Итан провел в больницах порядком времени, и опыт подсказывал, что медсестры и врачи никогда не оставляют тебя в одиночестве более чем на десять секунд – кто-нибудь вечно приносит какие-нибудь новые лекарства, вечно прощупывают и простукивают.

Здесь же его практически игнорируют.

Медсестра Пэм так и не показалась с его айфоном и прочими вещами. Насколько занят может быть персонал этой больницы посреди нигде?

Взяв в руку пульт управления, подвешенный к перилам, Итан вдавил большим пальцем кнопку ВЫЗОВ МЕДСЕСТРЫ.

Пятнадцать минут спустя дверь его палаты распахнулась, и медсестра Пэм порхнула через порог.

– О, боже мой, я так извиняюсь! Увидела, что вы звонили, только десять секунд назад. По-моему, у нас проблемы с интеркомом. – Остановившись в изножье кровати, она положила ладони на металлическую спинку. – Чем могу вам помочь, Итан?

– Где доктор Митер?

– Связан по рукам и ногам, весь день в экстренной хирургии, – поморщилась она. – Один из этих пятичасовых кошмаров, – и рассмеялась. – Но я ввела его в курс насчет ваших утренних показателей и фантастического прогресса с вашей памятью, и он считает, что вы справляетесь на отлично-симпатично.

Она показала Итану оба больших пальца.

– Когда я смогу его увидеть?

– Смахивает на то, что теперь он будет делать обход после ужина, который на подходе в ближайшие полчаса.

Итан изо всех сил старался скрыть растущее негодование.

– Вам повезло найти мой телефон и прочие вещи, которые были при мне в момент катастрофы? Сюда относятся мой бумажник и черный атташе-кейс.

Отдав подобие салюта, медсестра Пэм промаршировала вперед на несколько шагов.

– Как раз работаю над этим, капитан!

– Просто принесите мне стационарный телефон, сейчас же. Мне надо сделать ряд звонков.

– Конечно, маршал[6].

– Маршал?

– Вы ведь кто-то вроде маршала США или типа того?

– Нет, я специальный агент Секретной службы Соединенных Штатов.

– Правда?

– Правда.

– Я-то думала, что вы, парни, занимаетесь защитой президента.

– Мы занимаемся и еще кое-какими вещами.

– Так что же вы делаете в нашем райском уголке?

Итан одарил ее холодной тонкой усмешкой.

– Это я обсуждать не могу.

Вообще-то может, но не чувствует расположения.

– Ну, теперь вы меня совсем заинтриговали.

– Телефон, Пэм.

– Простите?

– Мне в самом деле нужен телефон.

– Уже пошла.

* * *

Когда же наконец доставили ужин – порции зеленого и бурого месива, разложенного по отсекам блестящего металлического подноса, – а телефон все еще не принесли, Итан решил уйти.

Разумеется, один раз он уже сорвался, но был тогда не в своем уме, страдая от сильной контузии.

Теперь же он мыслил вполне ясно.

Головная боль прошла, дыхание давалось с меньшим трудом и болью, а если врачу и вправду небезразлично его состояние, уж, наверное, этот говнюк как-нибудь пожаловал бы его визитом за последние десять часов.

Итан дождался, пока медсестра Пэм удалится, одарив прощальным заверением, что больничная пища «на вкус куда лучше, чем на вид».

Как только дверь закрылась, Итан выдернул из запястья иглу для внутривенных вливаний и перебрался через перила кровати. Босыми ступнями ощутил холод покрытого линолеумом пола. До пристойного самочувствие не дотягивало лишь самую малость, но целые световые годы – до его состояния сорок восемь часов назад.

Он прошлепал босиком к одежному шкафу и потянул дверцу.

Его рубашка, пиджак и брюки висели на плечиках, туфли стояли на полу под ними.

Ни носков.

Ни трусов.

Пожалуй, придется голышом.

Боль накатила, лишь когда он наклонился, чтобы натянуть брюки, – острый укол высоко в левом боку, прошедший, как только он снова распрямился.

Ему на глаза попались собственные босые ноги и, как всегда, вид сплетающихся рубцов вышиб его из текущего момента на восемь лет назад, в комнату с бурыми стенами, где стоял смрад смерти, так его и не покинувший.

Проверив, Итан обнаружил, что перочинный ножик по-прежнему в кармане пиджака. Хорошо. Это реликвия тех времен, когда ему едва перевалило за двадцать и он работал вертолетным механиком, – скорее талисман, чем функциональный инструмент, но мысль, что он на месте, доставила некоторое утешение.

Он стоял перед зеркалом в ванной, возясь с галстуком. Справился лишь с пятой попытки. Пальцы не слушались, промахивались, словно не завязывали галстуков много лет.

Когда же наконец удалось сладить посредственный виндзорский узел, сделал шаг назад, чтобы окинуть себя оценивающим взором.

Синяки на лице выглядят капельку лучше, но на пиджаке остались пятна от травы и земли, а левый карман оказался чуть надорван. Белая оксфордская рубашка под ним тоже запятнана – у воротника виднеются следы крови.

За последние пару дней Итан потерял несколько дюймов в талии, так что ремень пришлось затянуть до последней дырочки, и все равно брюки болтались.

Открыв кран, смочил ладони и причесал волосы пятерней.

Ну, вроде ничего. Попытался более-менее привести себя в порядок.

Пополоскал рот тепловатой водой, но зубы все равно казались замшевшими.

Понюхал собственные подмышки – *вонь*.

И побриться надо бы. Таким одичавшим он не выглядел уже много лет.

Сунул ноги в туфли, зашнуровал их и направился из ванной к двери.

Инстинкты настоятельно призывали уйти незаметно, и это его озадачило. Он федеральный агент, наделенный полнотой власти правительства Соединенных Штатов. А значит, люди должны выполнять, что он велит. Даже медсестры и врачи. Не хотят, чтобы он уходил? Пусть обломаются. И все же он отчасти внутренне сопротивлялся эскалации инцидента. Сам понимал, что это глупо, но не хотел попадаться на глаза медсестре Пэм.

Повернув дверную ручку, приоткрыл дверь на дюйм от притолоки.

И увидел лишь пустой коридор.

Насторожил уши.

Никакой отдаленной болтовни медсестер.

Никаких шагов.

Только вопиющая тишина.

Высунул голову.

Быстрый взгляд налево и направо подтвердил его подозрения. В данный момент тут ни души, пустует даже пост медсестры в пятидесяти футах дальше по коридору.

Ступив из палаты на клетчатый линолеум коридора, тихонько прикрыл за собой дверь.

Здесь слышался лишь один звук, доносившийся от люминесцентных ламп над головой, – негромкое, ровное гудение.

Внезапно сообразив, как следовало поступить первым делом, он наклонился через боль в ребрах, чтобы расшнуровать туфли.

И босиком двинулся по коридору.

Все двери до единой в этом крыле были закрыты, через щелки под дверьми не просачивалось ни лучика света, словно все палаты пустовали.

Покинутый пост медсестры расположился на средоточии четырех коридоров, три из которых вели в другие крылья с палатами пациентов.

Коридорчик покороче по ту сторону поста вел к двустворчатой двери с табличкой наверху, гласившей: ОПЕРАЦИОННАЯ.

Остановившись у лифта прямо напротив поста, Итан нажал на кнопку со стрелкой вниз.

И сквозь двери услышал, как шкивы подъемника пришли в движение.

– Ну же!

Ждал целые годы.

Спохватившись, что надо было просто пойти по лестнице.

То и дело оглядываясь через плечо, ловил слухом приближающиеся шаги, но не мог расслышать ни звука за шумом поднимающейся кабины лифта.

Наконец двери разъехались со скрежетом, от которого аж зубы заныли, и Итан отступил в сторонку – на случай, если кто-то ехал наверх.

Никто из лифта не вышел.

Юркнув внутрь, он нажал на кнопку цокольного этажа.

Изучая подсвеченные цифры над дверью, увидел, как лифт начал неторопливое нисхождение с цифры 4, и прошла добрая минута – довольно времени, чтобы Итан успел снова обуться, – прежде чем осветилась буква G и двери начали со скрежетом разъезжаться.

Протиснувшись сквозь них, он вышел на очередное средоточие коридоров.

Невдалеке бубнили голоса.

Звук едущей каталки со скрипучим колесиком.

Двинувшись в противоположном направлении, Итан проследовал тремя длинными коридорами и уже начал подозревать, что заблудился, когда наконец углядел знак ВЫХОД.

Поспешил вниз по половине лестничного пролета, пробился сквозь дверь внизу и, запнувшись, вышел на улицу.

Стоял ранний вечер, ясное небо угасало, солнце закатилось, и свет зари окрасил горы розово-оранжевыми красками. Итан обнаружил, что стоит на короткой дорожке, протянувшейся от больницы – четырехэтажного здания из красного кирпича, больше смахивающего на школу или психиатрическую лечебницу.

Набрал в грудь кислорода сколько мог, не спровоцировав боли, ощутив, как чудесно дышать этим прохладным воздухом, напоенным ароматом сосен, после больничного антисептического амбре.

Добравшись до тротуара, двинулся по Главной улице к зданиям центра.

Народу вокруг было побольше, чем днем.

Он миновал ресторанчик в небольшом доме с патио сбоку. Люди обедали на улице, под сенью тополей, увитых гирляндами крохотных белых лампочек.

От аромата стряпни в желудке заурчало.

На углу Главной и Пятой Итан перешел улицу и вернулся к телефонной будке, где потерял сознание два дня назад.

Войдя в нее, он листал телефонный справочник, пока не отыскал адрес офиса шерифа Заплутавших Сосен.

* * *

Чувствуя себя лучше, чем прежде, Итан зашагал к восточной окраине городка, когда уже начало смеркаться и температура понизилась.

Проследовал мимо барбекю в полном разгаре.

Ветерок с запахом древесного угля.

Добрый кислый аромат пива, доносящийся от пластиковых стаканов.

Звук детского смеха, эхом раскатывающийся по долине.

Звук спринклера неподалеку, будто стрекочущий звон цикады.

Куда ни погляди, просто картинка.

Будто Платонов идеальный город. Здесь вряд ли живет более четырех-пяти сотен человек, и Итан вдруг задумался, что же их сюда привело. Сколько из них, открыв Заплутавшие Сосны по чистой случайности, влюбились и остались? Сколько родились здесь и не покинули город?

Хоть он сам и житель мегаполиса до мозга костей, но вполне способен понять тех, кто не желает покидать подобное местечко. К чему бросать то, что представляется полнейшим и абсолютнейшим идеалом? Квинтэссенция Америки в окружении поразительнейших природных красот, когда-либо попадавшихся ему на глаза. Он видел фотографии Заплутавших Сосен вечером накануне вылета из Сиэтла, но ни одна из них даже близко не подошла к тому, чтобы воздать этой долине по заслугам.

И все-таки *он* здесь.

И в свете этого факта, а вернее, *из-за* него это место неидеально.

Опыт Итана подсказывал, что тьма скапливается везде, где собираются люди.

Уж так устроен мир.

Безупречность поверхностна. Этакий эпидермис. Прорежь на парочку слоев вглубь – и узришь некие темные тени.

Прорежь до кости – угольную черноту.

Шагая, он не мог отвести глаз от гор. Восточная стена, должно быть, возносится на три или четыре тысячи футов. Ближе к вершине – сплошь камни и лед.

Последние горизонтальные лучи солнечного света били в скалы у него за спиной, и Итан обернулся, выкроив минутку, чтобы полюбоваться, как заря угасает.

Как только свет померк, скалы моментально обрели цвет вороненой стали.

И природа изменилась.

Она была по-прежнему прекрасна.

Но более чужда.

Безразлична.

* * *

Вывеска над стеклянными двустворчатыми дверьми:

ОФИС ШЕРИФА ЗАПЛУТАВШИХ СОСЕН

Шагая к парадному входу по дорожке, обсаженной молодыми сосенками, он вдруг ощутил новый прилив чувства безнадежности.

Через стекло увидел, что в вестибюле темно и пусто.

И все-таки схватился за ручку двери и крепко дернул.

Заперто.

Разумеется, час неурочный, но *черт побери*.

Попятившись от входа, Итан поглядел вдоль фасада одноэтажного здания. В дальнем конце что-то вроде лучика света, пробивающегося сквозь жалюзи за окном.

Снова подойдя, постучал костяшками по одной из створок стеклянной двери.

Ничего.

Забарабанил с умноженной силой, молотя так, что двери затряслись на петлях.

Прошло пять минут, но никто так и не показался.

* * *

Когда он добрался до Главной улицы, выглянули уже две звезды и планета, и прохлада, такая комфортная пятнадцать минут назад, сменилась неприятным холодом, забирающимся под его тонкую оксфордскую рубашку, а ноги без носков начали зябнуть.

Что хуже, первые признаки настоящего голода дали о себе знать сосущей болью под ложечкой и вертиго по ту сторону глаз.

Пройдя несколько кварталов до отеля «Заплутавшие Сосны», он вскарабкался по каменным ступеням ко входу.

Сквозь застекленную дверь увидел огни внутри и молодую женщину за конторкой.

Вошел в вестибюль, ощутив благословенное дыхание тепла.

Угол напротив массивного очага, где как раз сейчас трещал огонь, занимал рояль.

Остановившись на минутку, Итан поднес ладони к пышущему жару. Кипящая сосновая смола испускала сладковатый свечной аромат. Он почувствовал, что готов просто вытянуться на диване и проспать несколько суток напролет.

Но, постояв минутку, заставил себя потащиться дальше, к конторке портье.

Женщина улыбнулась приближающемуся Итану.

На глазок ей лет двадцать пять. Симпатичная, хоть малость полновата, черные волосы стянуты в короткий конский хвостик. Одета в белое форменное платье под черной жилеткой с бейджиком, идентифицирующим ее как «Лизу».

Подобравшись к конторке бочком, Итан положил локти на высокую стойку, чтобы удержать равновесие.

– Добрый вечер, – сказала Лиза. – Добро пожаловать в отель «Заплутавшие Сосны». Чем могу служить?

С ее приветствием что-то было не так. Не со словами, а с подачей. Она словно мучительно вспоминала реплики, произносить которые приходится крайне редко.

– У вас есть сегодня свободные номера?

– Разумеется.

Лиза застучала по клавишам.

– Только на сегодня? – осведомилась она.

– Да. Во всяком случае, пока.

Итан бросил взгляд на монитор компьютера – архаичное чудовище. Словно прямиком из восьмидесятых. Он даже не мог припомнить, когда в последний раз видел такого динозавра.

– Мне номер для некурящих, без животных, на втором этаже с королевской кроватью.

– Замечательно. – Она закончила печатать. – Хотите оплатить по кредитной карте?

– Интересный вопрос, – усмехнулся Итан.

– Правда? Как это?

– Несколько дней назад я попал в автокатастрофу. В борт моей машины врезался грузовик. Вообще-то всего в квартале отсюда. Может, вы видели?

– Нет, наверняка не видела.

– Ну, меня только что выписали из больницы, и штука в том… Я не смог отыскать свой бумажник. Фактически говоря, вообще никаких личных вещей.

– О, мне так жаль это слышать.

Ему показалось, что Лизина улыбка утратила чуточку своего первоначального энтузиазма.

– Так как же именно вы тогда собираетесь платить, мистер?..

– Бёрк. Итан Бёрк. Видите ли, именно это я и пытаюсь до вас донести. Я не смогу заплатить за номер, пока завтра не получу бумажник обратно. Меня проинформировали, что мои вещи сейчас в распоряжении шерифа. Не знаю толком, почему, но… – Он развел руками. – Уж так оно есть.

– Гмм. Послушайте, вообще-то мне не разрешается селить постояльцев без аванса наличными или хотя бы номера кредитной карты. Такова политика отеля. В случае – и конечно, я вовсе не говорю, что такое непременно случится, – но в случае, если номеру будет причинен какой-нибудь ущерб или расходы, связанные с…

– Понимаю. Я прекрасно осведомлен о назначении задатка. Я просто пытаюсь сказать вам, что смогу расплатиться с вами завтра утром.

– У вас хотя бы водительские права есть?

– Всё в моем бумажнике.

Лиза прикусила нижнюю губу, и Итан понял, *что* назревает – милая барышня накручивает себя на роль мерзкого хулигана.

– Сэр… мистер Бёрк… боюсь, без кредитной карты, наличных или документов я не смогу предоставить вам сегодня номер. Я бы с радостью. Правда. Но уж такова политика отеля, и…

Она осеклась, увидев, что Итан перегнулся через стойку.

– Лиза, а знаете, почему я в черном костюме?

– Нет.

– Я специальный агент Секретной службы Соединенных Штатов.

– Вы имеете в виду этих парней, что охраняют президента?

– Это лишь одна из наших обязанностей. Наша первостепенная миссия – оберегать целостность нашей национальной финансовой инфраструктуры.

– Так вы, типа, занимаетесь в Заплутавших Соснах расследованием?

– Да. Я только-только прибыл в город, когда произошел несчастный случай.

– Какого рода расследование?

– Никаких подробностей я обсуждать не могу.

– А вы не водите меня за нос, а?

– Будь это так, я совершил бы федеральное преступление.

– Вы вправду специальный агент?

– Да. А еще я устал и прошу вас дать мне только один шанс. Мне нужен номер для ночлега. Я вам обещаю – и слово свое я держу.

– И заплатите завтра? Первым делом?

– Первым делом.

* * *

С ключом в руке он потащился вверх по лестнице на второй этаж, выведшей его в длинный тихий коридор. Светильники а-ля каретные фонари, развешанные по стенам через каждые двадцать футов, отбрасывали слабый желтый свет на персидские ковры.

Его комната – номер 226 – находилась в дальнем конце.

Отперев дверь, он ступил внутрь и щелкнул выключателем.

Декор с уклоном в фольклорный конец спектра.

Две скверно намалеванные культовые сцены Дикого Запада.

Ковбой на брыкающемся мустанге.

Группа батраков-скотоводов, сгрудившихся вокруг костра.

Сама комната была душной и без телевизора.

Только ветхозаветный черный телефон с дисковым номеронабирателем на одном из прикроватных столиков.

Сама кровать выглядела мягкой и грандиозной. Опустившись на матрас, Итан расшнуровал туфли. От ходьбы без носков на пятках уже вздулись несколько волдырей. Снял пиджак, галстук и расстегнул верхние три пуговки своей оксфордской рубашки.

В ящике прикроватного столика лежал телефонный справочник. Вытащив книжку, Итан положил ее на кровать и взял античный телефон.

Гудок.

Слава богу.

Как ни странно, домашний номер в памяти не всплыл. Пришлось потратить добрую минуту, пытаясь представить, какие цифры появлялись, когда он делал его быстрый набор на своем айфоне. Только позавчера он был тут как тут, но… «Два… ноль… шесть». Итан знал, что номер начинается с этих трех цифр – региональный код Сиэтла, – и пять раз накрутил их на диске телефона, но пять раз после шестерки натыкался на зияющую пустоту.

Набрал 411.

После двух гудков оператор ответила:

– Город и абонент?

– Сиэтл, штат Вашингтон. Итан Бёрк. Б-Е-Р-К.

– Минуточку, пожалуйста. – В трубке послышалось клацанье клавиш. Последовала долгая пауза. Затем: – Б-Е-Р-К?

– Правильно.

– Сэр, абонент под этим именем у меня не значится.

– Вы уверены?

– Да.

Это определенно странно, но учитывая характер его работы, его номер, вероятно, в списки не внесли. А если вдуматься, он в этом почти уверен. Почти.

– Ладно, спасибо.

Отставив телефон, Итан открыл телефонную книгу и нашел номер офиса шерифа.

После пятого звонка номер переключился на автоответчик.

Дождавшись гудка, Итан сказал:

– Это специальный агент Итан Бёрк из Секретной службы Соединенных Штатов, отделение в Сиэтле. Как вам известно, я попал в дорожно-транспортное происшествие на Главной улице несколько дней назад. Мне необходимо переговорить с вами при первой же возможности. В больнице меня уведомили, что все мои вещи, включая бумажник, телефон, портфель и личное оружие, находятся в вашем распоряжении. Я зайду утром первым делом, чтобы забрать их. Если кто-либо получит это

сообщение до того, будьте любезны позвонить мне в отель «Заплутавшие Сосны». Я остановился в номере двести двадцать шесть.

* * *

Уже совсем смерклось, когда Итан спустился по ступеням крыльца отеля, преодолевая жуткую боль в стертых ступнях, голодный, как черт.

Кафе рядом с отелем было закрыто, так что он направился на север под небом, изобилующим звездами, мимо букинистического магазина, пары сувенирных лавок и адвокатской конторы.

Было не так уж поздно, но все заведения уже закрылись на ночь, и тротуары Главной опустели. Итан уже готов был примириться с ужасающей мыслью сверх всего еще и остаться без обеда, когда заметил свет, падающий на тротуар в следующем квартале. Шаг его невольно участился, едва он почуял ароматы горячей пищи, вырывающиеся через решетку вентилятора здания прямо по курсу.

Добравшись до входа, он заглянул сквозь витрину в тускло освещенный паб под названием «Биргартен»[7].

Сердце подпрыгнуло – еще открыто.

Он вошел внутрь.

Три столика заняты, но в остальном заведение будто вымерло.

Итан уселся на угловой табурет у стойки.

Из-за пары барных дверей доносилось шипение мяса, жарящегося на открытом гриле.

Сидя в этом пабе, сложив руки на истертой стойке, он впервые за несколько дней ощутил умиротворение. Воспоминания о Столлингсе и катастрофе были где-то рядом, грозя прорваться наружу, но он не позволил им возобладать над рассудком. Просто вдыхал и выдыхал, стараясь укорениться в текущем моменте как можно прочнее.

Через пять минут высокая женщина с копной каштановых волос, заколотых палочками для еды, протолкнулась сквозь барные двери и откинула часть стойки, закрепленную на петлях.

Она тут же направилась к Итану, лучась улыбкой и шлепнув перед ним подставку под кружку.

– Чё пить будете?

На ней была черная футболка с отпечатанным спереди названием паба.

– Хорошо бы пива.

Схватив пинтовый стакан, барменша подошла к кранам.

– Чё-нить светлое? Темное?

– У вас есть «Гиннес»?

– Есть что-то типа того.

Она уже потянула за кран, когда Итан вдруг вспомнил, что в карманах ветер свищет.

Она поставила перед ним стакан с переливающейся через края кремовой пеной и спросила:

– Просто пьете или хотите глянуть меню?

– Поем наверняка, – ответил он, – но вы меня убьете.

– Пока нет, – улыбнулась женщина. – Я с вами едва знакома.

– У меня нет денег.

Ее улыбка угасла.

– Лады, может, тогда растолкуете?

– Я могу объяснить. Вы видели автомобильную аварию, случившуюся на Главной пару дней назад?

– Нет.

– Слышали о ней?

– Нет.

– В общем, была авария, всего в паре кварталов к югу отсюда, и я в нее попал. Правду сказать, только что вышел из больницы.

– Так это там вы схлопотали эти прелестные фингалы?

– Верно.

– Я все пытаюсь сообразить, как это связано с тем, что вы мне не платите.

– Я федеральный агент.

– Тот же вопрос.

– Очевидно, мой бумажник и телефон у шерифа. Вообще-то всё. Это громадная головная боль.

– Так вы типа из ФБР или вроде?

– Секретная служба.

Улыбнувшись, женщина склонилась к нему через стойку. В полумраке было трудновато разобрать, но вблизи она оказалась чертовски хороша собой – на пару-тройку лет моложе Итана, со скулами фотомодели, коротким торсом и длинными ногами. Наверно, разила наповал, когда ей было лет двадцать, хотя и тридцать четыре или тридцать пять – сколько ей там сейчас – обошлись с ней не слишком сурово.

– Не знаю, может, вы и мошенник и играете на том, что заявились сюда в своем черном костюме и этом безумном…

– Я не лгу…

Она прижала палец к его губам.

– Я так думаю, вы или в точности тот, за кого себя выдаете, или замечательный лгун. В смысле, история хорошая, а я люблю хорошие истории. Так или эдак, конечно, я позволю вам пообедать в кредит.

– Это не ложь… как вас зовут?

– Беверли.

– А меня – Итан.

Она тряхнула ему руку:

– Рада познакомиться, Итан.

– Беверли, как только я получу свой бумажник и вещи завтра утром, я собираюсь прийти сюда…

– Дайте-ка угадаю… и отвалите мне аграмадные чаевые.

– Вот теперь вы надо мной издеваетесь, – тряхнул головой Итан.

– Извините.

– Если не верите мне, я…

– Я только что вас встретила, – перебила она. – Ко времени, когда вы покончите с обедом, я буду знать, увижу ли вас тут снова или нет.

– Слишком рано судить, а? – Он улыбнулся, чувствуя, что все же может склонить ее на свою сторону.

Она принесла меню, и Итан заказал жареную картошку по-деревенски и чизбургер – настолько сырой, насколько минздрав позволит.

Беверли скрылась на кухне с заказом, а он отхлебнул пива.

Гмм. Что-то тут не то. Совершенно выдохшееся, и кроме легкого намека на горечь в послевкусии, практически вода водой.

Он поставил стакан на стойку как раз к возвращению Беверли.

– Обед достается мне на дармовщинку, так что я не решаюсь жаловаться, – произнес он, – но что-то с этим пивом не так.

– Правда? – Она указала на стакан. – Не против?

– Валяйте.

Взяв стакан, Беверли отхлебнула и поставила стакан обратно, облизывая пену с верхней губы.

– По мне, так вкус отличный.

– Правда?

– Ага.

– Нет, оно выдохшееся и… не знаю… просто… у него никакого вкуса.

– Странно. Что-то я ничего такого не заметила. Хотите попробовать другой сорт?

– Нет, пожалуй, все равно не буду пить. Возьму просто воды.

Она принесла ему новый стакан, плеснув на лед воды.

* * *

Он поднял исходящий паром горячий чизбургер с тарелки обеими руками.

Беверли вытирала другой конец стойки, когда Итан подозвал ее, держа бургер наизготовку у рта.

– Что-то не так? – осведомилась она.

– Ничего. Пока. Идите сюда.

Она подошла, остановившись перед ним.

– Мой опыт подсказывает, – пояснил Итан, – что примерно в восьмидесяти процентах случаев, когда я заказываю мясо с кровью, как только что, то получаю хорошо прожаренное. Уж и не знаю, почему большинство поваров не способны поджарить его правильно, но так уж водится. И знаете, что я делаю, когда мне дают пережаренное?

– Вы отсылаете его обратно? – Ее это отнюдь не позабавило.

– Именно.

– Вам чертовски невероятно трудно угодить, знаете?

– Я в курсе.

Итан запустил зубы в чизбургер и жевал добрых десять секунд.

– Ну? – не выдержала Беверли.

Положив чизбургер на тарелку, Итан проглотил, вытирая руки льняной салфеткой, и указал на еду:

– Изумительная работа.

Беверли рассмеялась, закатив глаза.

* * *

К моменту, когда Итан подчистил с тарелки всё до крошки, он остался единственным посетителем ресторана.

Унеся его тарелку, барменша вернулась подлить ему воды.

– Как вы сегодня, Итан? Есть где переночевать?

– Ага, я обаял портье в отеле, и она дала мне номер.

– Тоже купилась на вашу туфтовую байку, а? – ухмыльнулась Беверли.

– Со всеми потрохами.

– Что ж, раз уж это за мой счет, можно предложить вам десерт? Наша «Шоколадная смерть» – просто улет.

– Спасибо, но мне, пожалуй, уже пора.

– А что именно вы тут делаете? В смысле, в официальном качестве. Я пойму, если вам нельзя об этом распространяться…

– Расследование дела о пропавших без вести.

– И кто же пропал?

– Два агента Секретной службы.

– Они пропали *здесь?* В Заплутавших Соснах?

– Около месяца назад агент Билл Эванс и агент Кейт Хьюсон прибыли сюда с секретным расследованием. На сегодняшний вечер от них нет вестей уже десять суток. Полная потеря контакта. Ни электронных писем. Ни телефонных звонков. Умолк даже GPS-трекер их служебного автомобиля.

– И вас отправили их найти?

– Я работал с Кейт. Мы были напарниками, когда она жила в Сиэтле.

– И это всё? – подкинула Беверли.

– Простите?

– *Только* напарниками?

Итан ощутил, как в груди что-то треснькнуло – печаль, горечь утраты, гнев, – прошив его дрожью.

Но он ловко это скрыл.

– Ага, только напарниками. Впрочем, еще и друзьями. Как бы то ни было, я здесь, чтобы нащупать их след. Выяснить, что произошло. Вернуть их по домам.

– Думаете, случилось что-то дурное?

Он не ответил, просто глядел на нее, но это и было ответом.

– Что ж, надеюсь, вы найдете то, что ищете, Итан. – Вытащив из переднего кармана фартука чек, Беверли подвинула его через стойку.

– Значит, таков мой урон, а?

Итан бросил взгляд на чек. Это оказался вовсе не счет. Беверли от руки написала через все столбцы адрес:

604, 1-я ав.

– Что это? – спросил Итан.

– Это где я живу. Если что понадобится, если попадете в беду, что бы то ни было…

– Что? Теперь вы обо мне беспокоитесь?

– Нет, но без денег, без телефона, без документов вы в уязвимом положении.

– Значит, теперь вы мне верите?

Потянувшись через стойку, Беверли лишь на секунду положила ладонь ему на руку:

– Я всегда вам верила.

* * *

Выйдя из паба, он снял туфли и пошел по тротуару босиком. Бетон холодил ступни, но зато ходьба давалась без боли.

Вместо того чтобы пойти обратно в отель, он свернул в одну из улиц, пересекающихся с Главной, и направился побродить по окрестностям.

Думая о Кейт.

Викторианские дома выстроились по обе стороны квартала, выгодно подчеркнутые сиянием фонарей на верандах.

Безмолвие просто-таки ошеломляло.

В Сиэтле подобных ночей не бывает. Всегда слышится отдаленное улюлюканье какой-нибудь «Скорой», клаксон автомобиля или перестук дождевых капель по улицам.

Здесь же полнейшая, мертвая тишина, нарушаемая лишь негромкими шлепками его ног по мостовой…

Минутку.

Нет, есть и другой звук – одинокий сверчок, стрекочущий в кусте впереди.

Это мысленно вернуло его в детство, проведенное в Теннесси, к тем вечерам в середине октября, когда он сидел на затянутой сеткой веранде с отцом, покуривающим трубку, глядя на соевые поля, а хор сверчков мало-помалу терял исполнителей, пока не оставался лишь одинокий солист.

Не писал ли именно об этом поэт Карл Сэндберг? Итан не мог припомнить это стихотворение наизусть, знал только, что там что-то насчет голоса последнего сверчка вопреки морозу.

Лучинка пенья[8].

Вот оно – именно эта фраза ему полюбилась.

Лучинка пенья.

Он остановился у куста, почти готовый к тому, что стрекот внезапно оборвется, но тот продолжался в таком ровном ритме, что казался чуть ли не механическим. Итан где-то слыхал, что сверчки издают этот звук, потирая крылышками друг о друга.

Поглядел на куст.

Какая-то разновидность можжевельника.

Сильный, свежий запах.

Уличный фонарь по соседству проливал на ветви довольно света, и Итан наклонился в надежде разглядеть сверчка.

Стрекот продолжался как ни в чем не бывало.

– Где ты, малыш?

Он вытянул шею.

И с прищуром вгляделся во что-то, едва проглядывающее среди ветвей. Вот только не сверчок. Какая-то коробочка, размером примерно с его айфон.

Просунул руку между веток и коснулся поверхности находки.

Стрекот стал тише.

Убрал руку.

Громче.

В чем тут смысл, черт возьми?

Стрекот сверчка раздается из динамика.

*** * ***

Уже около десяти тридцати он отпер свой номер в отеле и ступил внутрь. Сбросил туфли, разделся донага и плюхнулся на кровать, даже не потрудившись включить свет.

Перед уходом в поисках обеда он чуть приоткрыл одно из окон, и теперь ощутил грудью тонкий, холодный сквознячок, прогоняющий скопившиеся за день духоту и жару.

Через минуту он замерз. Сел, откинул одеяла и простыню и заполз в постель.

*** * ***

Он сражался за жизнь, проигрывая; навалившаяся бестия неистовствовала, пытаясь вырвать ему горло, и единственное, что удерживало Итана от погибели, была его сокрушительная хватка вокруг глотки чудовища – крепче, крепче, – но тварь воплощала собой чистую, брутальную мощь. Ощущая твердые, перекатывающиеся мышцы, он впивался пальцами в млечно-белую, полупрозрачную кожу. Но не мог удержать – трицепсы свело судорогой, руки начали подламываться, и пасть, зубы все близились…

*** * ***

Итан подскочил с постели, обливаясь потом, хватая воздух ртом. Сердце так зачастило, что словно и не билось, а непрерывно вибрировало в его груди.

Он даже не представлял, где находился, пока не увидел полотно с ковбоями и костром.

Будильник на прикроватном столике показывал 3.17.

Включил свет, уставился на телефон.

Два… ноль… шесть…

Два… ноль… шесть…

Как мог он позабыть номер собственного домашнего телефона? Или хотя бы мобильника Терезы? Как такое возможно?

Спустив ноги с кровати, он встал и подошел к окну.

Раздвинув жалюзи, сквозь щелку поглядел на тихую улицу внизу.

Темные здания.

Пустые тротуары.

Подумалось: з*автра все пойдет на лад*.

Он получит обратно свой телефон, свой бумажник, свой пистолет, свой кейс. Позвонит жене, сыну. Позвонит в Сиэтл и поговорит с ответственным оперативным сотрудником Хасслером. Вернется к расследованию, которое и привело его сюда в первую голову.

Глава 03

Он проснулся от головной боли и солнца, бьющего в комнату через зазор жалюзи.

Перекатился на бок, уставился на будильник.

– Блин!

12.21.

Проспал за полдень.

Итан выполз из кровати, и, уже потянувшись к брюкам, комом валявшимся на полу, услышал стук в дверь. Нет, не так – кто-то уже давно стучался к нему в дверь, а он впервые осознал только сейчас, что отдаленный стук не ограничивается лишь пределами его головы.

– Мистер Бёрк! Мистер Бёрк! – кричала сквозь дверь портье Лиза.

– Секундочку! – крикнул он в ответ. Натянул брюки и доковылял до двери. Отпер замок, снял цепочку, распахнул дверь.

– Да?

– Выписка в одиннадцать.

– Извините, я…

– Что случилось с «первым делом»?

– Я и не знал…

– Вам уже удалось вернуть свой бумажник?

– Нет, я только-только проснулся. Уже и в самом деле первый час?

Не ответив, она лишь опалила его взглядом.

– Я иду в офис шерифа прямо сейчас, – проговорил Итан, – и как только получу…

– Мне нужно забрать у вас ключ, и нужно, чтобы вы освободили номер.

– Чтобы я что?

– Освободили номер. Убирайтесь. Я не люблю, когда мне втирают очки, мистер Бёрк.

– Никто не втирает вам очки.

– Я жду.

Итан пристально вгляделся в ее лицо, ища чего-нибудь – мягкости, трещинки в ее решимости, – но не нашел и капли сострадания.

– Только дайте мне одеться. – Он хотел было закрыть дверь, но она подставила ногу.

– А, хотите понаблюдать за мной? Правда? – Он попятился в комнату. – Отлично. Наслаждайтесь представлением.

Чем она и не преминула воспользоваться. Стоя в дверях, смотрела, как он шнурует туфли на своих босых ногах, застегивает свою запятнанную белую рубашку и две мучительные минуты сражается с галстуком.

Наконец сунув руки в рукава своего черного пиджака, он схватил ключ от номера с прикроватного столика и уронил его в подставленную ладонь по пути к выходу.

Бросив: «Вы об этом ужасно пожалеете через два часа», – Итан направился по коридору к лестнице.

*** * ***

В аптеке на углу Главной и Шестой Итан схватил с полки пузырек аспирина и понес его к кассе.

– Я не могу за это заплатить, – поведал он, поставив его на прилавок. – Но обещаю, что вернусь сюда с бумажником через тридцать минут. Это долгая история, но у меня адская головная боль, и надо принять что-нибудь сейчас же.

Провизор в белом халате был занят отпуском лекарства по рецепту – отсчитывал таблетки на пластиковом подносе. Опустив подбородок, он поглядел на Итана поверх своих прямоугольных очков в металлической оправе.

– Чего именно вы от меня хотите?

Провизор – лысеющий мужчина по депрессивную сторону от сорока. Бледный. Худой. С большими карими глазами, кажущимися еще больше сквозь толстые, как зеркальное стекло, линзы очков.

– Помощи. Я… мне вправду очень больно.

– Так ступайте в больницу. У меня аптека, а не ссудно-кредитная касса.

На долю секунды Итана оглоушило, в глазах раздвоилось, и он почувствовал, что эта ужасная пульсация снова начинает гвоздить его по основанию черепа, с каждым импульсом посылая по хребту волну парализующей боли.

Он не помнил, как вышел из аптеки.

Снова придя в чувство, осознал, что ковыляет по тротуару Главной, чувствуя себя хуже с каждой минутой, гадая, не следует ли вернуться в больницу. Но этого ему хотелось в распоследнюю очередь. Ему просто нужен какой-нибудь треклятый «Адвил», что-нибудь, чтобы утихомирить боль, чтобы он снова мог функционировать.

На следующем пешеходном переходе Итан остановился. Попытался сориентироваться в направлении, необходимом, чтобы попасть в офис шерифа, когда вдруг вспомнил. Сунув руку во внутренний карман пиджака, вытащил полоску бумаги и развернул ее:

604, 1-я ав.

Он застыл в нерешительности. Как быть? Постучать в дверь совершенно чужого человека и попросить лекарство? С другой стороны, идти в больницу не хочется, а показываться в офисе шерифа в корчах умопомрачительной головной боли никак нельзя. Он собрался надрать кому-нибудь задницу, а это обычно проходит лучше, когда тебя не одолевает желание забиться в темный угол и скорчиться калачиком.

Как там ее зовут?

А, верно – Беверли.

Наверное, заведение вчера закрывала она, откуда следует, что велики шансы застать ее сейчас дома. Черт, да она же сама предложила. Прежде чем наведаться к шерифу, можно заскочить, позаимствовать парочку таблеток и взять эту головную боль под контроль.

Перейдя улицу, он оставался на Главной, пока не дошел до Девятой, а затем обогнул квартал и направился на восток.

Улицы пересекают Главную.

Авеню идут параллельно.

Он прикинул, что идти придется кварталов семь.

После третьего почувствовал, что стер ноги до крови, но не остановился. Хоть и боль, зато отвлекающая от буханья в голове.

Целый квартал между Пятой и Шестой авеню занимала школа, и Итану пришлось ковылять вдоль ограды из рабицы вокруг игровой площадки.

У класса восьми– или девятилетних был большой перерыв, и они были заняты замысловатой игрой в салочки; девочка с белокурыми косичками гонялась за всеми, кто попадался на глаза, и между кирпичными зданиями эхом перекатывался целый хор визгов.

Итан понаблюдал за их игрой, пытаясь не думать о крови, начавшей скапливаться в туфлях холодом между пальцев.

Вдруг белокурые косички остановилась посреди группы мальчиков, воззрившись на Итана.

Еще минутку остальные дети продолжали бегать и смеяться, но мало-помалу остановились и они – сначала заметив, что водящая больше не гоняется за ними, а затем – *что* поглотило ее внимание.

Один за другим все дети до единого повернулись и уставились на Итана – с бездумным видом, за которым, мог бы он присягнуть, притаилась едва завуалированная враждебность.

Улыбнувшись через боль, он сделал им ручкой:

– Привет, дети!

Хоть бы один помахал в ответ или отреагировал хоть как-то. Просто оцепенели все до единого, будто коллекция статуэток, и только головы поворачивались ему вослед, провожая его взглядами, пока он не скрылся из виду за углом спортивного зала.

– Чокнутые мелкие засранцы, – проворчал Итан под нос, когда их смех и визги послышались опять – игра возобновилась.

Миновав Четвертую авеню, он прибавил шагу, и хотя боль от этого усугубилась, он все нажимал, думая: *только доберись туда. Улыбайся, терпи и доберись.*

Оставив позади Третью авеню, он припустил трусцой; ребра снова заныли. Миновал ряды домов, выглядевших более ветхими. «Неблагополучная сторона Заплутавших Сосен? – гадал он. – Разве может у такого городка быть плохая сторона»?

На Первой авеню он остановился.

Мостовая сменилась грунтовой дорогой – от гравия не осталось и следа, разве что вбитые в землю крупные камни, только усугубляющие рытвины и ухабы. Никакого тротуара, никакой дороги, кроме этой. Он дошел до восточной окраины Заплутавших Сосен, и за домами, вытянувшимися вдоль этой улицы, цивилизация внезапно закончилась. Только крутой склон холма, поросшего соснами, взбегал на несколько сотен футов к основанию горного амфитеатра, обступившего город.

Итан захромал посреди пустой грунтовки.

Слышался птичий щебет с опушки леса – и больше ничего. Полнейшая изоляция от ничтожной толики суеты, которую удается наскрести центру Заплутавших Сосен.

Он уже тащился мимо почтовых ящиков с номерами из шестой сотни, чувствуя забрезжившее в душе облегчение при мысли, что дом Беверли уже в следующем квартале.

Снова подползало головокружение, накатывая волнами, хотя пока что легкое.

Следующий перекресток являл взгляду совершенное запустение.

Ни души вокруг.

Теплый ветерок, сбегая с горы, гнал по улице крохотные пылевые смерчики.

Вон он – 604-й, второй дом справа. Это видно по крохотной стальной пластинке, привинченной к тому, что осталось от почтового ящика, целиком обросшего ржавчиной, не считая зияющих иззубренных дыр. Изнутри ящика доносилось негромкое чириканье, и на миг Итану показалось, что там может быть очередной динамик, но затем он увидел крылышко птицы, угнездившейся внутри.

Посмотрел на сам дом.

Вероятно, когда-то тот был очаровательным двухэтажным «викторианцем» с островерхой крышей и крыльцом, с качелями и каменной дорожкой, ведущей через передний двор ко входу.

Краска давным-давно облупилась. Даже стоя посреди улицы, Итан видел, что не уцелело ни чешуйки. Трухлявые доски обшивки, еще державшиеся на покосившемся остове, выгоревшие на солнце почти до белизны, по большей части пребывали на последних стадиях разрушения. В окнах не сохранилось ни осколка стекла.

Он вытащил из кармана чек за вчерашний обед и сверился с адресом. Почерк вполне разборчивый – 604, 1-я ав., – но, может, Беверли перепутала цифры или написала «ав.», имея в виду «ул.»?

Итан пробился через сорняки по пояс, заполонившие передний двор так, что сквозь заросли лишь местами проглядывали камни дорожки.

Две ступеньки, ведущие к крытому крыльцу, выглядели так, будто прошли через щеподробилку. Подойдя, Итан через них ступил прямо на настил крыльца, издавший под его весом оглушительный скрип.

– Беверли?

Дом будто поглотил его голос.

Осторожно пересек крыльцо, ступил в дверной проем без двери и снова позвал ее по имени. Слышал, как ветер гуляет по дому, заставляя деревянный каркас стенать. Сделав три шага в гостиную, остановился. На полу среди рассыпающегося остова ветхого дивана ржавели пружины. Журнальный столик опутала паутина, а под ним – страницы какого-то журнала, промокшие и сопревшие до неузнаваемости.

Беверли – даже в шутку – не могла желать, чтобы он явился сюда. Должно быть, случайно написала что-то не так…

Донесшийся запах заставил его вскинуть голову. Итан сделал осторожный шажок вперед, чтобы не напороться на тройку гвоздей, торчащих сквозь половицу.

Снова понюхал воздух.

Порыв ветра, тряхнувший дом, принес новую волну запаха, и Итан поспешно спрятал нос в сгибе локтя. Двинулся вперед, мимо полуразвалившейся лестницы, в узкий коридорчик между кухней и столовой, где потоки света заливали расщепленные останки обеденного стола, полупогребенного рухнувшим потолком.

Итан пробирался вперед, осторожно прокладывая путь по минному полю подгнивших половиц и откровенных дыр, зияющих в подпол.

Холодильник, раковина, плита – ржавчина покрыла каждую металлическую поверхность, как лишай; это место напомнило Итану старые постройки, попадавшиеся им с друзьями во время летних вылазок в леса за их фермами. Брошенные амбары и хижины с дырявыми крышами, сквозь которые солнце лило целые столбы света. Однажды он нашел газету полувековой давности в старом письменном столе, сообщавшую о выборах нового президента; хотел взять ее домой, чтобы показать родителям, но та оказалась настолько хрупкой, что рассыпалась в руках хлопьями.

Итан не рисковал дышать через нос уже больше минуты, и все равно чувствовал, что зловоние становится все крепче. Он готов был поклясться, что чувствует его вкус в уголках рта, и одна лишь интенсивность запаха – похуже, чем нашатырный спирт, – вышибала слезы на глазах.

В дальнем конце коридора стало темнее – здесь его пока прикрывал потолок, до сих пор каплющий сыростью после ливня, прошедшего невесть когда.

Дверь в конце коридора была закрыта.

Сморгнув слезы с глаз, Итан хотел было взяться за ручку двери, но не обнаружил ее.

И просто двинул по двери ногой.

Петли заскрежетали.

Дверь грохнула о стену, и Итан переступил порог.

В точности, как в его воспоминаниях об этих строениях, пули света прошивали дыры в дальней стене, искрясь в лабиринте паучьих тенет, прежде чем упасть на единственный предмет мебели в комнате.

Металлическая рама еще стояла, и сквозь осклизлые останки матраса проглядывали пружины, будто свернувшиеся спиралью медноголовые змеи.

Мух он до сих пор не слышал лишь потому, что те собрались у человека во рту – целый метрополис, и их коллективное жужжание билось, как небольшой лодочный мотор.

Ему доводилось видеть и кое-что похуже – в боевых условиях, – но обонять ничего хуже этого еще нет.

Белизна проглядывала повсюду – кости запястий и лодыжек, прикованных наручниками к железным прутьям спинок кровати. Плоть на обнаженной правой ноге висела чуть ли не лохмотьями. Внутренняя архитектура левой стороны лица покойника была как на ладони, вплоть до корней зубов. Живот вспучился – Итан видел, как тот выпирает сквозь лохмотья костюма – черного однобортного костюма.

В точности такого же, как его собственный.

И хотя от лица ничего не осталось, длина и цвет волос вполне соответствовали.

Да и рост тоже.

Попятившись на подгибающихся ногах, Итан привалился к косяку.

Бога душу мать.

Это агент Эванс.

***

Снова на переднем крыльце брошенного дома. Итан перегнулся пополам, упершись ладонями в колени, и принялся делать глубокие, до самого донца легких, вдохи через нос, чтобы прогнать прочь зловоние. Но без толку. Смрад смерти прочно обосновался у него в носовых пазухах, будто едкая, тлетворная желчь на мягком нёбе.

Итан снял пиджак, расстегнул рубашку, выпутался из рукавов. Вонь пропитала волокна одежды насквозь.

Без рубашки он пробился сквозь бурьянное буйство на месте бывшего переднего двора и наконец выбрался на грунтовку.

Чувствовал холод стертой кожи на пятках и басовое биение в черепе, но выплеск чистейшего адреналина нивелировал боль.

Итан зашагал широким шагом посреди улицы, а мысли понеслись галопом. Его подмывало обыскать пиджак и брюки покойного в надежде добыть бумажник, какое-нибудь удостоверение личности, но разумнее ничего не трогать. Не прикасаться ни к чему. Пусть на эту комнату накинутся люди в латексных перчатках и масках, вооруженные всеми мыслимыми орудиями судебной экспертизы по последнему слову техники.

И все же это как-то не укладывалось в голове.

Федерального агента убили в этом райском уголке.

Хоть Итан и не коронер, но не сомневался, что лицо Эванса не просто сгнило с одной стороны. Череп проломлен. Зубы выбиты. Одного глаза как не бывало.

Его еще и пытали.

Пролетев шесть кварталов на одном духу, Итан бегом устремился по тротуару ко входу в офис шерифа.

Оставив пиджак и рубашку на скамейке снаружи, он потянул на себя одну из створок двери.

Приемная оказалась комнатой, обшитой деревянными панелями с коричневым ковровым покрытием и головами животных, развешанными везде, где только была свободная вертикальная поверхность этого предмета недвижимости.

За столом шестидесяти-с-чем-то-летняя женщина с длинными серебристыми волосами играла в «Солитер» материальной колодой карт. Отдельно стоящая табличка с именем на ее столе гласила «Белинда Моран».

Подойдя к самому столу, Итан проследил, как она выкладывает еще четыре карты, прежде чем наконец оторваться от игры.

– Могу ли я вам помочь… – Вытаращив глаза, женщина оглядела его с головы до ног и с ног до головы, морща нос от, как он предположил, чудовищного смрада человеческого тлена, должно быть, исходящего от него. И изрекла: – Вы без рубашки.

– Секретная служба Соединенных Штатов, специальный агент Итан Бёрк, пришел повидаться с шерифом. Как его зовут?

– Кого?

– Шерифа.

– А! Поуп. Шериф Арнольд Поуп.

– Он у себя, Белинда?

Вместо ответа на вопрос она взяла трубку со своего телефонного аппарата с дисковым номеронабирателем и набрала трехзначный внутренний номер.

– Привет, Арни, тут тебя человек на повидать. Говорит, он секретный агент или навроде того.

– Специальный агент из…

Она подняла палец.

– Не знаю, Арни. Он без рубашки, а еще он… – развернувшись в своем вертящемся кресле спиной к Итану, она прошептала: – …скверно пахнет. Взаправду скверно… Ладно. Ладно, я ему скажу.

Повернувшись обратно, она повесила трубку.

– Шериф Поуп скоро к вам подойдет.

– Мне нужно видеть его сейчас же.

– Я понимаю. Можете подождать вон там. – Она указала на скопление стульев в соседнем углу.

Мгновение поколебавшись, Итан наконец повернулся и направился к зоне ожидания. Разумнее обставить эту первую встречу цивилизованно. Как показывает его опыт, если федералы начинают переть пузом прямо с порога, местные блюстители правопорядка тотчас встают в оборонительную позицию. А в свете того, что он только что обнаружил в брошенном доме, в обозримом будущем придется работать с этим типом рука об руку. Уж лучше начать с протянутой для пожатия ладони, чем с выставленного среднего пальца.

Итан опустился в одно из четырех мягких кресел сидячей зоны.

Пустившись бегом, он вспотел, но теперь частота пульса вернулась к норме, и пленка пота на коже начала стынуть под холодным дуновением из решетки централизованного кондиционирования воздуха над головой.

Свежего чтива на столике перед его креслом почти что не было – только пара-тройка старых номеров «Нэшнл джиогрэфик» и «Попьюлар сайенс». Так что он откинулся на спинку кресла и прикрыл глаза.

Боль в голове вернулась – пик каждого биения возрастал на каком-то молекулярном уровне, и ощутимым возрастание становилось лишь на протяжении минут. Он физически слышал буханье головной боли в полнейшей тишине офиса шерифа, где не раздавалось ни звука, кроме шлепков карт.

Услышал, как Белинда говорит: «Да!»

Открыл глаза как раз вовремя, чтобы увидеть, как она выкладывает последнюю карту, сумев разложить свой пасьянс. Собрала карты, перетасовала их и начала сызнова.

Прошло еще пять минут.

Еще десять.

Белинда закончила игру и перемешивала колоду снова, когда Итан заметил первый импульс раздражения – тик под левым глазом.

Боль все нарастала, а он ждал уже, по собственному ощущению, минут пятнадцать. И за этот отрезок времени телефон не зазвонил ни разу, и ни одна живая душа не вошла в здание.

Закрыв глаза и ведя обратный отсчет от шестидесяти, Итан помассировал виски. Когда снова открыл их, по-прежнему сидел на том же месте, без рубашки, озябший, Белинда по-прежнему раскладывала карты, а шериф по-прежнему не показывался.

Встав, Итан секунд десять боролся с накатившим приступом дурноты, прежде чем наконец восстановил равновесие. Снова подошел к столу секретаря и подождал, пока Белинда возведет очи горе.

Она выложила пять карт, прежде чем соизволила признать его существование.

– Да?

– Извините, что досаждаю, но я жду уже минут двадцать.

– Шериф сегодня вправду занятой.

– Ничуть не сомневаюсь, но мне нужно поговорить с ним незамедлительно. Так что либо можете снова связаться с ним по телефону и сказать, что больше ждать я не намерен, либо я пойду туда сам и…

Телефон на ее столе зазвонил. Белинда сняла трубку.

– Да? …Ладно, само собой. – Положив трубку на рычаг, она улыбнулась Итану. – Теперь вам добро пожаловать. Пряменько туда по коридору. Его кабинет за дверью в самом конце.

* * *

Итан постучал чуть ниже таблички.

– Айда! – гаркнул низкий голос с той стороны.

Итан повернул ручку, толчком открыл дверь и вошел.

В темном паркетном полу кабинета прошарканы глубокие дорожки. Слева громадная голова лося на стене напротив грандиозного письменного стола в деревенском стиле. Позади стола три антикварных оружейных шкафа, битком набитые винтовками, дробовиками, короткоствольным оружием, и Итан насчитал достаточно коробок с патронами, чтобы перестрелять все население города поголовно три раза подряд.

В кожаном кресле за столом развалился мужчина лет на десять старше его, закинув ноги в ковбойских сапогах на стол. Его волнистые белокурые волосы в ближайший десяток лет, наверное, совсем побелеют, а щетина на подбородке не брита уже пару дней.

Темно-коричневые парусиновые брюки.

Рубашка с длинными рукавами, с планкой на пуговицах – темно-зеленая.

Блеснувшая на свету звезда шерифа, с виду из литой бронзы, с затейливой гравировкой, демонстрировала черные инкрустированные буквы ЗС в центре.

По пути к столу Итану показалось, что шериф украдкой усмехнулся себе под нос.

– Итан Бёрк, Секретная служба.

Он протянул руку через стол, и шериф вдруг замялся, словно вступив в мысленную дискуссию с самим собой, стоит ли шевелиться. Но в конце концов убрал сапоги со стола и подался в кресле вперед.

– Арнольд Поуп. – Они обменялись рукопожатием. – Присаживайтесь, Итан.

Тот опустился на один из деревянных стульев с прямой спинкой.

– Как самочувствие? – справился Поуп.

– Бывало и получше.

– Дык. Наверно, и пахли получшее. – Поуп мельком усмехнулся. – В лихую вы попали аварию пару дней тому. Прям трагедия.

– Ага, я надеялся узнать подробности об этом от вас. Кто в нас врезался?

– Очевидцы говорят, дальнобойщик.

– Водитель под стражей? Ему предъявили обвинения?

– Был бы, кабы я мог его сыскать.

– Вы хотите сказать, что он скрылся с места ДТП?

– Слинял с города, как только вас долбанул, – кивнул Поуп. – Пока я добрался к месту, его и след простыл.

– И никто не запомнил номер или что-нибудь?

Покачав головой, Поуп взял что-то со стола – снежный шар на золотом основании. Начал перекатывать его из ладони в ладонь, и вокруг миниатюрных домиков под стеклом закружила снежная вьюга.

– Какие усилия предприняты по отысканию этого грузовика? – поинтересовался Итан.

– Приставили штат к делу.

– В самом деле?

– Дык.

– Я бы хотел видеть агента Столлингса.

– Его тело держат в морге.

– И где же это?

– В подвале больницы.

И вдруг Итана осенило. Ни с того ни с сего. Будто кто-то на ухо нашептал.

– Можно позаимствовать листок бумаги? – спросил Итан.

Открыв ящик стола, Поуп оторвал листок от верха стопки липкой бумаги для заметок и вручил его Итану вкупе с авторучкой. Тот подвинул стул вперед, положил листочек на стол и чиркнул номер.

– Как я понимаю, мои вещи у вас? – осведомился он, сунув листок в карман.

– Какие вещи?

– Мой мобильник, пистолет, бумажник, жетон, портфель…

– Кто вам это сказал?

– Медсестра в больнице.

– Без понятия, с чего это ей взбрело в голову.

– Погодите. Значит, у вас *нет* моих вещей?

– Нет.

Итан воззрился на Поупа через стол.

– Так, может, они все еще в машине?

– В какой машине?

Итан уже изо всех сил сдерживался, чтобы не повышать голоса.

– Той, в которую врезался грузовик, когда я был в ней.

– Пожалуй, такое возможно; я почти уверен, что ваши вещи взяла бригада «Скорой помощи».

– Господи.

– Что?

– Ничего. Вы не будете против, если я сделаю парочку телефонных звонков перед уходом? Я не разговаривал с женой уже много дней.

– Я говорил с ней.

– Когда?

– В день происшествия.

– Она выехала сюда?

– Понятия не имею. Я просто дал ей знать о том, что случилось.

– Мне также нужно позвонить своему начальнику…

– Кто это?

– Адам Хасслер.

– Он вас сюда направил?

– Совершенно верно.

– А он вас заодно не проинструктировал не трудиться являться ко мне заранее, чтобы дать знать, что в мою епархию нагрянут федералы? Или вы это сам по себе?

– Вы что думаете, что я должен…

– Любезность, Итан. Любезность. Опять же ж, будучи федералом, может, вы не знакомы с этим понятием…

– Я бы непременно со временем связался с вами, мистер Поуп. Никто не намеревался оставить вас за бортом.

– А-а. Ну, раз так…

Итан замешкался, желая внести ясность, сообщить только те сведения, которыми хотел поделиться, и ни на йоту более. Но голова просто раскалывалась, а двоение в глазах угрожало разделить шерифа, превратив его лицо в жопу.

– Меня отправили сюда отыскать двоих агентов Секретной службы.

Брови Поупа полезли на лоб.

– Они чего, пропали?

– Уже одиннадцать дней назад.

– А чего они делали в Заплутавших Соснах?

– Мне не предоставили детальную информацию об их расследовании, однако мне известно, что оно касается Дэвида Пилчера.

– Имя мне вроде как бы смутно знакомое. Он кто?

– Он постоянно входит в списки богатейших людей мира. Один из миллиардеров-анахоретов. Никогда не беседует с прессой. Владеет кучей биофармацевтических компаний.

– А какое он имеет касательство к Заплутавшим Соснам?

– Опять же, этого я не знаю. Но раз сюда наведалась Секретная служба, значит, наверное, велось какое-то расследование, связанное с финансовыми преступлениями. Вот и все, что мне известно.

Поуп внезапно встал. Он даже сидя не производил впечатления малорослого, а уж когда встал, Итан увидел, что вместе с сапогами он всего дюйм-другой не дотягивает до шесть с половиной футов.

– Можете воспользоваться телефоном в комнате для совещаний, агент Бёрк.

Итан не сделал даже попытки подняться со стула.

– Я еще не закончил, шериф.

– Комната для совещаний прямо вон туда. – Обогнув стол, Поуп направился к двери кабинета. – Может, в другой раз лучше в рубашке? Просто предлагаю.

Буханье в голове Итана окрасилось в тона гнева.

– А вы не хотите узнать, почему я без рубашки, шериф?

– Да не особо.

– Один из агентов, которых я прибыл разыскивать, разлагается в доме в шести кварталах отсюда.

Поуп замер на пороге спиной к Итану.

– Я только что нашел его там перед приходом сюда, – сообщил тот.

Обернувшись, Поуп устремил на Итана испепеляющий взор.

– Поподробнее с места «я только что нашел его».

– Вечером барменша в «Биргартен» дала мне свой адрес на случай, если что-нибудь понадобится. Сегодня утром я проснулся с жуткой головной болью. Совершенно без денег. Из гостиничного номера меня вышвырнули. Я направился к ее дому, чтобы раздобыть какое-нибудь лекарство от головной боли, вот только она с адресом напутала или что.

– Какой адрес?

– Шестьсот четыре, Первая авеню. Это оказался старый брошенный дом. Совсем развалившийся. Агент Эванс был прикован к кровати в одной из комнат.

– Вы уверены, что это тот человек, которого вы прибыли сюда разыскивать?

– На восемьдесят процентов. Он порядком разложился, а лицо пострадало от обширной травмы, нанесенной тупым предметом.

Угрюмое выражение, не покидавшее лица шерифа с момента, когда Итан переступил порог его кабинет, изменилось; черты его лица словно смягчились. Подойдя к Итану, он опустился на свободный стул рядом с ним.

– Приношу свои извинения, агент Бёрк. Я заставил вас ждать в приемной. Разозлился, что вы не позвонили, прежде чем приехать в город, и, ну, вы правы. Вы вовсе не должны. У меня скверный характер, это один из моих недостатков, и вел я себя непростительно.

– Извинения приняты.

– Вам выдалась пара тех еще денечков.

– Да уж.

– Ступайте, сделайте свои телефонные звонки, а уж после поговорим.

*** * ***

Длинный стол занял почти всю комнату для совещаний; места между спинками стульев и стеной едва хватало, чтобы протиснуться к телефону с диском в дальнем конце.

Выудив листок из кармана, Итан взялся за телефон.

Гудок.

Накрутил номер.

Есть соединение.

Послеполуденное солнце, нарезанное жалюзи на пласты, било по лаку полированного дерева стола клинками ослепительного света.

Выдержав три гудка, он пробормотал:

– Ну же, детка, сними трубку.

После пятого отозвался автоответчик.

Голос Терезы:

– Привет, вы дозвонились до Бёрков. Сожалею, что нас нет на месте и мы не можем вам ответить… конечно, если вы только не телемаркетер… тогда мы в восторге, что пропустили ваш звонок и, правду сказать, мы, наверное, уклоняемся и будем рады, если вы забудете этот номер. В противном случае высказывайтесь после гудка.

– Тереза, это я. Боже, чувство такое, будто я сто лет твой голос не слышал. Думаю, ты уже в курсе, что я попал тут в аварию. Что-то никто не может найти мой телефон, так что если ты пыталась дозвониться, уж извини. Я остановился в отеле «Заплутавшие Сосны», номер двести двадцать шесть. Еще можешь попробовать позвонить мне в офис шерифа. Надеюсь, вы с Беном в порядке. У меня все нормально. Еще побаливает, но уже получше. Пожалуйста, позвони мне вечером в отель. Постараюсь перезвонить тебе в ближайшее время. Я люблю тебя, Тереза. Очень.

Итан положил трубку на аппарат и посидел минутку, пытаясь выудить из памяти номер сотового жены. Добыл первые семь цифр, но три последние остались окутаны тайной.

Номер отделения Конторы в Сиэтле всплыл тотчас же. Набрал, и после третьего гудка ответил незнакомый Итану женский голос:

– Секретная служба.

– Привет, это Итан Бёрк. Будьте любезны, мне нужно поговорить с Адамом Хасслером.

– Он в данный момент недоступен. Могу я вам чем-нибудь помочь?

– Нет, мне в самом деле нужно с ним поговорить. Его что, сегодня нет в офисе?

– Он в данный момент недоступен. Могу я вам чем-нибудь помочь?

– Как насчет того, чтобы я позвонил ему на сотовый? Вы не могли бы подсказать номер?

– Ой, боюсь, предоставлять подобные сведения мне не разрешается.

– Вы понимаете, кто я такой? *Агент* Итан Бёрк?

– Могу *я* вам чем-нибудь помочь?

– Как вас зовут?

– Марси.

– Вы новенькая, так?

– Третий день на службе.

– Послушайте, я тут в Заплутавших Соснах, Айдахо, увяз в говне. Вытащите Хасслера к телефону немедленно. Мне безразлично, чем он занят. Хоть он на совещании… хоть он срет… давайте его к чертову телефону.

– Ой, извините.

– Что?

– Я не смогу продолжать эту беседу, если вы будете говорить со мной в таком тоне.

– Марси!

– Да?

– Прошу прощения. Сожалею. Я повысил на вас голос, но мне надо поговорить с Хасслером. Это не терпит отлагательств.

– Я с радостью передам ему сообщение, если хотите.

Итан закрыл глаза.

Ему пришлось скрипнуть молярами, чтобы не наорать по телефону.

– Скажите ему позвонить агенту Итану Бёрку в офис шерифа Заплутавших Сосен, или в отель «Заплутавшие Сосны», номер двести двадцать шесть. Он должен сделать это сию же секунду, как только получит сообщение. Агент Эванс мертв. Вы меня поняли?

– Я передам ему сообщение! – жизнерадостно поведала Марси и повесила трубку.

Оторвав трубку от уха, Итан пять раз грохнул ею о стол.

Уже кладя ее на рычаг аппарата, он заметил шерифа Поупа, стоящего на пороге комнаты для совещаний.

– Все в порядке, Итан?

– Ага, это… просто столкнулся с проблемкой, пытаясь дозвониться до своего начальника.

Войдя, Поуп закрыл за собой дверь и сел в конце стола напротив Итана.

– Вы сказали, пропали двое агентов? – спросил он.

– Именно.

– Расскажите мне о втором.

– Ее зовут Кейт Хьюсон. Работала в региональном отделении в Бойсе, а до того в Сиэтле.

– Вы там были с ней знакомы?

– Мы были напарниками.

– Значит, ее перевели?

– Да.

– И Кейт прибыла сюда с агентом…

– Биллом Эвансом.

– …с этим совершенно секретным расследованием.

– Верно.

– Я бы хотел помочь. Вам нужна моя помощь?

– Конечно, Арнольд.

– Лады. Давайте начнем с азов. Как Кейт выглядит?

Итан откинулся на спинку стула.

Кейт.

Он столь дотошно вышколил себя за последний год *не* думать о ней, что потребовалось несколько секунд, чтобы вызвать в памяти ее лицо, – и вспоминать ее было все равно, что вскрывать только-только зарубцевавшуюся рану.

– Рост пять и два – пять и три. Сто пять фунтов.

– Малютка, а?

– Лучшего блюстителя закона я не встречал. Короткие каштановые волосы, когда я в последний раз ее видел, но могла и отрастить. Голубые глаза. Необычайно красивая.

Боже, он до сих пор чувствует ее вкус на губах.

– Особые приметы?

– Ага, действительно. Небольшая родинка на щеке. Цвета кофе с молоком, размером с пять центов.

– Передам весточку заместителям; может, даже сделаем набросок, чтобы показывать по городу.

– Было бы здорово.

– Почему, вы сказали, Кейт перевели из Сиэтла?

– Я не говорил.

– Ну, вы-то знаете?

– По слухам, какие-то внутренние перетасовки. Я бы хотел увидеть машину.

– Какую машину?

– Черный «Линкольн Таункар», который я вел, когда произошла катастрофа.

– А, конечно.

– Где я могу его найти?

– На свалке металлолома на окраине. – Шериф встал. – Так какой там адрес, говорите?

– Шестьсот четыре, Первая авеню. Я вас провожу.

– Нет нужды.

– Я хочу.

– Я *не* хочу.

– Почему?

– Вам еще что-нибудь нужно?

– Я бы хотел знать результаты вашего расследования.

– Возвращайтесь завтра после ленча. Поглядим, чего нароем.

– А вы не подбросите меня на свалку металлолома посмотреть машину?

– Думаю, это можно провернуть. Но покамест давайте трогаться. Я вас провожу.

*** * ***

Пиджак и рубашка Итана пахли чуть лучше, когда он сунул руки в рукава и двинулся вниз по улице прочь от офиса шерифа Заплутавших Сосен. От него по-прежнему смердело, но он решил, что омерзительный запах тухлятины будет привлекать меньше внимания, чем мужчина, разгуливающий по городу в одних костюмных брюках.

Он взял самый бодрый темп, на какой его хватило, но дурнота то и дело накатывала волнами, голова превратилась в сосуд боли, и каждый шаг посылал все новые буры мэки в дальние закоулки черепа.

«Биргартен» был открыт и пуст, не считая одинокого скучающего бармена, сидевшего на табурете за стойкой, читая роман в бумажной обложке – одну из первых книг Ф. Пола Вилсона[9].

Подойдя к стойке, Итан осведомился:

– Беверли будет работать нынче вечером?

Тот поднял палец: подожди, дескать.

Прошло десять секунд, пока он дочитывал предложение. Наконец закрыл книгу и предоставил Итану все свое внимание.

– Что вам принести выпить?

– Ничего. Я ищу женщину, которая обслуживала меня вчера вечером. Ее зовут Беверли. Красивая брюнетка. За тридцать. Довольно высокая.

Бармен слез с табурета и положил книгу на стойку. Собрал свои длинные седеющие волосы, цветом напоминающие мутную мыльную воду, в конский хвост.

– Вы здесь были? В этом ресторане? Вчера вечером?

– Совершенно верно, – подтвердил Итан.

– И говорите мне, что обслуживанием занималась высокая брюнетка?

– Именно. По имени Беверли.

Тот тряхнул головой, и Итан заметил в его улыбке намек на издевку.

– Здесь на зарплате обслуживанием занимаются два человека. Парень по имени Стив да я.

– Нет, меня вчера вечером обслуживала эта женщина. Я съел бургер, сидел вон там, – указал Итан на угловой табурет.

– Пойми меня правильно, дружок, но сколько ты выпил?

– Нисколько. И я вам не дружок. Я федеральный агент. И я знаю, что был здесь вчера вечером, и знаю, кто меня обслуживал.

– Извини, мужик, не знаю, чего тебе сказать. По-моему, ты был в другом ресторане.

– Нет, я…

И тут Итан вдруг утратил ориентацию.

Вдавил кончики пальцев в виски.

Теперь он чувствовал биение височной артерии, каждый удар сердца долбал ледяной болью, с которой он познакомился в детстве, – той мимолетной, зубодробительной болью, следовавшей за чересчур жадным укусом фруктового льда или мороженого.

– Сэр? Сэр, вам нехорошо?

Итан попятился на подгибающих ногах от стойки, сумев выдавить:

– Она была здесь. Я знаю. Я не знаю, почему вы делаете…

А затем он уже стоял на улице, упираясь ладонями в колени, склонившись над лужей блевотины на тротуаре – как он тут же догадался, сделанной им самим, – с саднящим от желчи горлом.

Выпрямился, утер рот рукавом пиджака.

Солнце уже опустилось за скалы, и на город снизошла вечерняя прохлада.

Еще остались недоделанные дела – отыскать Беверли, найти бригаду «Скорой помощи» и вернуть личные вещи, – но ему хотелось лишь свернуться калачиком в постели в темной комнате. Заспать боль. Замешательство. И фундаментальную эмоцию, лежащую подо всем этим, закрывать глаза на которую все труднее и труднее.

Ужас.

Усиливающееся ощущение, будто что-то очень и очень не так.

* * *

Вскарабкавшись по каменным ступеням, он протиснулся сквозь двери в фойе отеля.

Воздух согрет камином.

Молодая парочка, заняв один из диванчиков у очага, потягивала из бокалов искрящееся вино. Романтический отпуск, предположил Итан, наслаждаясь совершенно иной стороной Заплутавших Сосен.

За роялем мужчина в смокинге играл «Всегда смотри на светлую сторону жизни»[10].

Итан подошел к конторке, заставив себя улыбнуться сквозь боль.

Та же служащая, которая выдворяла его из номера нынче утром, заговорила, еще не подняв глаз:

– Добро пожаловать в отель «Заплутавшие Сосны». Чем я могу помочь…

Увидев Итана, она осеклась.

– Привет, Лиза.

– Я впечатлена, – заявила она.

– Впечатлена?

– Вы вернулись расплатиться. Сказали, что вернетесь, но я, честно говоря, не думала, что когда-либо увижу вас снова. Я прошу прощения за…

– Нет, послушайте, сегодня я пока не смог отыскать свой бумажник.

– Вы хотите сказать, что вернулись не затем, чтобы заплатить за вчерашний ночлег? Как обещали мне множество раз?

Итан прикрыл глаза, цедя воздух сквозь неистовую боль.

– Лиза, вы даже не представляете, что за денек мне выдался. Мне нужно лишь прилечь на пару часиков. Мне не нужен номер на всю ночь. Только местечко, чтобы вздремнуть, прочистить мозги. Мне ужасно больно.

– Погодите-ка. – Соскользнув со стула, она перегнулась к нему через стойку. – Вы по-прежнему не в состоянии заплатить и теперь просите у меня *еще* номер?

– Мне больше некуда пойти.

– Вы мне врали.

– Сожалею. Я и вправду думал, что смогу к…

– Вы понимаете, что ради вас я подставилась под удар? Что я могла лишиться работы?

– Извините, я не хотел…

– Ступайте.

– Простите?

– Вы меня слышали?

– Мне некуда идти, Лиза. У меня нет телефона. Нет денег. Я не ел со вчерашнего вчера и…

– Растолкуйте мне еще разок, каким боком хоть что из этого меня колышет.

– Мне только-то и нужно, что прилечь на пару часиков. Я вас умоляю.

– Послушайте, я растолковала вам как могла внятно. Теперь вам пора уходить.

Итан не шелохнулся. Просто смотрел на нее в надежде, что она, разглядев страдание в его взгляде, смилостивится.

Но Лиза вместо того сняла трубку и начала набирать номер.

– Что вы делаете? – спросил Итан.

– Звоню шерифу.

– Ладно, отлично. – Подняв руки в знак капитуляции, он попятился от стойки. – Ухожу.

И уже подошел к дверям, когда Лиза окликнула его:

– И чтобы больше я никогда вас здесь не видела!

Итан едва не оступился, спускаясь по ступеням, и, пока добрался до тротуара, голова совсем поплыла. Огни фонарей и огни фар проезжающих автомобилей завертелись, и Итан почувствовал, что сила отливает от ног, будто кто-то выдернул сливную пробку.

И тем не менее он двинулся по тротуару, увидев, что здание красного кирпича высится над улицей в восьми кварталах отсюда. Страх еще гнездился в нем, но теперь он нуждался в больнице. Хотел обрести постель, сон, медикаменты. Что угодно, только бы покончить с болью.

Тут уж либо в больницу, либо спать под открытым небом – в переулке или в парке во власти стихий.

Но пока что это целых восемь кварталов, и каждый шаг сейчас требует сокрушительного расхода энергии, а огни вокруг уже начали распадаться – кружа, длинные хвосты стали ярче, выразительнее, зрительное восприятие исказилось, словно он способен видеть мир только как сделанный на сверхдлинной экспозиции фотоснимок ночного города – фары автомобилей растягивались в пламенеющие ленты, а уличные фонари пылали газовыми горелками.

Наткнулся на кого-то.

Тот оттолкнул его, бросив:

– Ты, че, и водишь так же?

На следующем перекрестке Итан остановился, сомневаясь, что в состоянии его пересечь.

Попятившись на заплетающихся ногах, жестко плюхнулся на тротуар, привалившись спиной к стене здания.

На улице стало людно – перед глазами все плыло, но он слышал звук шагов по бетону и обрывки разговоров прохожих.

Утратил всякое ощущение времени.

Возможно, задремал.

Потом оказался лежащим на боку на холодном бетоне, чувствуя чье-то дыхание и голос прямо в лицо.

Слова докатывались до него, но Итан не мог собрать их и выстроить в сколь-нибудь осмысленном порядке.

Открыл глаза.

Ночь уже наступила.

Он дрожал.

Рядом с ним на коленях стояла женщина, и он чувствовал ее ладони, вцепившиеся в его плечи. Она трясла его, обращаясь к нему:

– Сэр, вам нехорошо? Вы меня слышите? Сэр? Вы можете посмотреть на меня и сказать, в чем дело?

– Да он пьяный! – мужской голос.

– Нет, Гарольд. Он болен.

Итан попытался сфокусировать взгляд на ее лице, но было темно, все расплывалось, и он видел лишь сияние фонарей через дорогу, будто маленьких солнышек, да время от времени прочерк света проезжающего автомобиля.

– Голова болит, – промямлил он голосом, слишком слабым, пронизанным болью и страхом, чтобы принадлежать ему. – Мне нужна помощь.

Взяв его за руку, она сказала, чтобы он не тревожился, не боялся, что помощь уже в пути.

И хотя державшая его рука явно принадлежала отнюдь не молодой женщине – кожа слишком натянутая и тонкая, будто старый пергамент, – было в ее голосе что-то настолько знакомое, что у него прямо сердце защемило.

Глава 04

Из Сиэтла они паромом переправились на остров Бейнбридж и направились на север полуострова по направлению к Порт-Анджелесу колонной из четырех автомобилей, везущих пятнадцать ближайших друзей Бёрка.

Тереза надеялась на погожий день, но было холодно, сеялся серый дождь, застилая Олимпийские горы, и ничего не было видно, кроме узкого коридора их шоссе.

Но все это не играло никакой роли.

Они отправились бы, невзирая на погоду, и если бы никто не захотел присоединиться, они с Беном пустились бы в поход вдвоем.

За рулем была ее подруга Дарла, а Тереза на заднем сиденье держала своего семилетнего сына за руку, сквозь испещренное дождевыми каплями стекло глядя на проносящийся мимо темно-зеленый лес.

В нескольких милях к западу от города на шоссе 112 начиналась тропа на Полосатый пик.

Небо еще было затянуто тучами, но дождь уже перестал.

Тронулись в молчании, шагая вдоль воды, слыша лишь чавканье ног по грязи да белый шум прибоя.

Проходя по тропе над бухтой, Тереза бросила туда взгляд, но вода оказалась не такой синей, как ей помнилась, – пожалуй, виновата здесь обложная облачность, приглушившая цвет, а вовсе не ее память.

Миновав бункеры времен Второй мировой войны, группа вскарабкалась через заросли папоротника в лес.

Повсюду мох.

С деревьев до сих пор каплет.

Зелень пышная и яркая даже в начале зимы.

Они подошли к вершине.

И за все это время никто не обронил ни слова.

Тереза чувствовала, как гудят ноги и слезы наворачиваются на глаза.

Когда они достигли вершины, пошел дождь – легкий, всего лишь отдельные капли, косо летящие по ветру.

Тереза вышла на луг.

Теперь она уже плакала.

В ясный день вид на море, раскинувшееся в тысяче футов ниже, открылся бы на многие мили.

Но сегодня пик окутан маревом.

Без сил опустившись на мокрую траву, она спрятала голову между коленей и поплакала.

Слышался лишь перестук мороси по капюшону ее пончо – и больше ничего.

Бен присел рядом, и она обняла его за плечи, сказав:

– Ты хорошо шел, дружок. Как ты себя чувствуешь?

– Да нормально, наверное. Это оно и есть?

– Ага, это оно и есть. Не будь тумана, видно было бы куда дальше.

– Что будем делать теперь?

Утерев глаза, она сделала глубокий, трепетный вздох.

– Теперь я скажу что-нибудь о твоем папе. Может, другие люди тоже.

– А мне надо?

– Только если хочешь.

– Не хочу.

– Ну и ладно.

– Это не значит, что я больше его не люблю.

– Я знаю.

– А он хотел бы, чтобы я сказал о нем?

– Нет, если тебе от этого не по себе.

Тереза закрыла глаза, улучив минутку, чтобы взять себя в руки.

Вскарабкалась на ноги.

Ее друзья бродили среди папоротников, согревая руки дыханием.

На вершине было свежо, от сильного ветра по папоротникам бежали волны, и воздух был настолько холоден, что дыхание вырывалось изо рта паром.

Она подозвала друзей, и все сгрудились, пытаясь хоть как-то укрыться от дождя и ветра.

Тереза рассказала, как они с Итаном совершили вылазку на полуостров через несколько месяцев после того, как начали встречаться. Остановились в мини-гостинице в Порт-Анджелесе и однажды под вечер вдруг наткнулись на тропу, ведущую на Полосатый пик. Достигли вершины на закате ясным, безмятежным вечером, и когда она смотрела через пролив в дальние дали Южной Канады, Итан вдруг преклонил колено и сделал предложение.

Он тем утром купил игрушечный перстенек в торговом автомате мини-маркета. Сказал, что не планировал ничего этакого, но в этой поездке вдруг понял, что хочет провести остаток жизни с ней. Сказал ей, что никогда еще не был счастливее, чем в этот миг, стоя на вершине горы с целым миром, раскинувшимся у их ног.

– Я тоже не планировала ничего этакого, – призналась Тереза, – но сказала «да», и мы стояли там, глядя, как солнце опускается в море. Мы с Итаном всегда говорили, что надо бы приехать сюда на выходные, но вы же знаете – как говорится, человек предполагает, а жизнь располагает. Так или иначе, у нас были прекрасные моменты… – поцеловала сына в макушку, – …и не такие уж прекрасные, но по-моему, Итан ни разу не был счастливее, беззаботнее и столь преисполненным надежд на будущее, чем тогда на закате на вершине этой горы тринадцать лет назад. Как вам известно, обстоятельства, окружающие его исчезновение… – Она чуть помедлила, сдержав бурю эмоций, затаившуюся в ожидании, вечно подстерегающую ее. – …Словом, у нас вообще-то нет ни тела, ни праха, ничегошеньки. Но… – Улыбка сквозь слезы. – Я принесла это. – Она выудила из кармана старенький пластиковый перстенек; золотая краска с колечка давно облезла, но хлипкие зубцы еще держали стеклянную призмочку под цвет изумруда. – В конце концов он преподнес мне бриллиант, но принести это казалось уместнее, да и рентабельнее. – Вытащила из своего мокрого рюкзака садовую лопатку. – Хочу оставить здесь что-то близкое Итану; по-моему, так будет правильно. Бен, ты мне не поможешь?

Опустившись на колени, она разгребла папоротники, чтобы обнажить землю.

Волглая от дождя почва легко поддалась. Несколько раз копнув, Тереза дала сделать Бену то же самое.

– Я люблю тебя, Итан, – прошептала она, – и мне ужасно тебя недостает.

Затем опустила колечко в неглубокую могилку, засыпала ее вырытой землей и разровняла тыльной стороной лопатки.

* * *

В тот же вечер, снова в своем доме в верхнем районе Квин-Энн, Тереза устроила поминки.

Набила дом друзьями, знакомыми, сослуживцами, уймой спиртного.

Ядро группы их друзей – ныне ответственных, одомашнившихся профессионалов – когда-то были буйными и склонными к эксцессам, и по пути все они поклялись надраться в честь Итана.

И сдержали слово.

Пили, как рыбы.

Рассказывали истории об Итане.

Смеялись и плакали.

* * *

В десять тридцать Тереза стояла на террасе, с видом на задний двор, а в редкие ясные дни – и на силуэт Сиэтла и массивную белую громаду горы Рейнир к югу. Сегодня ночью здания центра города скрывала дымка, и они напоминали о своем присутствии лишь неоновым сиянием низкой пелены туч.

Опершись о перила, она курила сигарету в компании Дарлы, чего не делала уже со времен общежития в колледже, и потягивала уже пятый джин-тоник за вечер. Она не пила так много уже бог весть сколько лет. Понимала, что утром придется за это расплачиваться, но пока что упивалась этим замечательным ватным одеялом, защищающим от острых граней реальности – вопросов, оставшихся без ответа, страха, не оставлявшего ее ни на миг. Являвшегося ей в кошмарных снах.

– А что, если его страховое пособие не выплатят? – спросила она у Дарлы.

– С чего бы это, солнышко?

– Нет доказательств смерти.

– Что за нелепость!

– Мне придется продать этот дом. Мне не потянуть ипотеку на зарплату помощника юриста.

Она ощутила, как Дарла продела руку ей под локоть.

– Не думай об этом сейчас. Просто знай, что у тебя есть друзья, которые тебя любят. Которые ни за что не позволят, чтобы с тобой или с Беном случилось что-нибудь плохое.

Тереза поставила пустой бокал на перила и проронила:

– Он был не идеален.

– Знаю.

– Далеко, далеко не идеален. Но ошибки, которые он совершал, если вдуматься… это его ошибки. Я любила его. Всегда. Даже когда впервые узнала, понимала, что прощу его. Он мог бы сделать это снова, и правда в том, что я бы осталась. Я ему *принадлежала*, знаешь?

– Значит, вы двое совершенно примирились до его отъезда?

– Ага. В смысле, еще были по-настоящему… тяжелые чувства. То, что он сделал…

– Знаю.

– Но худшее между нами уже осталось позади. Мы ходили в консультацию. Мы бы выкарабкались. А теперь… я мать-одиночка, Ди.

– Давай-ка уложим тебя в постель, Тереза. День был долгий. Ничего не трогай. Я приду утром и помогу тебе прибраться.

– Пятнадцать месяцев, как его нет, и каждый день, просыпаясь, я по-прежнему не могу поверить, что это происходит на самом деле. Все жду звонка мобильника. Эсэмэски от него. Бен постоянно спрашивает меня, когда папочка вернется домой. Он знает ответ, но это то же самое, что и со мной… по той же причине и я все время проверяю телефон.

– Почему, солнышко?

– Потому что, может быть, на этот раз он покажет пропущенный звонок Итана. Потому что, может быть, на этот раз у меня найдется другой ответ на вопрос Бена. И я скажу, что папочка вернется домой из командировки на следующей неделе.

Кто-то позвал Терезу по имени.

Она осторожно повернулась, не без труда удерживая равновесие после джина.

Паркер, один из молодых коллег по юридической фирме, где она работает, стоял на пороге раздвижной стеклянной двери.

– Тут тебя хотят видеть, Тереза.

– Кто?

– Тип по фамилии Хасслер.

Тереза ощутила, как под ложечкой засосало.

– Кто это? – поинтересовалась Дарла.

– Босс Итана. Блин, я пьяна.

– Хочешь, скажу ему, что ты не можешь…

– Нет, я хочу с ним поговорить.

Тереза пошла в дом вслед за Паркером.

Все налегали на выпивку чересчур усердно, и вечеринка, слетев под откос, догорала.

Джен, делившая с ней комнату на первом курсе колледжа, отключилась на диване.

Несколько подружек Терезы, не вяжущих лыка, сгрудились в кухне вокруг чьего-то айфона, пытаясь вызвать такси по громкой связи.

Едва она вошла, как сестра Марджи – абстинентка и, вероятно, единственный трезвый человек в доме – подхватила ее под руку и прошептала, что Бен мирно спит у себя в комнате наверху.

Хасслер дожидался ее в прихожей в своем черном костюме, приспустив узел черного галстука. Под глазами у него набрякли мешки. Наверно, пришел прямо с работы.

– Привет, Адам, – сказала она.

Они наскоро обнялись, наскоро поцеловались в щеку.

– Извини, что не мог выбраться раньше, – сказал Хасслер. – Просто… в общем, тот еще был день. Хотел просто забежать на минутку.

– Это дорогого стоит. Принести тебе выпить?

– Хорошо бы пива.

Нетвердой походкой дойдя до полупустого кега «Фэт Тайр», Тереза нацедила пластиковый стакан и села с Адамом на третьей ступеньке лестницы.

– Прошу прощения, – проговорила она. – Я чуток пьяна. Мы хотели проводить Итана, как в добрые старые деньки.

Хасслер отхлебнул пива. Он на год или два старше Итана. Как и все эти годы назад, когда она впервые встретилась с ним на корпоративной рождественской вечеринке, от него слегка веет «Олд Спайсом», и подстрижен он все так же бобриком. На челюсти намек на рыжину – всего лишь дневная щетина. Тереза почувствовала выпуклость оружия у него на боку.

– У тебя по-прежнему проблемы со страховкой Итана? – спросил Хасслер.

– Да. Устроили волокиту с выплатой. По-моему, хотят, чтобы я подала иск.

– Если ты не против, я бы хотел позвонить первым делом на следующей неделе. Попробую надавить авторитетом, заставить пошевеливаться.

– Буду искренне благодарна, Адам.

Она поймала себя на том, что медленно и очень тщательно выговаривает каждый звук, чтобы язык не заплетался.

– Пришлешь мне контактную информацию страхового оценщика? – попросил он.

– Да.

– Хочу, чтоб ты знала, Тереза, что первое, о чем я думаю каждый день, – это выяснить, что же произошло с Итаном. И я это выясню.

– Думаешь, он мертв?

На трезвую голову она такой вопрос нипочем бы не задала.

Хасслер примолк, глядя в янтарное пиво.

И наконец вымолвил:

– Итан… был замечательным агентом. Может, лучшим из моих. Я это не просто так говорю.

– И ты думаешь, что он бы уже подал весточку или…

– Именно. Сожалею.

– Нет, это… – Он сунул ей платок, и Тереза немного поплакала в него, прежде чем утереть глаза. – Не знать… так трудно. Раньше я молилась, чтобы он был жив. Теперь молюсь, чтобы хоть тело нашли. Нечто осязаемое, что даст мне ответы и позволит двигаться дальше. Можно тебя спросить кое о чем, Адам?

– Конечно.

– Как *по-твоему,* что случилось?

– Может, сейчас не время…

– Ну, пожалуйста.

Хасслер допил пиво, прошел к кегу, снова наполнил стакан и вернулся.

– Давай для начала посмотрим, что у нас имеется в качестве отправной точки, ладно? Итан прибыл в Бойсе прямым рейсом из Сиэтла в 8.30 утра двадцать четвертого сентября прошлого года. Отправился в региональное отделение в центре в Башне Банка США, где встретился с агентом Столлингсом и его командой. У них состоялось двух-с-половиной-часовое совещание, а затем Итан и Столлингс покинули Бойсе приблизительно в 11.15 утра.

– И отправились в Заплутавшие Сосны, чтобы расследовать…

– Помимо прочего, исчезновение агентов Билла Эванса и Кейт Хьюсон.

Один лишь звук ее имени был для Терезы как нож под ребра.

Внезапно ей захотелось выпить еще.

– В последний раз ты говорила с Итаном по сотовому телефону, он позвонил в 1.20 дня из Лоумена, штат Айдахо, где они остановились на заправку, – продолжал Хасслер.

– Связь была плохая, потому что они заехали в горы.

– В этом месте они были в часе езды от Заплутавших Сосен.

– Последнее, что он мне сказал, было: «Я позвоню тебе сегодня вечером из отеля, милая», а я пыталась попрощаться с ним и сказать, что люблю его, но связь оборвалась.

– И ты была последней из всех, кто контактировал с твоим мужем. Во всяком случае, из живущих ныне. Конечно… остальное ты знаешь.

И даже сверх того. Она больше не желала слышать этого никогда.

В 3.07 дня на перекрестке в Заплутавших Соснах агент Столлингс выскочил перед грузовиком «Мак». Он погиб на месте, и из-за силы столкновения и деформации передней части пассажирской стороны автомобиль пришлось доставить в другое место, чтобы извлечь тело Итана. Вот только когда удалось срезать дверь и отогнуть достаточный кусок крыши, чтобы проникнуть внутрь, оказалось, что там пусто.

– Еще одна причина, по которой я пришел, Тереза, это чтобы поделиться капелькой новостей. Как тебе известно, мы были недовольны результатами проведенного нами внутреннего обследования «Линкольн Таункара» Столлингса.

– Верно.

– Так что я попросил о любезности команду научных экспертов ФБР, подключил базу ДНК. Они работают лучше всех, чудеса творят, и только что закончили недельную возню с машиной.

– И…

– Я могу переслать тебе их рапорт завтра по электронке, но если в двух словах, они ничего не нашли.

– Что ты имеешь в виду?

– Я имею в виду, что они ничего не нашли. Ни следа клеток кожи, крови, волос или хотя бы остаточных проявлений пота. Даже того, что они называют расщепленной ДНК. Если бы Итан ехал в этом автомобиле в течение трех часов по пути из Бойсе в Заплутавшие Сосны, эта команда нашла бы хоть какие-нибудь его молекулярные следы.

– Как такое может быть?

– Еще не знаю.

Ухватившись за балясину, Тереза с трудом поднялась.

Добралась до импровизированного бара на старинном умывальнике, служащего лишь элементом декора.

Даже не потрудилась смешивать очередной джин-тоник. Просто бросила льда в стакан для виски и наполнила его элитной водкой.

Сделав долгий глоток, добрела обратно до лестницы.

– Не знаю, как это переварить, Адам, – проговорила она и, пригубив, поняла, что эта порция алкоголя свалит ее с ног окончательно.

– Я тоже. Ты спрашивала меня, что случилось, по моему мнению?

– Ага.

– У меня нет никаких ответов для тебя. Пока что. Строго между нами, мы снова вплотную занялись агентом Столлингсом. Взялись вплотную за всех, кто имел доступ к месту происшествия до моего прибытия. Но пока что ни к чему не пришли. И, как тебе известно, это произошло более года назад.

– Что-то тут не сходится, – заметила она.

Хасслер уставил на нее взгляд, полный тревоги. И проронил:

– Ни хрена.

* * *

Проводив его до машины, Тереза стояла на мокрой улице под дождем, глядя, как габаритные огни становятся все меньше и меньше, прежде чем скрыться за вершиной холма.

Вверх и вниз по улице виднелись огни гирлянд рождественских елок в домах соседей. Они с Беном елку пока не ставили, да и вряд ли соберутся в этом году. Подобное слишком смахивало бы на приятие этого кошмара, окончательное признание, что он не вернется домой никогда.

* * *

Позже, когда такси развезли всех по домам, она лежала внизу на диване, борясь с кружением мира вокруг.

Не могла уснуть, не могла отключиться.

Каждый раз, открывая глаза, фокусировала взгляд на настенных часах, минутная стрелка которых мучительно медленно тащилась от двух к трем часам утра.

В 2.45, больше не в силах выдерживать тошноту и головокружение ни секунды, Тереза скатилась с дивана, вскарабкалась на ноги и нетвердой походкой побрела на кухню.

Взяв из буфета один из пары-тройки оставшихся чистых стаканов, наполнила его водой из-под крана.

Выпила и вновь наполнила еще два раза, прежде чем жажда утихла.

В кухне царил полнейший разгром.

Приглушив свет рельсовых светильников, она принялась заполнять посудомойку, чувствуя какое-то удовлетворение от того, как та мало-помалу заполнялась. Включив ее, пошла по дому с пластиковым мешком, собирая пивные стаканы, бумажные тарелки, скомканные салфетки.

К четырем утра дом выглядел получше, да и Тереза уже не чувствовала себя настолько пьяной, хотя позади глаз появилась заметная пульсация – первый признак подступающей головной боли.

Проглотив три таблетки «Адвила», она стояла перед кухонной раковиной в предрассветной тишине, слушая, как дождь барабанит за стенами по доскам террасы.

Наполнив раковину горячей водой и выдавив туда жидкости для мытья посуды, Тереза смотрела, как на поверхности проклевываются пузырьки.

Погрузила ладони в воду.

Держала их там, пока боль от горячей воды не стала нестерпимой.

Она стояла на этом же именно месте в ту последнюю ночь, когда Итан пришел с работы поздно.

Не слышала, как закрылась входная дверь.

Не слышала его шагов.

Отскребала сковородку, когда ощутила, как его руки обнимают ее за талию, ощутила его дыхание на шее.

– Извини, Ти.

Продолжая скрести, она говорит:

– Семь часов, ну, восемь. Это поздно. Сейчас десять тридцать, Итан. Я даже не знаю, как это назвать.

– Как наш человечек?

– Уснул в гостиной, дожидаясь, чтобы показать тебе свой приз.

Ее бесит, что прикосновение его ладоней к ее телу обезоруживает ее гнев в считаные миллисекунды. Она ощутила ошеломительную тягу к нему в тот же миг, когда впервые увидела его через бар в «Тайни Бигз». Несправедливое преимущество.

– Мне придется лететь в Бойсе прямо с утра, – говорит он ей на ухо.

– Его день рождения в субботу, Итан. Шесть ему исполняется лишь раз в жизни.

– Я знаю. И мне это совсем не по душе. Но придется ехать.

– Ты знаешь, как на нем скажется то, что тебя здесь не будет? Сколько раз ему спрашивать, почему ты не…

– Я все понял, Тереза, ладушки? Думаешь, тебе от этого хуже, чем мне?

Оттолкнув его ладони с бедер, она оборачивается к нему лицом и спрашивает:

– А это новое задание имеет какое-нибудь отношение к попыткам найти ее?

– На сей раз я этого не сделаю, Тереза. Мне надо вставать в пять утра, чтобы успеть на рейс. А я даже вещи не собрал.

Уже направляясь прочь из кухни, он вдруг останавливается и оборачивается на пороге.

Секунду они просто смотрят друг другу в глаза, разделенные столом для завтраков с простывшей едой на тарелках – последней трапезой, которую Итан съест под этим кровом.

– Ты же знаешь, – говорит он, – тут все кончено. Проехали. Но ты ведешь себя, будто что-то…

– Я просто устала от этого, Итан.

– От чего?

– Ты работаешь и работаешь, и работаешь, а что остается для нас? Объедки.

Он не отвечает, но Тереза видит, как играют желваки у него на челюсти.

Даже так поздно вечером, после пятнадцатичасового рабочего дня он выглядит изумительно, стоя тут под рельсовыми светильниками в этом черном костюме, видеть который на нем ей никогда не надоедает.

И вот уже гнев ее идет на убыль.

Частью души она тянется к нему, нуждается в нем.

Она целиком в его власти.

Прямо волшебство какое-то.

Глава 05

Она идет к нему через кухню, и Итан обнимает ее, прячет нос в ее волосах. Он частенько так делает, пытаясь в последнее время вновь уловить тот первый запах-знакомство – своеобразную смесь духов, кондиционера и какой-то глубинной эманации, от которой у него сразу сердце занялось. Но то ли все теперь изменилось, было утрачено, то ли стало столь целостной его частью, что он больше не в состоянии уловить тот аромат, уносящий его прямиком в те первые дни, когда это все-таки удается. Он даже более значим, чем ее короткие белокурые волосы и зеленые глаза. Ощущение новизны. Свежий оборот. Как пронзительный октябрьский день, насыщенная синева небес, Каскадные и Олимпийские горы, покрытые свежим снегом, и деревья в городе, только-только тронутые желтизной и багрянцем.

Он ее обнимает.

Боль и стыд от того, что он заставил ее вынести, еще не утихли. Он не может сказать наверняка, но подозревает, что, поступи так с ним Тереза, он бы уже ушел. Изумляется ее любовью к нему. Ее верностью. Настолько превосходящей то, чего он заслуживает, что это лишь обостряет чувство стыда.

– Пойду погляжу на него, – шепчет Итан.

– Ладно.

– Когда я вернусь, ты посидишь со мной, пока я буду есть?

– Конечно.

Повесив пальто на перила лестницы, он сбрасывает свои черные туфли и мягко взбегает по ступеням, переступив скрипучую пятую.

Больше плохих половиц нет, и вскоре он стоит на пороге спальни, приоткрывая дверь, пока сквозь щель между дверью и косяком не прорезается полоска света.

На пятый день рождения Бена они покрасили стены под космос – чернота. Звезды. Спирали далеких галактик. Планеты. Там спутник, тут ракета. Астронавт в открытом пространстве.

Сын спит в клубке спутанных одеял, сжимая в руках небольшой приз – золотой пластиковый мальчик бьет по футбольному мячу.

Итан тихонько крадется по полу, огибая разбросанные там и тут игрушки «Лего» и «Хот Вилз».

Приседает у кровати на корточки.

Зрение уже достаточно приспособилось к темноте, чтобы он мог разглядеть черты лица Бенджамина.

Мягкость.

Безмятежность.

Миндалевидные глаза, как у матери, сейчас закрыты.

Губы Итана.

Он ощущает буквально физическую боль, стоя на корточках в темноте у кровати сына, которому скоро исполнится шесть лет, накануне дня, который предстоит упустить напрочь.

Его мальчик – самое совершенное и прекрасное творение, какое ему только доводилось видеть, и он остро чувствует неумолимый ход тысяч мгновений, которые мог бы провести с этим маленьким человеком, который станет мужчиной куда быстрее, чем он может даже вообразить.

Касается щеки Бена тыльной стороной кисти.

Наклонившись вперед, целует мальчика в лоб.

Отводит прядку волос ему за ухо.

– Я так горжусь тобой, – шепчет тихонько. – Ты даже представить себе не можешь.

В прошлом году, утром того дня, когда отец скончался в лечебнице, изнуренный годами и пневмонией, он спросил у Итана хриплым, скрипучим голосом: «Ты сыну-то время уделяешь?»

«Все, какое могу», – ответил он, но отец по глазам увидел, что он врет.

«Ты об этом будешь жалеть, Итан. Придет день, когда он повзрослеет, и будет уже поздно, и ты бы отдал целое королевство, только бы вернуться и хоть часок провести с сыном в детстве. Подержать его на руках. Почитать ему книгу. Покидаться мячом с человеком, в глазах которого ты безгрешен. Он еще не видит твоих промахов. Он смотрит на тебя с чистой любовью, и так будет не вечно, так что наслаждайся этим, пока оно есть».

Итан часто думает об этом разговоре, по большей части по ночам, когда лежит без сна в постели, а все остальные спят, и собственная жизнь проносится перед глазами со скоростью света – бремя счетов и будущего, прошлых ошибок и упущенных мгновений – вся утраченная радость – наваливается тяжким валуном на грудь.

– Вы меня слышите? Итан!

Порой кажется, что даже не вздохнуть.

Порой мысли несутся настолько быстро, что надо найти одно светлое воспоминание.

Уцепиться за него.

Спасательный круг.

– Итан, я хочу, чтобы вы ухватились за мой голос и дали ему вытащить вас на поверхность сознания.

Позволять ему проигрываться снова и снова, пока тревога не утихнет, пока не навалится усталость и можно будет наконец-то ускользнуть в небытие.

– Я знаю, что это трудно, но вы должны попытаться.

В единственный отрезок его дней, который еще сулит ему покой…

– Итан!

Сны.

Его глаза распахнулись.

Свет бил ему в лицо – маленькая, сфокусированная точка яркой, ослепительной голубизны.

Фонарик.

Итан моргнул, свет исчез, и когда он открыл глаза снова, на него смотрел человек сквозь очки в золотой оправе менее чем в футе от его лица.

Маленькие черные глаза.

Бритая голова.

На возраст намекает лишь жиденькая серебряная бородка, но кожа гладкая и чистая.

Тот улыбнулся – мелкие, безупречно белые зубы.

– Теперь вы меня слышите, да?

Официальные интонации. Стандартная вежливость.

Итан кивнул.

– Вы знаете, где вы находитесь?

Итану пришлось на миг задуматься – он грезил Сиэтлом, Терезой и Беном.

– Давайте начнем с чего-нибудь другого. Вы знаете, как вас зовут? – спросил мужчина.

– Итан Бёрк.

– Очень хорошо. И опять же, вы знаете, где вы находитесь, Итан?

Он чувствовал, что ответ маячит где-то на периферии сознания, но все было спутано, несколько реальностей боролись между собой.

В одной он был в Сиэтле.

В другой – в больнице.

В третьей – в идиллическом горном селении под названием… на месте названия зияла дыра.

– Итан!

– Да?

– Если я скажу, что вы в больнице Заплутавших Сосен, подтолкнет это вас к чему-нибудь?

Это не только подтолкнуло к чему-нибудь – это вышибло на поверхность все разом, будто жесткий, внезапный удар полузащитника, воспоминания о его последних четырех днях выскочили и выстроились в рабочем порядке, в последовательность событий, на которую он мог уверенно опереться.

– Ладно, – проговорил Итан. – Ладно. Помню.

– Всё?

– По-моему, да.

– Что вы помните последним?

Ему потребовалось какое-то время, чтобы выудить воспоминание, стряхнуть паутину с синапсов, но он его откопал.

– У меня была жуткая головная боль. Я сидел на тротуаре Главной улицы и…

– Вы потеряли сознание.

– Именно.

– Вы еще чувствуете эту головную боль?

– Нет, она прошла.

– Меня зовут доктор Дженкинс.

Пожав Итану руку, тот уселся на стул у его постели.

– Какого рода вы доктор? – поинтересовался Итан.

– Психиатр. Итан, мне нужно, чтобы вы ответили для меня на пару вопросов, если вы не против. Вы говорили какие-то интересные вещи доктору Митеру и его медсестре, когда вас доставили сюда впервые. Вы знаете, о чем я говорю?

– Нет.

– Вы говорили о трупе в одном из домов города. И что вы не могли связаться со своей семьей.

– Я не припоминаю, чтобы говорил с медсестрой или доктором.

– Вы тогда были в бреду. У вас в анамнезе есть психические заболевания, Итан?

До сих пор он был распростерт в кровати.

Теперь же, поднатужившись, сел.

Сквозь закрытые жалюзи пробивались полоски света.

На улице день.

На каком-то утробном уровне он обрадовался этому факту.

– Какого рода этот вопрос? – осведомился Итан.

– Такого, за который мне платят. Вы объявились здесь вчера ночью без бумажника, без документов…

– Меня вытащили из автокатастрофы несколько дней назад, и то ли шериф, то ли бригада «Скорой помощи» не сделали свою сраную работу, и теперь я застрял здесь без телефона, денег и документов. Я не терял свой бумажник.

– Расслабьтесь, Итан, никто не утверждает, что вы сделали что-то дурное. Опять же, мне нужно, чтобы вы отвечали на мои вопросы. У вас в анамнезе есть психические заболевания?

– Нет.

– У вас в семье были психические заболевания?

– Нет.

– Были ли у вас в анамнезе посттравматические стрессовые расстройства?

– Нет.

– Но вы были в действующих войсках во время второй войны в Заливе.

– Откуда вам об этом известно?

Дженкинс указал подбородком.

Итан бросил взгляд себе на грудь и увидел свой армейский жетон на шариковой цепочке. Странно. Он всегда держал его в ящике прикроватного столика. Не мог даже припомнить, когда в последний раз его надевал. Вряд ли он мог прихватить его с собой в эту командировку и уж наверняка не помнил, чтобы брал его в дорогу или решил надеть.

Пробежал взглядом свое имя, звание, номер социального страхования, группу крови и религиозные предпочтения («РЕЛИГИОЗНЫЕ ПРЕДП.: НЕТ»), выгравированные на пластинке из нержавеющей стали.

Старший уорент-офицер[11] Итан Бёрк.

– Итан!

– Что?

– Вы служили во время второй войны в Заливе?

– Ага, водил UH-60.

– Что это?

– Вертолет «Блэк Хоук».

– Как я понимаю, сражения видели?

– Да.

– Массированные?

– Можно сказать и так.

– Вы были ранены?

– Не понимаю, какое это имеет отношение к…

– Просто отвечайте на мои вопросы, пожалуйста.

– Получил пулевое ранение во второй битве за Фаллуджу зимой две тысячи четвертого. Мы занимались эвакуацией раненых и только что приняли на борт группу морских пехотинцев.

– Кто-нибудь погиб?

Итан сделал глубокий вдох.

Выдохнул.

Если честно, вопрос удивил его, и теперь он поймал себя на том, что должен сжать нервы в кулак, чтобы устоять перед калейдоскопом образов, примириться с которыми ему помогли лишь бесчисленные сеансы терапии.

Ударная волна от выстрела из РПГ, взорвавшегося у него за спиной.

Оторванная хвостовая секция и винт, падающий с высоты ста пятидесяти футов на улицу внизу.

Внезапные перегрузки завертевшегося вертолета.

Сигналы тревоги надрываются, как безумные.

Невероятная неуступчивость ручки управления.

Удар почти не так страшен, как он боялся.

Сознание потерял всего на полминуты.

Привязной ремень заклинило, до своего «Ка-Бара» [12] *не дотянуться.*

– Итан! Кто-нибудь погиб?

Огонь повстанцев уже вспарывает обломки машины с другой стороны, кто-то палит из АК.

За треснувшим ветровым стеклом двое санитаров ковыляют прочь от вертолета.

Контужены.

– Итан…

Прямо на четырехлопастной винт, вращающийся еще достаточно быстро…

Вот.

И нету.

Кровь заливает ветровое стекло.

Снова автоматные очереди.

Идут повстанцы.

– Итан!

– Погибли все, кроме меня, – выговаривает Итан.

– Вы были единственным выжившим?

– Совершенно верно. Меня взяли в плен.

Дженкинс записал что-то в блокнот в кожаном переплете и сказал:

– Мне надо задать вам еще несколько вопросов, Итан. И чем честнее вы будете, тем выше мои шансы вам помочь; это единственное, чего я хочу. Вы слышали какие-нибудь голоса?

Итан постарался не испепелить врача взглядом.

– Шутите?

– Не могли бы вы просто ответить…

– Нет.

Дженкинс чиркнул в своем блокноте.

– У вас были какие-нибудь затруднения с речью? К примеру, не была ли ваша речь бессвязной или спутанной?

– Нет. И я не в бреду. И у меня нет галлюцинаций или…

– Ну, будь у вас галлюцинации, вы бы об этом на самом деле и не догадывались бы, не так ли? Вы бы верили, что вещи, которые вы видите или слышите, существуют на самом деле. Я имею в виду, что если бы я, ваше пребывание в этой больничной палате и весь наш разговор были бы вашей галлюцинацией, вы бы не ощутили никакой разницы, не так ли?

Сбросив ноги с кровати, Итан опустил их на пол.

– Что вы делаете? – спросил Дженкинс.

Итан направился к одежному шкафу.

Слаб, ноги подкашиваются.

– Вы не в состоянии покинуть больницу, Итан. Результаты вашей МРТ еще изучают. У вас закрытая травма черепа, и мы не знаем, насколько она серьезна. Нам нужно продолжить обследование…

– Я пройду обследование. Только не здесь. Не в этом городе.

Распахнув дверь шкафа, Итан снял костюм с плечиков.

– Вы вошли в офис шерифа без рубашки. Это верно?

Итан сунул руки в рукава своей белой рубашки, оказавшейся свежевыстиранной. Смрад человеческого тлена сменил аромат стирального порошка.

– От меня воняло, – сказал Итан. – Разило так же, как от трупа, который я только что…

– Как вы говорите, нашли в брошенном доме.

– Я не *говорю,* что нашел. Я на него наткнулся.

– И вы явились в жилище Мака и Джейн Скози, которых прежде ни разу не встречали, и подвергли мистера Скози словесным нападкам на его же переднем крыльце. Это утверждение справедливо?

Итан принялся за пуговицы, дрожащими пальцами стараясь впихнуть их в петли. Где-то попал не в ту, но ему было наплевать. Одеться. Выбраться отсюда. Отряхнуть с ног прах этого городишки.

– Разгуливать по городу с потенциальной травмой головного мозга – отнюдь не самый разумный из возможных образов действия, – изрек Дженкинс, поднимаясь со стула.

– Что-то здесь неладно, – отозвался Итан.

– Знаю, как раз это я и пытаюсь…

– Нет. С этим городом. С людьми в нем. С вами. Что-то не так, и если вы думаете, будто я собираюсь тут сидеть и позволю вам трахать мне мозги еще хоть секунду…

– Я не трахаю вам мозги, Итан. Никто не трахает вам мозги. Вы хоть представляете, насколько параноидально звучит это заявление? Я лишь пытаюсь определить, не страдаете ли вы транзиторным психозом.

– Что ж, не страдаю.

Натянув и застегнув брюки, Итан наклонился за туфлями.

– Простите, если я здесь не поверю *вам* на слово. «Аномальное состояние рассудка, как правило, характеризующееся утратой контакта с реальностью». Это азбучное определение психоза, Итан. Возможно, он вызван автокатастрофой. Гибелью напарника у вас на глазах. Или какая-то скрытая военная травма вдруг выплыла на поверхность.

– Вон из моей палаты, – бросил Итан.

– Итан, ваша жизнь может быть…

Итан поглядел на Дженкинса через комнату, и, должно быть, что-то в его взгляде, в его осанке говорило о вполне реальной угрозе насилия, потому что психиатр вдруг выпучил глаза и впервые заткнулся.

*** * ***

Медсестра Пэм подняла голову от бумаг, которые заполняла, сидя за столом на посту медсестры.

– Мистер Бёрк, что это вам взбрело в голову – на ногах, одеты и не в постели?

– Удаляюсь.

– Удаляетесь? – повторила она, словно не вполне понимая смысл слова. – Из больницы?

– Из Заплутавших Сосен.

– Вы не в состоянии покинуть даже…

– Мне нужны мои личные вещи – сейчас же. Шериф сказал мне, что их могла забрать из машины бригада «Скорой помощи».

– Я думала, они у шерифа.

– Нет.

– Вы в этом уверены?

– Да.

– Что ж, могу надеть свою детективную шляпку Нэнси Дрю и…

– Хватит отнимать у меня время. Вам известно, где они?

– Нет.

Отвернувшись от нее, Итан зашагал прочь.

Медсестра Пэм окликнула его.

Остановившись у лифта, Итан нажал кнопку «Вниз».

Теперь медсестра кинулась следом – он слышал ее торопливые шаги по клетчатому линолеуму.

Обернулся и смотрел, как она приближается к нему в этом очаровательном атавизме форменной одежды медсестер.

Не доходя нескольких футов, она остановилась.

У него преимущество в росте на четыре или пять дюймов. Да еще и в возрасте.

– Я не могу позволить вам уйти, Итан, – сказала она, – пока мы не узнаем, что вас мучает.

Двери лифта со скрежетом разъехались.

Итан попятился от медсестры в кабину.

– Спасибо за помощь и заботу, – проговорил он, нажимая кнопку G три раза подряд, пока она не загорелась, – но по-моему, я уже это понял.

– Что?

– То, что с этим городом что-то неладно.

Поставив ногу на порог лифта, Пэм помешала дверям закрыться.

– Итан. Умоляю. У вас просто мысли путаются.

– Уберите ногу.

– Я беспокоюсь за вас. Все здесь о вас беспокоятся.

Он стоял, прислонившись к стенке, но теперь оттолкнулся и ступил вперед, остановившись в считаных дюймах от Пэм, глядя на нее сквозь четырехдюймовый промежуток между дверями.

Опустил взгляд и постучал по носку ее белой туфли носком своей черной.

Долгие несколько секунд она удерживала позиции, и Итан даже начал гадать, не придется ли ему применить физическую силу, чтобы устранить медсестру Пэм из лифта.

Но она наконец отодвинула ногу.

*** * ***

Стоя на тротуаре, Итан подумал, что городок выглядит слишком тихим для конца дня. Не слышно было ни единого автомобильного двигателя. Фактически говоря, вообще ничего, кроме щебета птиц и посвиста ветра в кронах трех высоких сосен, осеняющих газон перед больницей.

Вышел на середину улицы.

Постоял там, приглядываясь и прислушиваясь.

Наслаждаясь теплом солнца на лице.

Ветерок доносил приятную прохладу.

Поглядел на небо – синий хрусталь.

Ни облачка.

Ни изъяна.

Местечко прекрасное, нет вопросов, но впервые эти горные стены, огородившие эту долину, внушили ему не только благоговение. Итан не смог бы объяснить, почему, но они наполнили его страхом. Ужасом, постичь который он пока не мог.

Он чувствовал… нечто странное.

Может, он страдает от последствий травмы. А может, и нет.

Может, изоляция от окружающего мира, продолжающаяся уже пять дней кряду, начала взимать свою дань.

Ни айфона, ни Интернета, ни «Фейсбука».

Если вдуматься, такое кажется невозможным – не иметь контакта ни с семьей, ни с Хасслером, вообще ни с кем за пределами Заплутавших Сосен.

Он зашагал к офису шерифа.

Лучше просто ретироваться. Перегруппироваться. Заново оценить факты по ту сторону этих горных стен.

Из комфорта нормального города.

Потому что здесь определенно творится какой-то сюр.

* * *

– Шериф Поуп у себя?

Белинда Моран подняла глаза от своего «Солитера».

– Здравствуйте, – проговорила она. – Чем могу вам помочь?

– Шериф у себя? – переспросил Итан, на сей раз чуть погромче.

– Нет, он на минутку вышел.

– Значит, скоро вернется?

– Я не знаю, когда он ожидается обратно.

– Но вы сказали «на минутку», вот я и подумал…

– Это просто фигура речи, молодой человек.

– Вы меня помните? Агента Бёрка из Секретной службы?

– Да. На этот раз вы в рубашке. Так мне ваш вид нравится куда больше.

– Тут никаких звонков для меня не было?

– А с чего бы это им быть? – прищурившись, вскинула она голову.

– С того, что я сказал некоторым людям, что они могут дозвониться до меня здесь.

– Вам никто не звонил, – покачала головой Белинда.

– Ни моя жена Тереза, ни агент Адам Хасслер?

– Никто вам не звонил, мистер Бёрк, и вам не следовало говорить, чтобы они звонили вам сюда.

– Мне нужно еще раз воспользоваться телефоном в вашей комнате для совещаний.

– Не думаю, что это хорошая мысль, – нахмурилась Белинда.

– Почему это?

От ответа она воздержалась, только сохранила насупленный вид.

* * *

– Тереза, это я. Просто пытаюсь дозвониться до тебя. Я снова был в больнице. Не знаю, звонила ли ты мне в офис шерифа или в гостиницу, но я никаких сообщений не получал. Я все еще в Заплутавших Соснах. Так и не смог отыскать ни свой телефон, ни бумажник, но с этим городом я покончил. Собираюсь позаимствовать из офиса шерифа патрульную машину. Позвоню тебе вечером из Бойсе. Скучаю, люблю.

Подавшись на стуле вперед, он дождался нового гудка, прикрыл глаза и постарался припомнить.

Номер был тут как тут.

Он накрутил его, выслушал четыре гудка, а затем тот же самый голос, что и в прошлый раз, ответил:

– Секретная служба.

– Это снова Итан Бёрк звонит Адаму Хасслеру.

– Он в данный момент недоступен. Могу я вам чем-нибудь помочь?

– Это Марси?

– Да.

– Вы припоминаете наш вчерашний телефонный разговор?

– Знаете, сэр, мы каждый день принимаем массу звонков, и я просто не могу уследить за каждым…

– Вы сказали, что передадите агенту Хасслеру сообщение.

– В отношении чего?

Закрыв глаза, Итан сделал глубокий вдох. Если оскорбить ее сейчас, она просто бросит трубку. Если же дождаться возвращения в Сиэтл, можно будет выпустить ей кишки публично и уволить ее с порога.

– Марси, это касательно мертвого агента Секретной службы в Заплутавших Соснах, штат Айдахо.

– Гм-м. Что ж, если я сказала, что передам ему сообщение, значит, наверняка сделала все, как обещала.

– Но я не получил от него вестей. Вы не находите это странным? Что агент из регионального отделения Хасслера – я – нашел другого агента, который был убит, агента, которого меня отправили сюда разыскивать, – и спустя целых двадцать четыре часа Хасслер даже не ответил на мой звонок?

Небольшая пауза, а затем:

– А *я-то* могу вам чем-нибудь помочь?

– Да, я бы хотел поговорить с агентом Хасслером сию же секунду.

– Ой, простите, он в данный момент недоступен. Могу я вам чем-нибудь…

– Где он?

– Он недоступен.

– Где? Он?

– Он в данный момент недоступен, но я уверена, что он вам перезвонит, как только найдет удобным. Сейчас у него дел невпроворот.

– Кто вы такая, Марси?

Итан почувствовал, что трубку вырывают у него из руки.

Поуп грохнул трубку на рычаг. Глаза шерифа пытались прожечь Итана насквозь, как пара раскаленных углей.

– Кто вам сказал, что вы можете заявиться сюда и пользоваться моим телефоном?!

– Никто, я просто…

– Вот именно. Никто. Подымайтесь.

– Простите?

– Я сказал «подымайтесь». Вы либо выйдете отсюда своим ходом, либо я выволоку вас через вестибюль самолично.

Медленно поднявшись, Итан встал с шерифом лицом к лицу через стол.

– Вы говорите с федеральным агентом, сэр.

– Я в этом не уверен.

– Что это значит, черт побери?

– Вы не предъявили мне ни документов, ни телефона, ничего…

– Я изложил свою ситуацию. Вы съездили в дом 604 по Первой авеню, видели труп агента Эванса?

– Да.

– И?..

– Ведется следствие.

– Вы вызвали бригаду экспертов-криминалистов, чтобы обработать…

– Все улажено.

– А что значит хотя бы это?

Поуп просто смотрел на него, и Итан подумал: *Он псих ненормальный, а у тебя никакой поддержки в этом городе. Просто бери машину и дуй отсюда. Пригвозди его, когда вернешься с кавалерией. Он лишится своего жетона и предстанет перед судом за палки в колеса федеральному расследованию.*

– Я вынужден просить об одолжении, – примирительным тоном обронил Итан.

– Каком?

– Я бы хотел позаимствовать один из ваших автомобилей.

Шериф рассмеялся:

– С чего бы это?

– Ну, очевидно, с того, что со времени несчастного случая у меня машины нет.

– Тут вам не прокат автотранспорта.

– Мне требуется какое-нибудь транспортное средство, Арнольд.

– Это просто невозможно.

– Это *ваш* департамент шерифа? Вы ведь можете делать, что хотите, верно?

Шериф моргнул.

– У меня нет машин, чтобы вам одалживать. – Поуп двинулся вдоль стола для совещаний. – Пойдемте, мистер Бёрк.

Он остановился у распахнутой двери в ожидании Итана.

Едва тот оказался в пределах досягаемости, Поуп схватил его за руку и подтянул к себе, своей большой, мощной ладонью сдавив бицепс Итана в сокрушительной хватке.

– У меня в не столь отдаленном будущем могут возникнуть к вам вопросы, – процедил шериф.

– О чем?

Поуп лишь усмехнулся:

– Даже не помышляйте покинуть город.

***

Шагая прочь от департамента шерифа, Итан, искоса оглянувшись через плечо, увидел, что Поуп наблюдает за ним сквозь щелку в жалюзи комнаты для совещаний.

Солнце скрылось за горами.

Город застыл в молчании.

Удалившись от офиса Поупа на квартал, Итан уселся на бордюр на тихой улочке.

– Это неправильно, – прошептал он и продолжал шептать снова и снова.

Итан чувствовал слабость и голод.

Он пытался разложить все по полочкам, все, что стряслось с момента его прибытия в Заплутавшие Сосны. Пытаясь по крохам собрать целостную картину, думая, что если бы смог обозреть все это разом, то сумел бы сложить из этих противоестественных соитий проблему, поддающуюся решению. Или хотя бы осмыслению. Но чем усерднее тужился, тем сильнее становилось ощущение, будто мысли вязнут в каком-то ватном облаке.

Откровение: сидя здесь, ни черта он не изменит.

Поднявшись на ноги, он двинулся к Главной улице.

Ступай в отель. Может, там ждет весточка от Терезы или Хасслера.

Ложная надежда. Он и сам это знал. Не будет там никакой весточки. Ничего, кроме враждебности.

Я вовсе не теряю рассудок.

Я вовсе не теряю рассудок.

Снова и снова он повторял свое имя. Номер социального страхования. Свой фактический адрес в Сиэтле. Девичью фамилию Терезы. Дату рождения сына. Все это представлялось реальным. Как обрывки информации, отождествляющей его личность.

Обретая утешение в именах и числах.

В следующем квартале его внимание привлекло звяканье.

Через улицу виднелся пустырь с несколькими столами для пикника, парочкой грилей и площадкой для метания подков. Соседи собрались на вечеринку. Группка женщин беседовала возле пары красных кулеров. Двое мужчин переворачивали на грилях бургеры и сосиски, дым возносился в недвижном вечернем воздухе синеватыми спиралями. От ароматов стряпни под ложечкой у Итана засосало, и он понял, что даже голоднее, чем думал.

Новая цель: поесть.

Итан пересек улицу по направлению к стрекоту сверчков и спринклеров, тарахтящих в отдалении.

Гадая: настоящие ли они?

Дети гонялись друг за другом по траве – крича, смеясь, вереща.

Салочки.

Звяканье доносилось от игры в подковы. Две группы мужчин стояли друг напротив друга в песочницах, и сигарный дым окутывал их головы, как взорвавшиеся нимбы.

Итан уже почти дошел до пустыря, думая, что лучше подойти к женщинам. Пустить в ход шарм. Похоже, это приличные граждане, обитающие в идеальном моменте американской мечты.

Одернув пиджак, он сошел с тротуара на траву, разглаживая складки и поправляя воротничок.

Пять женщин. Одной чуть за двадцать, троим от тридцати до сорока, одна седовласая – между пятьюдесятью пятью и шестьюдесятью.

Они попивали лимонад из прозрачных пластиковых стаканчиков, обсуждая какие-то соседские сплетни.

Никто пока его не заметил.

Когда он был уже в десяти футах, пытаясь измыслить какой-нибудь ненавязчивый способ встрять в их разговор, его ровесница, оглянувшись на него, улыбнулась.

– Эй, привет, – вымолвила она.

На ней были юбка ниже колена, красные сандалии и блузка в клетку. Короткая прическа казалась винтажной, будто позаимствованной из ситкома пятидесятых.

– Привет, – отозвался Итан.

– Решили без приглашения заявиться на нашу маленькую соседскую вечеринку?

– Должен признаться, меня привлек аромат того, что вы жарите на гриле.

– Я Нэнси. – Отделившись от группы, она протянула руку.

Он пожал ее.

– Итан.

– Вы здесь новенький? – поинтересовалась она.

– Прибыл в город всего пару дней назад.

– И как вам нравится наша деревушка?

– У вас очаровательный городок. Очень гостеприимный и теплый.

– Оу. Может, мы вас все-таки накормим.

Она рассмеялась.

– Вы здесь живете? – полюбопытствовал Итан.

– Мы все живем в пределах пары кварталов. Окрестные жители стараются собираться на шашлыки хотя бы раз в неделю.

– Как это «Мэйберри»[13] с вашей стороны.

Женщина залилась ярким румянцем.

– И что же вы делаете в Заплутавших Соснах, Итан?

– Я здесь просто турист.

– Должно быть, мило. Уж и не припомню своего последнего отпуска.

– Когда живешь в таком месте, – Итан широким жестом обвел окружающие горы, – разве захочешь уезжать?

– Не хотите ли стаканчик лимонаду? – предложила Нэнси. – Домашний, очень вкусный.

– Еще бы.

– Сейчас вернусь, – коснулась она его руки. – И тогда представлю вас всем.

Когда Нэнси отошла к кулерам, Итан бросил взгляд на остальных женщин, высматривая шанс вклиниться в разговор.

Старшая в стайке – женщина с белоснежными волосами – смеялась над чем-то, и когда ему пришло в голову, что он слышал этот смех прежде, она вдруг отвела свои длинные, до плеч волосы за уши.

От родинки размером с пять центов сердце у него прямо замерло.

Не может быть, но…

Правильный рост.

Правильное телосложение.

Теперь она говорила, и голос звучал почти неоспоримо знакомо. Она отделилась от группы женщин, указав на самую младшую с озорной усмешкой.

– Я уж прослежу, чтобы ты сдержала слово, Кристин, – сказала она.

Итан увидел, как она повернулась и направилась к дальней мишени для подков, где сплела пальцы с высоким, широкоплечим мужчиной с гривой волнистых серебряных волос.

– Пошли, Гарольд, мы пропустим твой сериал.

Она попыталась увлечь его прочь.

– Еще один бросок, – запротестовал он.

Она отпустила его, и Итан, лишившись речи, смотрел, как Гарольд, подняв подкову с песка, тщательно прицелился и метнул ее.

Полетев по дуге над травой, подкова со звоном ударилась о металлический шест.

Команда Гарольда возликовала. Отвесив несколько театральных поклонов, он позволил женщине со снежно-белыми волосами увлечь его прочь от компании.

Друзья кричали им вслед, желая доброй ночи.

– Итан, вот ваш лимонад. – Нэнси протягивала ему стаканчик.

– Прошу прощения, мне надо идти.

Развернувшись, он вышел обратно на улицу.

– Не хотите остаться и поесть? – окликнула вслед Нэнси.

Ко времени, когда Итан обогнул угол, пожилая пара опережала его на квартал.

Он прибавил шагу.

Следовал за ними несколько кварталов, пока они неспешно шествовали походкой четы, которой и дела нет ни до чего на свете, держась за руки, а их голоса и смех переливались среди сосен.

Повернув ниже по улице, они вдруг исчезли.

Итан рысцой припустил до следующего перекрестка.

Затейливые викторианские дома выстроились по обе стороны от улицы.

Их нигде не было видно.

Звук захлопнувшейся двери эхом раскатился по кварталу. Итан заметил дом, от которого донесся хлопок, – зеленый с белой окантовкой. На переднем крыльце качели. Третий слева.

Перебежав через улицу, он продолжил путь по тротуару, пока не остановился перед ним.

Лоскуток безупречно зеленой травы. Переднее крыльцо осеняет тень старой сосны. Фамилия на почтовом ящике незнакомая. Итан положил ладони на штакетник. Уже начало смеркаться. Огни в окружающих домах только-только начали вспыхивать. Сквозь поднятые окна время от времени долетали обрывки разговоров.

Долина безмолвствовала, купаясь в прохладе, а высочайшие пики гор еще удерживали последние проблески света дня.

Открыв щеколду, он толчком распахнул калитку.

Прошел по старой каменной дорожке к крыльцу.

Ступеньки заскрипели под его весом.

Встал перед входной дверью.

Услышал голоса по ту сторону.

Шаги.

Он поднял руку, чтобы постучать, чувствуя в душе какое-то сопротивление этому.

Побарабанил костяшками по стеклу наружной двери, сделал шаг назад.

Выждал добрую минуту, но никто не появился.

Во второй раз он постучал громче.

Шаги приблизились. Послышался щелчок поворачивающегося замка. Деревянная дверь открылась.

Тот же широкоплечий мужчина поглядел на него сквозь стекло.

– Я могу вам помочь?

Итану требовалось лишь увидеть ее вблизи, под светом фонаря на крыльце. Подтвердить, что это не она, что он не сходит с ума. Переключиться на мириады своих прочих проблем в этом городе.

– Я ищу Кейт.

Мгновение мужчина лишь смотрел на него.

Но в конце концов толчком открыл стеклянную дверь.

– Кто вы такой?

– Итан.

– Кто вы такой?

– Старый друг.

Отступив в дом, мужчина повернул голову и сказал:

– Милая, не могла бы ты на минутку подойти к двери?

Ответных слов Итан не разобрал, а мужчина сообщил:

– Понятия не имею.

Затем появилась она – тень в конце коридора, ведущего в кухню. На миг промелькнула под светом потолочного плафона и прошлепала босиком через гостиную к двери.

Мужчина отступил в сторону, и она заняла его место.

Итан уставился на нее сквозь стеклянную дверь.

Зажмурился и снова распахнул глаза. Он по-прежнему стоял на крыльце, а она по-прежнему, вопреки вероятию, по ту сторону стекла.

– Да? – сказала она.

Эти глаза.

Ошибки быть не может.

– Кейт?

– Да?

– Хьюсон?

– Это моя девичья фамилия.

– О, боже мой.

– Извините… мы знакомы?

Итан не мог отвести от нее глаз.

– Это я, – проговорил он. – Итан. Я прибыл сюда отыскать тебя, Кейт.

– По-моему, вы спутали меня с кем-то другим.

– Я бы узнал тебя где угодно. В любом возрасте.

Оглянувшись через плечо, она бросила:

– Все в порядке, Чарльз. Вернусь через минутку.

Открыв дверь, Кейт ступила на коврик перед порогом. На ней были кремовые брюки и выцветшая голубая майка.

Обручальное кольцо.

И пахнет, как Кейт.

Но старая.

– Что происходит? – спросил Итан.

Взяв за руку, она повела его к качелям на краю террасы.

Они сели.

От ее дома, стоящего на вершине небольшого холма, открывался вид на долину и городок. Огни в домах горели уже повсюду, на небе проглянули три звезды.

В одном из кустов стрекотал сверчок – или запись сверчка.

– Кейт…

Положив ладонь ему на бедро и крепко сжав, она склонилась к нему поближе:

– За нами следят.

– Кто?

– Тссс, – она указала в сторону потолка, сделав едва заметный жест пальцем, и прошептала: – И слушают.

– Что с тобой произошло? – поинтересовался Итан.

– Тебе не кажется, что я еще хороша собой? – Резкий, язвительный тон неподдельной Кейт. С минуту она смотрела себе в колени, а когда подняла взгляд снова, глаза ее блестели. – Стоя перед зеркалом и причесываясь перед сном, я до сих пор думаю о твоих ладонях на моем теле. Это уже не то, что было.

– Сколько тебе лет, Кейт?

– Больше не знаю. Уследить трудно.

– Я приехал сюда искать тебя четыре дня назад. Утратив контакт с тобой и Эвансом, меня отправили сюда искать вас. Эванс мертв. – Это заявление вроде бы особого впечатления не произвело. – Что вы с Биллом здесь делали?

Она лишь тряхнула головой.

– Что здесь происходит, Кейт?

– Не знаю.

– Но ты здесь живешь.

– Да.

– Давно?

– Годы.

– Это невозможно. – Итан подскочил на ноги. В мыслях воцарилась сумятица.

– У меня нет для тебя ответов, Итан.

– Мне нужен телефон, автомобиль, пистолет, если у тебя есть…

– Не могу, Итан. – Она встала. – Ты должен уйти.

– Кейт…

– Сейчас же.

Итан взял ее за руки.

– Это ведь была ты, когда я потерял сознание на улице вчера ночью. – Он посмотрел ей в лицо. – Складки у рта, морщинки в уголках глаз, и все еще такая красивая. – Ты знаешь, что со мной происходит?

– Перестань. – Она попыталась отстраниться.

– Я в беде, – заявил он.

– Знаю.

– Скажи мне, что…

– Итан, теперь ты подвергаешь опасности *мою* жизнь. И Гарольда.

– С чьей стороны?

Вырвавшись, она устремилась к двери. Уже на пороге обернулась и на миг, стоя там в полумраке, снова показалась тридцатишестилетней.

– Ты мог бы быть счастлив, Итан.

– О чем ты?

– Ты мог бы прожить здесь изумительную жизнь.

– Кейт!

Толчком распахнув дверь, она ступила внутрь.

– Кейт!

– Что?

– Я сумасшедший?

– Нет, – ответила она. – Ни чуточки.

Дверь за ней закрылась, и тут же послышался лязг задвигаемого засова. Подойдя к двери, Итан поглядел на свое отражение в стекле, отчасти ожидая увидеть шестидесятилетнего старика, но ничуть не переменился.

Он больше не чувствовал голода.

Не чувствовал усталости.

Спускаясь по ступеням, шагая по каменной дорожке и ступая на тротуар, он ощущал лишь стеснение в центре груди, знакомое чувство, накатывающее на него непосредственно перед заданием – когда подходишь к «стрекозке», которую аэродромная команда загрузила пулеметом Гатлинга пятидесятого калибра и «Хеллфайерами».

Страх.

*** * ***

Автомобиль Итан высмотрел лишь в следующем квартале – «Бьюик ЛеСабр» середины восьмидесятых с облепленным сухой сосновой хвоей ветровым стеклом и четырьмя шинами, которые не помешало бы подкачать.

Дверцы были заперты.

Прокравшись на крыльцо ближайшего дома, Итан поднял каменного херувима с пьедестала под окном. Сквозь тонкие занавески увидел внутри мальчика, сидящего перед пианино и исполняющего какую-то вычурную музыкальную пьесу, ноты которой прорывались на крыльцо сквозь четырехдюймовую щель приподнятого над подоконником окна.

Рядом с мальчиком сидела женщина, переворачивавшая страницы партитуры.

Херувим, хоть и всего в фут высотой, был сделан из монолитного бетона и весил фунтов тридцать с небольшим.

Итан отнес его обратно на улицу.

Проделать это тихо было попросту невозможно.

Он швырнул его в окно позади водительского сиденья, и ангелок без труда пробил его насквозь. Отпер дверцу, распахнул, забрался внутрь через осколки стекла, через спинки сидений и оказался за рулем. Удар обезглавил ангелочка, и Итан схватил его голову с заднего сиденья.

Двух ударов оказалось достаточно, чтобы расколоть пластиковый кожух под рулевой колонкой, обнажив цилиндр замка зажигания.

Света в машине почти не было.

Действуя исключительно на ощупь, он вырвал пальцами провода питания и стартера.

Звуки пианино в доме оборвались. Бросив взгляд на крыльцо, Итан увидел два силуэта за шторами.

Выудив из пиджака перочинный ножик, он открыл самое большое лезвие, перерезал пару белых проводов в полной уверенности, что они подают в машине питание. Затем зачистил изоляцию и скрутил оголенные концы вместе.

Приборная панель осветилась.

Когда он как раз отыскал более темный провод стартера, дверь дома распахнулась.

Мальчишеский голос:

– Погляди на окно машины.

Итан срезал изоляцию с конца провода стартера, обнажив медные жилы.

– Подожди здесь, Эллиот, – велела женщина.

Ну же, ну же, ну же.

Итан прикоснулся проводом стартера к силовому, во тьме с треском проскочила голубая искра.

Двигатель чихнул.

Женщина приближалась к нему через двор.

– Давай же, – пробормотал Итан.

Замкнул провода снова, и двигатель провернулся.

Раз.

Другой.

Третий.

На четвертый схватился и с урчанием заработал.

С ревом поддал газу, взвинчивая обороты, Итан передвинул рычаг коробки в положение ДВИЖЕНИЕ и включил фары в тот момент, когда женщина уже подоспела к пассажирской дверце, крича что-то сквозь стекло.

Итан погнал машину вниз по улице.

На первом перекрестке свернул налево, сбросив газ и снизив скорость до разумных пределов, чтобы не привлекать внимания – дескать, человек просто отправился покататься в чудесный вечер.

Указатель уровня бензина сообщал, что бак еще на четверть полон. Сигнальная лампочка пока не горит. Не проблема. Горючего хватит, чтобы смотаться из Заплутавших Сосен. Достаточно лишь миновать перевал, и милях в сорока к югу будет городок, главной достопримечательностью которого выступает единственная бензоколонка. Лоумен, штат Айдахо. Прямо на шоссе. Они останавливались там для заправки по пути сюда. Ему до сих пор виделся Столлингс у колонки в своем черном костюме, наполняющий бак. Итан прогулялся до обочины пустынного шоссе, поглазел на брошенные строения через дорогу – развалившуюся таверну, универсальный магазин и одинокую закусочную, еще живую, но едва трепыхающуюся, с тянущимся из отдушины на крыше дымком, пропахшим салом.

Он позвонил Терезе из этого места, где сигнал едва вытягивал на одну риску.

Почти не помнит разговор. Ум был занят другим.

Последний раз, когда говорил с женой.

Надеялся, что сказал ей о любви.

Под визг тормозов Итан остановил «Бьюик» с тикающим левым поворотником. Не считая горстки людей на тротуарах, центр города будто вымер, и Главная улица, сколько хватало глаз, была совершенно пуста.

Выехал на дорогу, совершив плавный левый по-ворот, и начал понемногу разгоняться, направляясь на юг.

Миновал паб, отель, кафе.

Через семь кварталов – больницу.

Никаких пригородов.

Строения просто кончились.

Еще газу.

Боже, как же хорошо двигаться, наконец-то вырваться отсюда! С каждым оборотом коленвала с его плеч сваливалось буквально физически ощутимое бремя. Надо было так поступить еще два дня назад.

Вокруг ни малейших признаков жилья, дорога прямолинейной траекторией пролегла через сосновый лес с такими громадными деревьями, что они запросто могли расти здесь испокон веку.

Врывающийся в машину воздух дышит прохладой и благоуханием.

Среди стволов залег туман, местами протягиваясь поперек дороги.

Пробивающийся сквозь него свет фар заметно ослабевал.

Загорелась сигнальная лампочка.

Блин!

Дорога к югу от города взбирается к перевалу на несколько тысяч футов крутым серпантином, и подъем может начаться с минуты на минуту. Он сожжет жалкие остатки бензина до капли. Следовало бы развернуться, доехать до города и слить у кого-нибудь достаточно топлива, чтобы добраться до Лоумена.

Он ударил по тормозам, стараясь вписаться в длинный резкий вираж.

На самом пике поворота туман сгустился в кисель, вспыхнув ослепительной белизной в дальнем свете; Итан сбросил скорость до минимума, ведя машину чуть ли не ползком, не видя никаких ориентиров, кроме блеклой двойной желтой полосы.

Распрямившись, дорога вырвалась из марева, из леса.

Вдали – рекламный щит.

С расстояния в осьмушку мили Итан смог разобрать лишь, что на нем нарисованы четыре фигуры, стоящие, взявшись за руки.

Широкие, белозубые улыбки.

Мальчик в шортах и полосатой рубашке.

Мать и дочь в платьях.

Отец в костюме и фетровой шляпе машет рукой.

Печатными буквами под идеальным улыбающимся семейством:

ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ В ЗАПЛУТАВШИЕ СОСНЫ, ГДЕ ОБРЕТАЕТСЯ РАЙ

Прибавив газу, Итан пронесся мимо щита по дороге, идущей параллельно частоколу, задев светом фар пастбище и стадо скота.

Огни вдали.

Пастбище осталось позади.

Вскоре он снова ехал среди домов.

Дорога стала шире, двойная желтая разделительная полоса исчезла.

Свернула на Первую авеню.

Он снова в городе.

Вырулив к бордюру, Итан вгляделся сквозь ветровое стекло, стараясь удержать панику в узде. Есть простое объяснение: он прозевал поворот к перевалу. Проскочил мимо в этой полосе густого тумана.

Он развернул машину кругом и снова рванул по дороге, раскочегарившись до шестидесяти к моменту, когда достиг пастбища.

Снова в тумане, среди могучих сосен Итан искал знак, хоть какой-то признак места, где дорога сворачивает к перевалу, но не находил ничего.

На самом крутом участке кривой он съехал на обочину и передвинул рычаг на ПАРКОВКА.

Покинув машину с работающим двигателем, вышел в ночь.

Перешел на другую сторону и зашагал вдоль обочины.

Через сотню футов туман сгустился настолько, что скрыл машину напрочь. Итан по-прежнему слышал ворчанье двигателя на холостых оборотах, но с каждым шагом звук становился глуше.

Он дошел до другой стороны резкого поворота, где дорога снова выпрямилась, устремляясь обратно к городу.

Рокот автомобильного двигателя стих окончательно.

Ни ветерка, кругом лишь высокий безмолвствующий лес.

Туман стлался вокруг, словно неся электрический заряд, но Итан понимал, что гул – лишь какой-то микроскопический шум в нем самом, в *его* голове, проявляющий себя лишь в полнейшем отсутствии звуков.

Не может этого быть.

Дорога не должна здесь поворачивать.

Она должна нестись сквозь эти сосны навылет еще полмили, а потом начать длинную вереницу петляний по склону горы на юг.

Он осторожно сошел с обочины в лес.

Ступать по хвое – все равно что разгуливать по подушкам.

Воздух сырой и холодный.

Эти деревья… он ни разу не видел таких высоких сосен, и при столь скудном подлеске ходить среди массивных стволов было легко – просторная чаща. Оглянуться не успеешь, как заблудишься.

Он вышел из тумана и теперь, подняв голову, разглядел сквозь кроны деревьев ледяные точки звезд.

Еще пятьдесят ярдов, и Итан остановился. Надо возвращаться. Наверняка есть и другие дороги из города, а он уже начал утрачивать ориентацию. Оглянулся через плечо, полагая, что видит примерный маршрут, которым пришел на это место, но наверняка не скажешь. Все выглядит одинаково.

В лесу перед ним: вопль.

Итан замер совершенно неподвижно.

Только грохот собственного сердца, и ничего более.

Вопль, подобный только человеческому крику страдания или ужаса. Как гиена или банши. Койоты в исступлении. Легендарный клич солдат-южан. Высокий и тонкий. Хрупкий. Жуткий. И на каком-то уровне гудение под поверхностью, словно от зарытых электрических проводов, и смутное осознание, что он слышит его уже не первый раз.

И снова вопль.

Ближе.

Тревога взвихрилась между глаз, впилась под ложечкой: «Покинь это место сейчас же. Не думай об этом. Просто. Убирайся».

А затем Итан бежал среди деревьев, запыхавшись уже через двадцать шагов, обратно в туман и холод.

Налетел на отлогий склон, ринулся вверх, карабкаясь на четвереньках, пока вновь не выскочил на дорогу. Несмотря на холод, он взмок, глаза саднило от соли. Припустил трусцой вдоль двойной разделительной, обратно по дуге поворота, пока не увидел два цилиндра света вдали, пробивающиеся сквозь туман.

Замедлился до шага и поверх натужных шумов собственного тела расслышал рокот холостых оборотов угнанного автомобиля.

Добрался до него, открыл водительскую дверцу. Забрался за руль, поставил ногу на тормоз и взялся за рычаг переключения скоростей, отчаянно спеша убраться отсюда.

Уголком левого глаза засек какое-то движение – тень в боковом зеркале. Глаза метнулись к зеркалу заднего вида над приборной доской, и в красном сиянии стоп-сигналов он увидел то, что прозевал, – патрульный автомобиль, припаркованный в тридцати футах позади его заднего бампера, застланный туманом почти до полной невидимости.

Оглянувшись через боковое водительское окно назад, увидел смотрящий на него с расстояния всего пары дюймов ствол дробовика. Луч фонаря брызнул внутрь, озарив интерьер автомобиля резким светом, вспыхнувшим бликами на хроме и стекле.

– Вы, наверно, выжили из своего треклятого умишка!

Шериф Поуп.

Стекло несколько заглушило разъяренный скрежет его голоса.

Итан все еще держал руку на рычаге переключения скоростей, гадая, что будет, если погнать машину вперед, выжав газ до пола, – выстрелит ли Поуп? С такого расстояния с двенадцатым калибром это равносильно обезглавливанию.

– Очень медленно, – проговорил Поуп, – положите обе руки на руль, а затем правой выключите зажигание.

– Вы же знаете, кто я, и должны понимать, что лучше мне не препятствовать, – огрызнулся Итан сквозь стекло. – Я покидаю этот город.

– Черта лысого.

– Я агент правительства Соединенных Штатов, наделенный полнотой…

– Нет, вы субъект без документов, без жетона, только что угнавший автомобиль и, возможно, убивший федерального агента.

– Что вы несете?!

– Повторять не стану, коллега.

Внутренний голос подстрекал Итана подчиниться, нашептывая, что доводить этого человека может быть опасно. Даже фатально.

– Ладно, – уступил Итан. – Только дайте мне секундочку. Зажигание включено напрямую. Мне нужно разомкнуть провода, чтобы отключить его.

Включив салонный свет, Итан сунул руки под рулевую колонку и разделил белые провода.

Свет погас.

Двигатель заглох.

Ничего, кроме болезненного сияния фонаря Поупа.

– Из машины!

Нашарив ручку, Итан вынужден был налечь на дверцу плечом, чтобы распахнуть ее. Выбрался наружу. Сквозь луч света струится туман. Сердитый силуэт Поупа по ту сторону фонаря и дробовика, глаза прячутся под полями его стетсоновской шляпы.

Почуяв ружейное масло, Итан прикинул, что Поуп из тех, кто любовно ухаживает за своим арсеналом.

– Помните, как я велел вам не покидать город? – прорычал шериф.

Итан хотел было ответить, когда луч света вдруг уткнулся в землю, и лишь за долю секунды до столкновения Итан понял, что приближающаяся к нему тень – приклад дробовика.

* * *

Левый глаз Итана заплыл после удара, казался горячим, громадным, и каждый удар пульса отдавался в нем болью. Правым глазом он увидел комнату для допросов. Клаустрофобичную и стерильную. Белые шлакобетонные стены. Бетонный пол. Голый деревянный стол, по ту сторону которого сидит Поуп, без стетсона и пиджака, рукава темно-зеленой рубашки закатаны, обнажив предплечья – толстые, покрытые веснушками и бугрящиеся мускулами.

Итан стер свежий ручеек крови на лице, сочащийся из ссадины над левой бровью, и уставился в пол.

– Не будете любезны дать мне полотенце?

– Нет. Будете сидеть там, истекая кровью и отвечая на мои вопросы.

– Позже, когда все будет позади и вы выйдете из тюрьмы, я приглашу вас к себе домой, полюбоваться на ваш жетон. Он будет висеть в рамке за стеклом над моим камином.

Это вызвало лучезарную улыбку.

– Вы так думаете, а?

– Вы совершили нападение на федерального агента. Это крест на карьере.

– Поведайте мне еще разок, Итан, как именно вам стало известно о трупе в доме шестьсот четыре? Только без этой параши насчет исчезающей барменши.

– О чем это вы?

– О правде.

– Я сказал вам правду.

– В самом деле? Хотите и дальше придерживаться этого курса? Потому что я побывал в этом пабе. – Поуп побарабанил пальцами по крышке стола. – У них в штате даже нет женщины-бармена, и никто не видал вас там четыре дня назад.

– Кто-то лжет.

– Так что я вот все гадаю… зачем вы *на самом деле* явились в Заплутавшие Сосны?

– Я вам сказал.

– Для, – Поуп изобразил пальцами кавычки, – «расследования»?

Итан сделал глубокий вдох, чувствуя гнев, дребезжащий в груди, как песок в выбеленном черепе. Голова снова раскалывалась, и он понимал, что отчасти обязан этим любезности Поупа, травмировавшего ему лицо. Но заодно чувствовал застарелую, знакомую пульсацию в основании черепа, терзавшую его с того самого момента, когда он очнулся у реки, даже не представляя, ни кто он такой, ни где находится. И кое-что еще – огорашивающее дежавю по поводу этого допроса.

– Что-то неладно с этим местом, – сказал Итан, чувствуя собирающуюся в груди черную тучу эмоций – наслоения четырехдневной боли, замешательства и изоляции. – Сегодня вечером я видел свою бывшую напарницу.

– Кого?

– Кейт Хьюсон. Я вам о ней говорил. Только она старше. По меньшей мере лет на двадцать старше, чем была. Как такое возможно? Поведайте мне.

– Оно и невозможно.

– А как мне связаться с кем-либо извне? Почему это нет дороги из города? Это какой-то эксперимент?

– Конечно же, дорога из города есть. Вы хоть представляете, насколько чертовски безумный бред вы несете?

– Что-то с этим местом неладно.

– Нет, что-то неладно с вами. У меня есть идея.

– Что?

– Скажем, я дам вам лист бумаги. Дам время, чтобы записать все, что вы хотите мне сообщить. Пожалуй, отведу вам на это час времени.

Это предложение бросило Итана в холодный пот.

– А может, – продолжал Поуп, – вы ответите на мои вопросы быстрее, если я надену черный капюшон? Или если подвешу вас за запястья и буду резать? Вам нравится, когда вас режут, Итан? – Выудив что-то из кармана, Поуп швырнул предмет ему через стол.

– Так он у вас, – встрепенулся Итан.

Поднял бумажник, распахнул его – удостоверение Секретной службы в прозрачном пластике, но не его.

Жетон выдан на имя Уильяма В. Эванса.

– А где мой? – поинтересовался Итан.

– Ага. Где. Уильям Эванс. Специальный агент. Секретная служба. Региональное отделение Бойсе. Так как же вы там узнали, что это он в брошенном доме?

– Я же вам сказал. Меня направили сюда отыскать его и Кейт Хьюсон.

– А-а, правильно! Я то и дело забываю. Кстати, я звонил вашему агенту Хасслеру в Сиэтл. Он о вас и слыхом не слыхивал.

Итан снова утер кровь с лица и подался на стуле вперед.

– Не знаю, что вы пытаетесь тут провернуть, какую игру вы…

– Согласно моей гипотезе агент Эванс преследовал вас, и наконец настиг у нас, в Заплутавших Соснах. Так что вы убили его и похитили его напарника агента Столлингса, намереваясь бежать из города на их автомобиле. Вот только по пути вас постигла толика невезения, и вы попали в дорожно-транспортное происшествие. Столлингс погиб, а вы получили сильный удар по голове. Может, от этого у вас шарики заскочили за ролики, и когда вы пришли в себя, то действительно поверили, что *вы* и есть этот агент Секретной службы.

– Я знаю, кто я.

– В самом деле? Вы не находите странным, что никто не может найти ваших документов?

– Ага, потому что их намеренно…

– Верно, мы ведь все замешаны в каком-то большом заговоре, – рассмеялся Поуп. – А вам никогда не приходило в голову, что никто не может найти жетон Итана Бёрка потому, что его не существует? Потому что *вас* не существует?

– Вы ненормальный.

– А по-моему, это вы проецируете, коллега. Вы убили агента Эванс, не так ли…

– Нет.

– …вы больной, психопатический безумец. И чем же вы забили его до смерти?

– Пошел в жопу.

– Где орудие убийства, Итан?

– Пошел в жопу.

Итан ощутил, как в нем вспыхивает ярость. Чистая, взрывоопасная ярость.

– Слушайте, – изрек Поуп, – не знаю, то ли вы просто чертовски хороший лжец, то ли действительно верите в эту замысловатую ложь, которую выстроили для себя.

Итан встал.

На подкашивающихся ногах.

Под ложечкой цветком распускалась тошнота.

Кровь струилась по лицу, капая с подбородка в лужицу на бетоне.

– Я ухожу, – заявил Итан, указывая на дверь позади шерифа. – Откройте.

Поуп не шелохнулся. Бросил:

– Валяй, садись на место, пока по-настоящему не пострадал, – с уверенностью человека, который не раз приводил свои угрозы в исполнение и с радостью проделает это снова.

Обогнув стол, Итан мимо шерифа двинулся к двери.

Подергал за ручку.

Заперто.

– Положи свою задницу на место. Мы еще даже не начинали.

– Откройте дверь.

Поуп неспешно поднялся на ноги, вторгаясь в воздушное пространство Итана. Достаточно близко, чтобы почувствовать запах кофе в его дыхании. Увидеть темные пятна у него на зубах. В нем на четыре дюйма и фунтов на сорок больше, чем в Итане.

– Думаешь, я *не могу* усадить тебя, Итан? Что совершить подобное мне не по плечу?

– Это незаконное задержание.

– Ты думаешь не в том направлении, паренек, – ухмыльнулся Поуп. – В этой комнате нет таких вещей, как закон или правительство. Здесь только ты да я. Я – единственная и неповторимая власть в твоем крохотном мирке, чьи пределы ограничены этими стенами. Я мог бы прикончить тебя сию же секунду, если бы хотел.

Итан позволил напряженно вздыбленным плечам расслабиться и поднял обе руки с открытыми ладонями в жесте, который Поуп, как он надеялся, по ошибке примет за почтение и капитуляцию. Отвел голову, опустив подбородок, сказал:

– Ладно, вы правы. Надо продолжить обсуждение…

…и подскочил на носках, словно ступни у него были на пружинах, врезавшись лбом прямо Поупу в нос.

Хрящ хрустнул, а Итан, чувствуя, как кровь хлещет ему на волосы, схватил Поупа за твердокаменные бедра, подымая его силой ног, пока шериф силился захватить шею Итана между бицепсом и предплечьем, но слишком поздно.

Каблуки ботинок Поупа скользнули под ним по крови на полу, как по смазке, и Итан почувствовал, как немалая масса противника взмывает в воздух.

Он вонзил плечо тому в живот, крепко швырнув его на бетон.

Воздух взрывом вырвался из легких Поупа, а Итан сел на шерифа верхом, когда тот отвел правую руку, чтобы ударить основанием ладони.

Крутнув бедрами, Поуп отбросил Итана с такой скоростью, что тот рассек щеку о деревянную ножку стола.

Он барахтался, стараясь подняться среди мельтешения мучительного света, застлавшего взор, но наконец вскарабкавшись на ноги и выпрямившись, увидел, что на секунду запоздал.

Итан мог бы парировать сокрушительный удар, будь у него ясная голова и рефлексы наготове, но в нынешнем состоянии он реагировал вдвое медленнее.

От силы удара голова Итана развернулась достаточно далеко, чтобы почувствовать, как в грудном отделе позвоночника хрустнуло.

Оглушенный, он распростерся навзничь на поверхности деревянного стола, глядя вверх единственным зрячим глазом, как обезумевший шериф, чей сломанный нос расплескался по лицу, будто только что взорвался, обрушивает новый удар.

Вскинул руки в стремлении защитить лицо, но кулак шерифа, запросто пробив их барьер, сокрушил Итану нос.

Слезы хлынули из глаз, кровь заполнила Итану рот.

– *Кто ты такой?!* – взревел шериф.

Итан не смог бы ответить, даже если бы хотел, сознание ускользало от него, и он видел лишь, как комната для допросов закружилась, накладываясь на стоп-кадр другой…

Он снова в той комнатушке с бурыми стенами и земляным полом в голанских трущобах, смотрит на голую лампочку, раскачивающуюся у него над головой, а Аашиф разглядывает его из-под черного платка, оставляющего открытыми лишь пару карих злобных глаз и ухмыляющийся рот, полный зубов – слишком белых и безупречных, чтобы быть продуктом этого ближневосточного, захолустного нужника четвертого мира.

Итан болтается, подвешенный за запястья на цепи, прибитой к потолку, и ноги его дотягиваются до пола ровно настолько, чтобы снять перекрывающее кровоток давление опорой на кончики больших пальцев ног. Но выдержать это ему удается лишь по десять секунд за раз, прежде чем фаланги подламываются под его весом. Когда они в конце концов совсем сломаются, ему уже никак не восстановить доступ крови к кистям рук.

Аашиф стоит в каких-то дюймах от лица Итана, чуть ли не соприкасаясь с ним носами.

– Давай-ка попробуем вопрос, на который ты вроде бы должен ответить без проблем... из какой ты части Америки, старший уорент-офицер Итан Бёрк? – спрашивает тот на безупречном английском с британским акцентом.

– Вашингтон.

– Твоя столица?

– Нет, штат.

– А-а. У тебя есть дети?

– Нет.

– Но ты женат.

– Да.

– Как зовут твою жену?

Итан не отвечает, только подбирается перед очередным ударом.

Аашиф улыбается.

– Расслабься. Покамест больше никаких ударов. Ты знаком с выражением «смерть от тысячи порезов»? – Аашиф поднимает блеснувшую под лампой опасную бритву. – Оно происходит от китайского метода казни, запрещенного в тысяча девятьсот пятом, называвшегося линчи, что переводится как «медленная резка» или «затянутая смерть».

Аашиф жестом указывает на дипломат, лежащий на соседнем столе, выстеленный плотным черным поролоном, на котором покоится устрашающая коллекция режущих инструментов, которую Итан последние два часа старается игнорировать.

Поуп стукнул Итана снова, и вместе с запахом собственной крови удар разбередил воспоминание о старой, протухшей крови на полу этой пыточной камеры в Фаллудже…

– Сейчас тебя отведут в комнату, дадут перо, лист бумаги и один час. Ты знаешь, чего я хочу, – говорит Аашиф.

– Не знаю.

Аашиф бьет Итана под дых.

Поуп ударил Итана в лицо.

– Мне уже начинает надоедать тебя лупить. Ты знаешь, чего я хочу. Как ты можешь не знать? Я спрашивал тебя уже двадцать раз. Скажи мне, что знаешь. Просто скажи мне это.

– Кто ты такой?! – орал Поуп.

– Знаю, – сипит Итан, ловя воздух ртом.

– Один час – и если то, что ты напишешь, не осчастливит меня, ты умрешь от линчи.

Аашиф извлекает из своей черной дишдаши полароидный снимок.

Итан зажмуривает глаза, но открывает их снова, когда Аашиф говорит:

– Посмотри на это, или я отрежу тебе веки.

Это фото человека в этой же самой комнате, тоже подвешенного к потолку за запястья.

Американец. Наверно, солдат, хотя наверняка не скажешь.

За три месяца боев Итан еще ни разу не видел увечий, хоть отдаленно приближающихся к подобному.

– Твой соотечественник на этой фотографии еще жив, – говорит его палач с нотками гордости в голосе.

Итан пытается открыть глаза, чтобы увидеть Поупа. Чувствует, что балансирует на грани обморока, и жаждет его – и ради облегчения нынешней боли, но куда более – чтобы отгородиться от вызванного рассудком отчетливого образа Аашифа и той пыточной камеры.

– Следующий, кто будет висеть под этим потолком, увидит такой же полароид с тобой, – вещает Аашиф. – Ты понимаешь? У меня есть твое имя. У меня также есть веб-сайт. Я выложу фотки того, что делаю с тобой, чтобы весь мир видел. Может, твоя жена тоже их увидит. Ты напишешь все, что я хочу знать, все, что ты пока что держишь при себе.

– Кто ты такой? – спросил Поуп.

Итан позволил рукам упасть вдоль тела.

– Кто ты такой?

Он больше даже не пытался обороняться, думая: «*Какая-то часть меня никогда не покидала эту комнату в Фаллудже, смердевшую тухлой кровью*».

Желая, чтобы Поуп уже добил его, милосердно погрузив в беспамятство, прикончив давние воспоминания, прикончив его нынешние мучения.

Две секунды спустя он пришел – удар в подбородок, полыхнувший перед глазами белым жарким светом, будто сработавшая фотовспышка.

Глава 06

Загруженная посудомоечная машина натужно стонала, проводя мойку, а Тереза, давным-давно перевалившая за точку полнейшего изнеможения, стояла у раковины, вытирая последнее блюдо. Убрала его в буфет, повесила полотенце на дверцу холодильника и включила свет.

Пробираясь через темную гостиную к лестнице, ощутила, как на нее наваливается нечто куда худшее, чем эмоциональные последствия этого долгого-долгого дня.

Всепоглощающая пустота.

Через несколько коротких часов взойдет солнце, и во многих отношениях это будет первое утро остальной ее жизни без него. Этот последний день был ради прощания, ради того, чтобы наскрести те крохи душевного покоя, которые удастся отыскать в мире без Итана. Их общие друзья оплакали его, им наверняка всегда будет его недоставать, но они пойдут дальше – уже пошли дальше – и неизбежно забудут его.

Она никак не могла отделаться от ощущения, что начиная с завтрашнего дня останется в одиночестве.

Со своим горем.

Со своей любовью.

Со своей утратой.

И было в этой мысли что-то столь сокрушительно одинокое, что Терезе пришлось остановиться у основания лестницы, положить ладонь на перила и перевести дыхание.

Стук напугал ее, подстегнул пульс.

Повернувшись, Тереза уставилась на дверь. В голове пронеслось, что звук ей мог просто почудиться.

Сейчас 4.50 утра.

Что может кому-либо понадобиться…

Снова стук. Настоятельнее, чем прежде.

Тереза босиком пересекла прихожую и приподнялась на цыпочки, чтобы поглядеть через глазок.

Под светом фонаря на крыльце увидела на веранде мужчину под зонтиком.

Невысокий. Совершенно лысый. Лицо – невыразительная тень под каплющим навесом. Одет в черный костюм, от которого дыхание у нее перехватило, – федеральный агент с новостями об Итане? Какие еще причины могут заставить человека стучаться к ней в дверь в подобный час?

Но галстук совершенно неподходящий.

Броский, в сине-белую полоску – чересчур стильный и шикарный для федерала.

Через глазок она увидела, как пришелец протянул руку и постучал еще раз.

– Миссис Бёрк, – сказал он. – Я знаю, что не разбудил вас. Я видел вас у кухонной раковины всего пару минут назад.

– Чего вы хотите? – осведомилась она через дверь.

– Мне надо с вами поговорить.

– О чем?

– О вашем муже.

Она зажмурилась, открыла глаза снова.

Человек все там же, и сна у нее ни в одном глазу.

– А что о нем? – спросила.

– Было бы проще, если бы мы могли сесть лицом к лицу и поговорить.

– Сейчас ночь-полночь, а я даже не представляю, кто вы такой. Я ни за что не пущу вас в дом.

– Вам стоит услышать то, что я хочу сказать.

– Скажите через дверь.

– Не могу.

– Тогда возвращайтесь утром. Тогда я с вами поговорю.

– Если я уйду, миссис Бёрк, вы больше меня не увидите, и уж поверьте, это станет трагедией для вас с Беном. Клянусь… Я не собираюсь причинять вам вред.

– Убирайтесь от моего дома, или я звоню в полицию.

Сунув руку под пальто, мужчина достал полароидный снимок.

И когда поднес к глазку, Тереза ощутила, как внутри что-то оборвалось.

На фото Итан лежал обнаженный на стальном операционном столе под больничным голубоватым светом. Левая сторона тела обратилась в сплошной кровоподтек, не поймешь даже, жив он или мертв. Не успела Тереза сообразить, что творит, как ее рука уже протянулась к цепочке и повернула щеколду замка.

Тереза распахнула дверь, а мужчина закрыл зонтик и прислонил его к стене. У него за спиной холодный неустанный дождь застлал звуки спящего города пеленой белого шума. Несколькими домами дальше припаркован «Мерседес Спринтер» темного цвета. На всей улице ни канализационных люков, ни силовых щитов. Может быть, это его фургон.

– Дэвид Пилчер, – представился мужчина, протягивая руку.

– Что вы с ним сделали? – спросила Тереза, игнорируя протянутую руку. – Он мертв?

– Можно войти?

Тереза освободила дверной проем, и Пилчер переступил порог. На его черных туфлях блестели бусинки дождевых капель.

– Я могу их снять, – указал он на туфли.

– Не стоит утруждаться.

Тереза провела его в гостиную, где они сели друг напротив друга – она на диван, а Пилчер на деревянный стул с прямой спинкой, который она приволокла от обеденного стола в столовой.

– Вы нынче вечером задавали прием? – полюбопытствовал он.

– Празднество в ознаменование жизни моего мужа.

– Звучит очаровательно.

Внезапно на Терезу навалилась безмерная усталость, свет лампы над головой стал почти несносен для сетчатки.

– Откуда у вас фотография моего мужа, мистер Пилчер?

– Это неважно.

– Для меня важно.

– А что, если я скажу вам, что ваш муж жив?

Добрых десять секунд Тереза даже вздохнуть боялась.

Слышался шум посудомойки, стук дождя по кровле, ее колотящегося сердца, но ничего более.

– Кто вы? – спросила.

– Это неважно.

– Тогда как же мне доверять…

Он поднял ладонь, чуть прищурив свои черные глаза.

– Сейчас лучше просто послушайте.

– Вы работаете на правительство?

– Нет, но опять же, я здесь принципиальной роли не играю. Важно то, что я должен вам преподнести.

– Итан жив?

– Да.

Горло перехватило, но Тереза удержала себя в руках.

– Где он? – лишь шепотом сумела выдохнуть она.

Пилчер покачал головой.

– Я мог бы, сидя здесь, поведать вам все-все, но вы бы мне не поверили.

– Откуда вам знать?

– По опыту.

– Так вы мне не скажете, где мой муж?

– Нет, и если спросите меня снова, я встану, выйду за дверь, и больше вы никогда меня не увидите, а значит, больше никогда не увидите и Итана.

– Он пострадал? – Тереза чувствовала, как эмоции, сбитые в тугой ком позади грудины, понемногу идут на спад.

– Он в полном порядке.

– Вам нужны деньги? Я могу…

– Итан вовсе не похищен ради выкупа. Это не имеет ни малейшего отношения к деньгам, Тереза. – Пилчер резко подался вперед, сидя на самом краешке стула и глядя на нее пронзительными черными глазами, пристальный взор которых выдавал таящийся за ними мощный интеллект. – Я распространяю на вас и вашего сына одноразовое предложение.

Сунув руку во внутренний карман своего пальто, Пилчер бережно извлек пару полудюймовых стеклянных флакончиков с прозрачной жидкостью, заткнутых микроскопическими пробочками, и поставил их на журнальный столик.

– Что это? – спросила Тереза.

– Воссоединение.

– Воссоединение?

– С вашим мужем.

– Это шутка…

– Нет, вовсе нет.

– Кто вы такой?

– Мое имя – единственное, что я могу вам сообщить.

– Что ж, оно мне ни о чем не говорит. И вы ожидаете, чтобы я – что? – выпила это, только чтобы поглядеть, что произойдет?

– Вы вполне можете отказаться, Тереза.

– Что в этих флаконах?

– Мощное седативное средство краткосрочного действия.

– И придя в себя, я чудом воссоединюсь с Итаном?

– Все обстоит несколько сложнее, но вообще говоря, да.

Повернув голову, Пилчер бросил взгляд на окна фасада, а затем снова сфокусировал взгляд на Терезе.

– Скоро рассветет, – сказал он. – Мне нужен ваш ответ.

Сняв очки, женщина потерла глаза.

– Я не в состоянии принять подобное решение.

– Но должны.

Опершись ладонями о колени, Тереза медленно поднялась на ноги.

– Это может быть ядом, – указала она на столик.

– С чего вы взяли, что я хотел бы причинить вам вред?

– Понятия не имею. Может, Итан во что-то впутался.

– Если бы я хотел убить вас, Тереза… – Он прикусил язык. – Вы производите на меня впечатление человека, умеющего читать по глазам. Что вам подсказывает нутро? Что я лгу?

Подойдя к каминной доске, Тереза остановилась там, разглядывая семейный портрет, сделанный в прошлом году – Итан и Бен в белых рубашках поло, она в белом летнем платье, кожа у всех отфотошоплена до безупречности, а черты проступают под студийным светом очень отчетливо. В то время они подсмеивались над тем, насколько слащавым и постановочным получился снимок, но теперь, в предрассветном безмолвии гостиной, перед лицом шанса увидеться с ним снова, при виде фотографии всех троих под горло у нее подкатил ком.

– То, что вы делаете, – промолвила она, не сводя глаз с мужа, – если это липа… ничего более жестокого не придумаешь. Предложить горюющей вдове шанс увидеться с мужем снова…

Она поглядела на Пилчера и спросила:

– Это реально?

– Да.

– Я хочу вам верить, – призналась она.

– Знаю.

– Просто отчаянно хочу.

– Я понимаю, что это прыжок в неизвестность, требующий безоглядной веры, – заметил он.

– И из всех ночей, – проронила она, – вы выбрали именно эту. Когда я устала, пьяна и через край полна мыслями о нем. Я бы сказала, это не случайно.

Протянув руку, Пилчер взял один из флакончиков.

Приподнял.

Тереза смотрела на него.

Набрала воздуха в грудь, выдохнула.

И зашагала через гостиную к лестнице.

– Куда вы? – поднял голову Пилчер.

– Забрать сына.

– Значит, вы это сделаете? Пойдете со мной?

Остановившись у основания лестницы, Тереза оглянулась на Пилчера через гостиную.

– Если я это сделаю, – проговорила она, – сможем ли мы вернуть прежнюю жизнь?

– Что вы имеете в виду под «прежней жизнью»? – вопросил Пилчер. – Этот дом? Этот город? Своих друзей?

Тереза кивнула.

– Если вы с Беном решите отправиться со мной, ничто и никогда уже не будет по-прежнему. Этого дома вы больше не увидите. Так что в этом смысле – нет.

– Но я буду с Итаном. Наша семья будет вместе.

– Да.

Тереза двинулась вверх по лестнице разбудить сына. Может, дело в изнеможении, может, в чувствах, но все казалось совершенно ирреальным. Словно воздух пропитан электричеством. В закоулках сознания внутренний голос криком кричал, что она дура. Что ни один человек в здравом рассудке даже рассматривать не станет подобное предложение. Но пока Тереза достигла второго этажа и двинулась по коридору к комнате Бена, то уже признала, что рассудок покинул ее, что ее действия не опираются ни на логику, ни на здравый смысл. Она сломлена и одинока, а сверх всего так тоскует по мужу, что даже сомнительная возможность жить с ним – воссоединить семью – заслуживает того, чтобы списать все остальное со счетов.

Присев на кровать Бена, Тереза потрясла его за плечо.

Мальчик пошевелился.

– Бен, – сказала она. – Проснись.

Зевнув, он потер глаза. Тереза помогла ему сесть.

– Еще темно, – заметил сын.

– Знаю. У меня для тебя сюрприз.

– Правда?

– Внизу сидит человек. Его зовут мистер Пилчер. Он доставит нас к папе.

В мягком свете ночника, стоящего у кровати, она увидела, как лицо Бена просияло.

Ее слова озарили его, как яркий луч солнца, туман сонливости быстро растаял, взгляд стал бодрым и живым.

– Папа жив? – спросил он.

Она даже сама не знала, верит ли в это до конца.

Как там выразился Пилчер?

Прыжок в неизвестность.

– Да. Папа жив. Пойдем. Тебе нужно одеться.

* * *

Тереза с Беном сели напротив Пилчера.

Улыбнувшись мальчику, тот протянул руку и

сказал:

– Меня зовут Дэвид. А тебя?

– Бен.

Они обменялись рукопожатием.

– Сколько тебе лет, Бен?

– Семь.

– О, очень хорошо. Мама объяснила тебе, зачем я здесь?

– Она сказала, что вы отвезете нас к моему папе.

– Совершенно верно. – Взяв крохотные флакончики, Пилчер протянул их Терезе. – Пора. Вытаскивайте пробки. Бояться вам нечего, вам обоим. Потребуется сорок пять секунд с момента, когда вы это проглотите. Эффект будет внезапным, но ничего неприятного. Дайте Бену флакон с меньшей дозой, а потом примите свою.

Защипнув пробки ногтями, Тереза раскупорила оба пузырька.

В воздух вырвался сильный, незнакомый химический запах.

Он-то и придал всему происходящему ощущение реальности, вышиб ее из состояния изнеможения, руководившего ее действиями последние несколько часов.

– Погодите, – встрепенулась Тереза.

– Что-то не так? – спросил Пилчер.

Каким местом она думала, черт возьми? Итан убил бы ее за такое. Если бы речь шла только о ней, еще куда ни шло, но рисковать сыном?!

– В чем дело, мама?

– Мы не будем этого делать, – отрезала она, втыкая пробки обратно и ставя флакончики обратно на журнальный столик.

Пилчер воззрился на нее через столик.

– Вы в этом абсолютно уверены?

– Да. Я… я просто не могу.

– Понимаю. – Пилчер забрал флаконы.

Когда он встал, Тереза поглядела на Бена. В глазах мальчика заискрились слезы.

– Ступай в постель.

– Но я хочу увидеть папу!

– Поговорим об этом после. Ступай. – Тереза снова обернулась к Пилчеру: – Прошу проще…

Слова застряли у нее в горле.

Пилчер прижал к лицу прозрачную кислородную маску с тонкой трубочкой, уходящей под пиджак. В другой руке он держал аэрозольный баллончик.

– Не надо, умоляю… – вскрикнула Тереза.

Из сопла вырвалось облако мельчайшего тумана.

Она попыталась задержать дыхание, но уже ощутила на кончике языка вкус жидкого металла с оттенком сладости. Туман лип к коже. Тереза чувствовала, как поры впитывают его. Он был во рту – куда холоднее комнатной температуры, будто ручеек жидкого азота, льющийся прямо в горло.

Охватив Бена руками, она попыталась встать, но ног уже не было.

Посудомоечная машина остановилась, и в доме воцарилась абсолютная тишина, не считая барабанящего по крыше дождя.

– Вы послужите настолько высокой цели, что даже и помыслить о такой не могли, – заявил Пилчер.

Тереза пыталась спросить, что он имеет в виду, но рот ее словно обратился в ледышку.

Цвета будто утекли из комнаты – все распадалось до различных оттенков серого – и теперь Тереза ощутила непреодолимую тяжесть, навалившуюся на веки.

Тельце Бена уже обмякло, его туловище простерлось у нее на коленях, и Тереза поглядела на Пилчера, теперь улыбнувшегося ей сквозь кислородную маску и померкшего вместе со всеми остальным, погрузившись во тьму.

Вытащив из пальто рацию, Пилчер проговорил в микрофон:

– Арнольд, Пэм, я вас жду.

Глава 07

– Итан, мне нужно, чтобы вы расслабились. Вы меня слышите? Перестаньте сопротивляться.

Сквозь туман Итан различил голос – психиатр.

Он тужился открыть глаза, но все усилия дали лишь щелочки света.

Дженкинс взирал на него сквозь свои очки в металлической оправе, и Итан снова попытался шевельнуть руками, но они были то ли сломаны, то ли связаны.

– Ваши запястья прикованы к перилам вашей кровати, – сообщил Дженкинс. – Приказ шерифа. Не тревожьтесь, но у вас тяжелый диссоциативный эпизод.

Итан открыл рот, тотчас же ощутив сухость языка и губ, будто обожженных жаром пустыни.

– Что это означает? – спросил.

– Это означает, что у вас распад памяти, сознания и даже личности. Реальную озабоченность тут вызывает то, что повлечь это могла автомобильная катастрофа, и эти симптомы являются следствием кровоизлияния в мозг. Вас готовятся везти на операцию. Вы понимаете, что я говорю?

– Я не согласен, – проговорил Итан.

– Простите?

– Я не даю согласия на операцию. Я хочу, чтобы меня доставили в больницу в Бойсе.

– Это слишком рискованно. Вы можете умереть по дороге туда.

– Я хочу убраться из этого города сию же секунду.

Дженкинс исчез.

Сверху в лицо Итану бил ослепительный свет.

– Сестра, успокойте его, пожалуйста, – донесся голос Дженкинса.

– Этим?

– Нет, тем.

– Я не сумасшедший, – произнес Итан.

Он почувствовал, как Дженкинс похлопывает его по руке.

– Никто и не говорит, что вы сумасшедший. Просто у вас рассудок разладился, и нам нужно его поправить.

В поле зрения Итана появилась склонившаяся медсестра Пэм.

Красивая, улыбающаяся. И было в ее присутствии нечто утешительное, хотя, может быть, дело в банально знакомом лице, но Итан все равно уцепился за это чувство.

– Боже мой, мистер Бёрк, выглядите вы просто ужасно. Ну-ка, давайте-ка мы постараемся, чтобы вам было капельку получше, ладушки?

Игла была просто-таки циклопическая, большей Итан еще не видел, и с конца ее падали серебристые капельки лекарства, содержащегося в шприце.

– Что там? – спросил Итан.

– Просто такое средство, чтобы укрепить наши расшалившиеся нервишки.

– Не хочу.

– Теперь лежите тихонечко.

Она постучала по медиальной подкожной вене на внутренней стороне его правой руки, а Итан напружинился так, что пальцы от стальных браслетов онемели.

– Я *не* хочу.

Медсестра Пэм подняла глаза, а потом склонилась настолько близко к лицу Итана, что он ощущал кончики ее ресниц, когда она моргала. Почуял ее помаду и с близкого расстояния разглядел чистую изумрудную ясность ее глаз.

– Лежите тихонечко, мистер Бёрк, – улыбнулась она, – или я вгоню эту херовину прямо вам до кости.

Похолодев от этих слов, Итан принялся извиваться еще энергичнее под лязг цепочек наручников о перила.

– Даже не прикасайтесь ко мне, – яростно просипел он.

– А, значит, вы не хотите так играть? – спросила медсестра. – Ладушки.

Все с той же лучезарной улыбкой она перехватила шприц, теперь держа его, как нож, и не успел Итан сообразить, что она затевает, вонзила иглу сбоку в его большую ягодичную мышцу, погрузив ее по самый шприц.

Оставив по себе неутихающую пронзительную боль, медсестра неспешно подошла через палату к психиатру.

– Не попали в вену? – поинтересовался Дженкинс.

– Слишком много дергался.

– И через сколько же он отключится?

– Минут через пятнадцать от силы. Операционная для него готова?

– Ага, везите его. – Уже пятясь к двери, Дженкинс адресовал свою последнюю реплику Итану: – Я наведаюсь для осмотра, когда вас закончат резать и сшивать. Удачи, Итан. Мы вас поставим на ноги.

– Я не согласен, – бросил Итан, вложив в это всю силу, какую смог собрать, но Дженкинс уже вышел из палаты.

Через заплывшие глаза Итан следил за перемещением медсестры Пэм к изголовью его каталки. Она ухватилась за перила, и каталка пришла в движение; одно из передних колесиков со скрипом завихлялось по линолеуму.

– Почему вы не уважаете мою волю? – Итан старательно контролировал голос, решив испробовать более деликатный подход.

Не отвечая, она просто покатила его дальше – из палаты в коридор, все такой же пустынный и тихий, как и прежде.

Увидев приближение поста медсестры, Итан приподнял голову.

Все без исключения попадавшиеся по пути двери были закрыты, ни лучика света не пробивалось ни из-под одной.

– На этом этаже больше никого, так ведь? – спросил Итан.

Медсестра насвистывала мотивчик под ритм скрипучего колесика.

– Зачем вы так со мной? – спросил он, и в его голосе прозвучала отнюдь не фальшивая нотка отчаяния, исходившая прямо из родника ужаса, забившего в районе солнечного сплетения с силой, нарастающей что ни миг.

Посмотрел на нее – под странным углом из своего лежачего положения видя нижнюю сторону ее подбородка, губы, нос, мелькающие мимо потолочные панели и длинные люминесцентные лампы.

– Пэм, – проговорил он. – Пожалуйста. Поговори со мной. Растолкуй мне, что происходит.

Она не удостоила его даже взглядом.

Миновав пост медсестры, Пэм отпустила каталку, позволив ей проехать по инерции еще немного и остановиться, и подошла к двустворчатым дверям в торце коридора.

Итан бросил взгляд на табличку над ними.

ОПЕРАЦИОННАЯ

Одна из створок распахнулась, и оттуда вышел мужчина в синем хирургическом костюме с уже натянутыми на руки латексными перчатками.

Маска на лице скрывала все черты, кроме пары спокойных, проницательных глаз, цветом почти идеально соответствующих костюму.

– Почему он еще бодрствует? – тихим, спокойным голосом спросил он у медсестры.

– Слишком сопротивлялся. Не могла попасть в вену.

Хирург бросил взгляд на Итана.

– Ладно, оставьте его здесь, пока не отключится. Сколько это еще займет, как по-вашему?

– Десять минут.

Коротко кивнув, он направился обратно в операционную, толкнув дверь плечом, всей фигурой выражая агрессию и злость.

– Эй! – окликнул его Итан. – Я хочу с вами поговорить!

Через несколько секунд двери распахнулись, и взору Итана открылась вся операционная целиком…

Операционный стол в центре комнаты в окружении больших, ярких ламп.

Рядом металлическая тележка на колесиках с целым арсеналом хирургических инструментов.

Все чистое, сверкающее, аккуратно выложенное на стерильную салфетку.

Скальпели всех размеров.

Пилы для костей.

Щипцы и пинцеты.

Инструменты, названий которых Итан не знал, но напоминающие электроинструмент.

За секунду до того, как створки сомкнулись снова, он увидел, как хирург, остановившись перед тележкой, извлек из чехла дрель. Поглядев на Итана, нажал несколько раз на спуск дрели, наполняя операционную ее тонким визгом.

Грудь Итана под больничной сорочкой порывисто вздымалась, он почувствовал, как участившийся пульс ухает бас-барабаном. Оглянувшись на пост медсестры, заметил, как Пэм скрывается за углом.

На миг он остался в коридоре один.

Ни звука, кроме лязга скальпелей и медицинского оборудования по ту сторону двустворчатых дверей. Утихающая поступь медсестры. Гул люминесцентной лампы прямо над ним.

Безумная мысль – а что, если он *и вправду* сумасшедший? Что, если хирург в этой операционной вскроет его и действительно поправит? Исчезнет ли все это тогда? Утратит ли он эту личность? Станет ли другим человеком в мире, где его жены и сына даже не существует?

Он исхитрился сесть.

В голове гудело, она шла кругом, став большой и неповоротливой, но это вполне могло быть следствием побоев от рук шерифа Поупа.

Итан поглядел на запястья обеих рук, прикованные наручниками к металлическим перилам каталки.

Подергал браслеты, цепочки натянулись, кисти рук посинели.

Мука мученическая.

Он ослабил напряжение и дернулся назад достаточно сильно, чтобы сталь браслетов впилась в запястья. На левом наручник рассек кожу, забрызгав простыню кровью.

Ноги свободны.

Перебросив правую через боковые перила, он напрягся изо всех сил, стремясь дотянуться до стены, но не достал на целых три дюйма.

Откинувшись обратно на каталку, Итан холодным, пристальным взором впервые поглядел на то, в какой глубокой и темной жопе оказался – накачан наркотиками, скован, и его вот-вот покатят в операционную, где сотворят с ним бог знает что.

Он вынужден был признать, что когда в последний раз очнулся в больнице и беседовал с доктором Дженкинсом, то прошел через полосу неуверенности в себе, недоумения, страха, что, быть может, действительно получил какую-то травму, сказавшуюся на нем неврологически.

Исказившую его восприятие людей, пространства и времени.

Потому что все происходящее в Заплутавших Соснах – полнейшая бессмыслица.

Но эти последние несколько минут – социопатическое поведение медсестры Пэм, их нежелание внять его отказу от хирургического вмешательства – стали подтверждением: он в полном порядке, если закрыть глаза на тот факт, что жители этого городишки хотят причинить ему вред.

Он уже пережил немало страха, ностальгии и безысходности с момента прибытия в Заплутавшие Сосны, но сейчас рухнул на дно бездны полнейшего отчаяния.

Вполне может быть, по ту сторону этих дверей его подстерегает смерть.

Больше никогда не увидеть Терезу. Никогда не увидеть сына.

Одной лишь возможности подобного было достаточно, чтобы слезы навернулись на глаза, потому что он их подвел. Подвел их обоих в очень многих отношениях.

Своим физическим отсутствием. Своим эмоциональным отсутствием.

Подобная степень ужаса и раскаяния до сих пор коснулась его лишь однажды в жизни – Аашиф и голанские трущобы.

Линчи.

Теперь страх начал пожирать его целиком, притупляя способность перерабатывать информацию и адекватно реагировать.

А может, дело в наркотике, наконец-то прорвавшемся через гематоэнцефалический барьер и захватившем контроль?

Он думал: «*Боже, только бы не сломаться сейчас. Надо сохранить контроль*».

Услышал скрежещущий визг дверей лифта, открывающихся позади него, затем приближение мягких, быстрых шагов.

Попытался вывернуть шею, чтобы увидеть подходящего, но когда это удалось, каталка уже пришла в движение – кто-то катил его назад, к лифту.

Он уставился на красивое, знакомое лицо, и выпуклые скулы тотчас воспламенили искорку узнавания. В его нынешнем состоянии потребовалось добрых пять секунд, чтобы опознать в ней пропавшую барменшу из паба.

Докатив его до кабины лифта, она не без труда загнала каталку внутрь.

Надавила одну из кнопок.

Лицо ее осунулось и побледнело, с надетого на ней темно-синего пончо на пол капала вода.

– Давай же, давай. – Она все давила пальцем на горящую кнопку B.

– Я вас знаю, – проговорил Итан, но все никак не мог припомнить ее имени.

– Беверли. – Она улыбнулась, но явно была вся на нервах. – Так и не получила обещанные громадные чаевые. Господи, вид у вас ужасный.

Двери начали закрываться – очередной длинный, стенающий вереск, хуже, чем железом по стеклу.

– Что со мной происходит? – спросил он, пока шкивы тужились опустить кабину.

– Вас пытаются повредить в уме.

– Зачем?

Приподняв пончо, она выудила из заднего кармана джинсов ключ от наручников.

Пальцы ее дрожали.

Потребовалось три попытки, прежде чем она в конце концов попала ключом в скважину.

– Зачем? – повторил Итан.

– Поговорим об этом, когда будем в безопасности.

Браслет со щелчком открылся.

Сев, Итан выхватил ключ у нее из руки, взялся за второй.

Лифт ползком тащился от четвертого этажа к третьему.

– Если он остановится и кто-нибудь войдет, будем драться. Вы поняли? – спросила Беверли.

Итан кивнул.

– Мы ни в коем случае не можем позволить им забрать вас в эту операционную.

Второй браслет отскочил, и Итан слез с каталки. Чувствуя себя на ногах довольно твердо, ни малейших признаков воздействия наркотика.

– Бежать сдюжите?

– Мне только что что-то вкололи. Большое расстояние покрыть не смогу.

– Блин.

Звонок над дверьми лифта дилинькнул.

Третий этаж.

Спуск продолжился.

– Когда? – уточнила Беверли.

– Пять минут назад. Но инъекция внутримышечная, а не внутривенная.

– Какое средство?

– Не знаю, но слышал, как говорили, что я впаду в беспамятство через десять минут. Ну… теперь скорее восемь или девять.

Кабина дотащилась до вестибюля и продолжила нисхождение.

– Когда дверь откроется, – проговорила Беверли, – сразу налево, до конца коридора. Там в конце дверь, которая выведет нас на улицу.

Лифт конвульсивно остановился.

Долгое мгновение двери не шевелились.

Итан перенес вес на носки, готовясь вынестись в коридор, если их кто-то поджидает. Адреналин наэлектризовал организм бодростью, как всегда перед самым боевым вылетом, когда уже раскручивались винты.

Дверь со скрипом приоткрылась на дюйм, заклинилась на десять секунд, а затем медленно проскрежетала до конца.

– Погодите, – шепнула Беверли. Переступив порог, осторожно выглянула. – Чисто!

Итан вслед за ней вышел в длинный пустой коридор.

Коридор с выложенным из линолеумной плитки шахматным узором протянулся по меньшей мере на полторы сотни футов до двери в дальнем конце – чистенький, без единого пятнышка, тихо сияющий под резким светом люминесцентных ламп.

Хлопок двери вдалеке заставил их застыть как вкопанных.

Послышались шаги, хотя, сколько человек приближается, на слух не скажешь.

– Идут вниз по лестнице, – шепнула Беверли. – Пошли!

Она повернулась и побежала в противоположном направлении, Итан – за ней, пытаясь не слишком громко шлепать босыми ногами по линолеуму и кряхтя от надрывной муки – наверное, в изувеченных ребрах.

Они уже были у пустующего поста медсестры, когда дверь позади них в дальнем конце коридора с грохотом распахнулась.

Беверли поддала ходу, повернув и рванув по одному из поперечных коридоров, Итан тщился поспеть за ней, рискнув на бегу искоса оглянуться, но оказался за углом слишком быстро, чтобы что-либо разглядеть.

Это крыло пустовало и было вполовину короче.

На полпути Беверли остановилась и открыла дверь слева. Попыталась направить туда Итана, но он, тряхнув головой, наклонился и что-то прошептал Беверли на ухо.

Кивнув, она бросилась в комнату, закрыв за собой дверь.

Итан же подошел к двери с противоположной стороны коридора.

Ручка повернулась. Он ступил внутрь.

Пустая комната была погружена во тьму и вроде бы имела ту же планировку, что и его палата на четвертом этаже, как представлялось в полоске света, падающего из коридора.

Он закрыл дверь как можно тише и свернул в ванную.

Шарил во тьме, пока палец не нащупал выключатель.

Зажег свет.

На вешалке рядом с душем висело полотенце для рук. Итан схватил его, обернул вокруг кисти и встал перед зеркалом.

Замахнулся.

У тебя тридцать секунд, а то и меньше.

Но собственное отражение выбило его из колеи.

О, боже! Он знал, что дело скверно, но чтобы настолько… Поуп превратил его в отбивную – верхняя губа раздулась вдвое, распухший до гигантских размеров нос побагровел, как гнилая клубничина, рассеченную щеку скрепили штук двадцать стежков, а уж глаза…

Просто чудо, что он вообще способен видеть. Черно-лиловые кровоподтеки окружили глаза складками вздувшейся кожи, будто его терзает почти летальная аллергическая реакция.

Некогда на этом зацикливаться.

Итан ударил по нижнему правому углу зеркала и тут же прижал замотанный в полотенце кулак к разбитому стеклу, чтобы то не вывалилось сразу же.

Он нанес безупречный удар – минимальные повреждения, большие трещины. Быстро вытаскивал куски свободной рукой, выкладывая их на раковине, и выбрал самый крупный.

Затем размотал правую руку, погасил свет и ощупью нашел дорогу обратно в спальню.

Ничего не видно, кроме бритвенно-тонкой полоски света под дверью.

Прокравшись вперед, он прижался к ней ухом.

Звук был слабый, но достаточно отчетливый: далекий шум открывающихся и закрывающихся дверей.

Проверяют комнату за комнатой, и хлопки звучат достаточно далеко – наверное, они все еще в главном коридоре.

Итан уповал, что не заблуждается на сей счет.

Интересно, открыты ли до сих пор двери лифта. Если преследователи увидят кабину здесь, то наверняка заключат, что он бежал в цокольный этаж. Им с Беверли следовало отправить лифт обратно на четвертый этаж, но теперь уж этот недосмотр не поправишь.

Опустив руку, он нашарил дверную ручку и ухватился за нее.

Медленно поворачивая ручку, постарался успокоить дыхание, загнать свою ЧСС[14] обратно в диапазон, где не приходится балансировать на грани беспамятства.

Когда щеколда вышла из запорной планки, Итан предельно бережно потянул.

Дверь приоткрылась на два дюйма; петли милосердно не издали ни звука.

Длинный треугольник света упал на шахматный линолеум под его босыми ногами.

Хлопки дверей стали громче.

Держа в руке осколок зеркала, он просунул его между дверью и притолокой, понемногу выдвигая все дальше, миллиметр за миллиметром, пока оно не показало отражение коридора позади него.

Пусто.

Захлопнулась очередная дверь.

Между хлопками слышались лишь шаги ног в туфлях на резиновой подошве, и больше ничего. Одна из люминесцентных ламп поблизости была неисправна и время от времени начинала мигать, попеременно погружая коридор во тьму и озаряя вспышками света.

Тень опередила человека – легкое потемнение на полу поблизости от поста медсестры, – а затем показалась медсестра Пэм.

Остановившись на скрещении четырех коридоров, она замерла абсолютно неподвижно, держа в правой руке какой-то предмет, опознать который с такого расстояния Итан не мог, однако один конец предмета поблескивал отраженным светом.

По истечении тридцати секунд она повернулась и двинулась по коридору Итана, шагая осторожно, целеустремленно, короткими контролируемыми шажками, с улыбкой, казавшейся чересчур широкой, чтобы уместиться у нее на лице.

Через несколько шагов она остановилась, свела колени вместе и присела на корточки, чтобы рассмотреть что-то на линолеуме. Пальцем свободной руки провела по полу, подняла, и Итан с приступом тревоги вдруг сообразил, что это такое и как медсестра поняла, в какой коридор свернуть.

Вода с плаща Беверли.

И она приведет медсестру прямиком к двери через коридор напротив. К Беверли.

Медсестра Пэм встала.

И медленно зашагала вперед, по пути разглядывая плитки линолеума.

Итан увидел, что предмет у нее в руках – шприц с иглой.

– Мистер Бёрк?

Он не ожидал, что она заговорит, и от звука ее восторженного, зловещего голоса, эхом раскатившегося по пустым коридорам больницы, его прямо морозом продрало.

– Я знаю, что вы близко. Я знаю, что вы меня слышите.

Она подобралась уж чересчур близко, и Итан начал опасаться, что она может в любую секунду заметить зеркало в его руке.

Втянув осколок обратно в комнату, Итан закрыл дверь с еще большей тщательностью и точностью.

– Раз уж вы мой новый любимый пациент, – продолжала медсестра, – я намерена предложить вам специальную сделку.

Итан заметил что-то в основании черепа – вдоль позвоночника, через кости конечностей начало распространяться тепло, излучаясь жаркими точками в кончики пальцев рук и ног.

И то же тепло он ощутил позади глаз.

Наркотик начал действовать.

– Будьте умницей, выходите сейчас, и я сделаю вам подарочек.

Ее шагов он не слышал, но голос становился все громче по мере продвижения медсестры по коридору.

– Подарочек, мистер Бёрк, – это анестезия для вашей операции. Надеюсь, вы понимаете, если вас еще не накрыло, что наркотик, который я вам вколола десять минут назад, вот-вот повергнет вас в бессознательное состояние. А если мне придется потратить целый час, обыскивая каждую комнату, чтобы найти вас, я очень-очень рассержусь. А вам не захочется видеть меня очень-очень сердитой, потому что знаете, что будет? Когда мы наконец вас найдем, то отвезем прямиком в операционную. Позволим лекарству, циркулирующему сейчас у вас в организме, исчерпать свое действие. Вы очнетесь на операционном столе. Ни ремней, ни наручников, но вы не сможете и пальцем шелохнуть. Это потому что я впрыснула вам лошадиную дозу суксаметония, а это парализующее средство. Вы когда-нибудь задумывались, что чувствуешь при операции? Что ж, мистер Бёрк, мы устроим представление лично для вас.

По звучанию голоса Итан понял, что она уже стоит посередине коридора менее чем в четырех футах от него по ту сторону двери.

– Единственное движение, на какое вы будете способны, – это моргать. Вы даже пикнуть не сможете, чувствуя, как вас режут, пилят и сверлят. Чувствуя наши пальцы внутри себя. Операция растянется на многие часы, и вы будете живы, в сознании, в полной мере воспринимая каждую ее мучительную секунду. Прямо материал для ужастика.

Итан положил ладонь на ручку двери. Поток наркотика хлынул вверх, охватывая мозг, наводняя кончики ушей. Остается лишь гадать, сколько еще времени он выстоит, прежде чем ноги подкосятся.

Медленно поверни, Итан. Поверни медленно-медленно.

Сжимая хватку на дверной ручке, он ждал, чтобы медсестра Пэм заговорила снова, и когда она наконец это сделала, начал поворачивать ручку.

– Я знаю, что вы слышите мой голос, мистер Бёрк. Я стою прямо перед комнатой, где вы прячетесь. Вы в душе? Под кроватью? Может, стоите за дверью в надежде, что я слепо пройду мимо?

Она рассмеялась.

Щеколда вышла из паза.

Он был целиком уверен, что она стоит спиной к нему, лицом к комнате Беверли, но что, если нет?

– У вас десять секунд, чтобы выйти, а затем мое великодушное предложение анестезии истекает. Десять…

Он чуть-чуть оттянул дверь.

– Девять…

Три дюйма.

– Восемь…

Шесть дюймов.

Теперь он снова видел коридор, и первое, что бросилось ему в глаза, – это рассыпавшиеся по спине медсестры Пэм темно-рыжие волосы.

Она стояла прямо перед ним.

– Семь…

Лицом к двери Беверли.

– Шесть…

Держа шприц в правой руке, как нож.

– Пять…

Он продолжал отводить дверь назад, позволяя ей беззвучно поворачиваться на петлях.

– Четыре…

Остановил ее, не дав стукнуться о стену, стоя уже на пороге.

– Три…

Итан окинул пол взглядом, чтобы убедиться, что не отбрасывает тени, но даже если бы отбрасывал, эта мигающая люминесцентная лампа замаскировала бы ее.

– Два и один, и теперь я сердита. Очень-очень сердита. – Вытащив что-то из кармана, медсестра сказала: – Я в подвале, западное крыло; практически уверена, что он здесь. Жду вашего прибытия, прием.

Рация изрыгнула треск помех, и мужской голос отозвался:

– Понял, идем.

Теперь наркотик врезал по Итану во всю мощь, колени обмякли, зрение начало рывками сходить с рельсов, теряя четкость и двоясь.

Вот-вот здесь будет больше народу.

Нужно сделать это сейчас же.

Он твердил себе *пошел, пошел, пошел*, хоть и сомневался, что ему хватит сил или хотя бы присутствия духа.

Попятился на несколько шагов в комнату, чтобы удлинить разбег, сделал длинный, глубокий вдох и опрометью ринулся вперед.

Покрыв семь шагов за две секунды.

Врезался медсестре в спину на полном ходу, толкнув поперек коридора лицом в бетонную стену.

Жесткий, сокрушительный удар застал ее совершенно врасплох, и потому скорость и точность ее реакции изумили Итана. Выбросив правую руку назад, она вонзила иглу ему в бок.

Глубокая, пронизывающая, ослепительная боль.

Он попятился, кренясь на сторону на заплетающихся ногах.

Медсестра развернулась с залитой кровью правой стороной лица, принявшей на себя удар о бетон, замахиваясь шприцем, и бросилась на Итана.

Он бы мог постоять за себя, будь способен видеть хоть что-нибудь, но не видел ни черта – взор поплыл, перед глазами вспыхивали картинки, будто сильнейший приход от экстази.

Она сделала выпад, Итан пытался парировать, но неправильно оценил дистанцию, и игла пронзила ему левое плечо.

Когда медсестра выдернула шприц, боль едва не повергла Итана на колени.

Медсестра подстерегла идеальную позицию для пинка прямо ему в солнечное сплетение, и одна лишь сила удара швырнула его назад, к стене, попутно вышибив весь воздух из легких. Итан ни разу в жизни не ударил женщину, но когда Пэм снова устремилась вперед, не мог отделаться от мысли, с каким удовольствием вмазал бы правым локтем этой суке в челюсть.

Взгляд его был прикован к иголке у нее в руках, в голове пронеслось: «*Только не это снова, Господи, умоляю!*»

Он вскинул руки, чтобы защитить лицо, но они казались валунами. Медлительными и громоздкими.

– Держу пари, вы сейчас жалеете, что не вышли, когда я просила по-доброму, а? – бросила медсестра.

Итан с половинной скоростью нанес по широкой дуге крюк, от которого Пэм легко уклонилась, с молниеносной скоростью парировав прямым, снова сломавшим ему нос.

– Хотите снова иголочку? – спросила она.

Итан ринулся бы вперед, попытался бы свалить ее на пол, придавить своим весом, но идея стычки, учитывая иглу и его расстроенное восприятие, выглядела скверно.

– Я же вижу, что вы отключаетесь, – рассмеялась Пэм. – Знаете, а это и в самом деле вроде как забавно.

Итан силился скользнуть прочь от нее по стене, шаркая ногами, чтобы оказаться вне пределов досягаемости, но она дублировала каждое его движение, оставаясь перед ним и нацеливаясь для очередной атаки.

– Давайте-ка поиграем, – предложила Пэм. – Я буду тыкать в вас иголкой, а вы попробуйте мне помешать.

Итан сделал выпад, но боли не последовало.

Просто обманное движение – она с ним играет.

– А вот следующий, мистер Бёрк, будет…

Что-то ударило ее по голове сбоку с твердым *тук!*

Пэм рухнула на пол как подкошенная и застыла, а Беверли встала над ней в этом безумном мигающем свете, продолжая держать за ножки металлический стул, которым уложила медсестру Пэм, выглядя порядком шокированной собственным поступком.

– Сейчас придут другие, – сообщил Итан.

– Идти можете?

– Посмотрим.

Отшвырнув стул, затарахтевший по линолеуму, Беверли бросилась к Итану.

– Держитесь за меня на случай, если равновесие откажет.

– Уже отказало.

Он уцепился за руку Беверли, и она потащила его по коридору обратно. К моменту, когда они добрались до поста медсестры, Итану уже каждый шаг давался с трудом.

Сворачивая за угол, он оглянулся и увидел, что медсестра Пэм пытается сесть.

– Быстрей! – поторопила Беверли.

Главный коридор был по-прежнему пуст, и они уже пустились бегом.

Дважды Итан спотыкался, но Беверли, подхватывая, удерживала его в вертикальном положении.

Веки у него потяжелели, седация нисходила на него, как теплое мокрое одеяло, и ему хотелось лишь найти какой-нибудь тихий, укромный уголок, чтобы свернуться калачиком и заспать это все.

– Еще держитесь? – спросила Беверли.

– На волоске.

Дверь в торце коридора маячила в пятидесяти футах впереди.

Беверли прибавила шагу.

– Ну же, – подстегнула она, – я слышу, как они спускаются по лестнице.

Итан тоже это слышал – гомон голосов и множество шагов за дверью на лестницу, которую они миновали буквально только что.

В конце коридора Беверли рывком распахнула дверь и выволокла Итана через порог на загроможденную лестничную площадку, от которой шесть ступенек взбирались к другой двери наверху со светящимся красным знаком ВЫХОД над ней.

Там Беверли задержалась, позволив двери мягко закрыться за ними.

По ту сторону Итан слышал голоса, наполнившие коридор, звуки шагов, вроде бы удаляющиеся от них, но полной уверенности в этом не питал.

– Они нас видели? – спросил он.

– Не знаю.

Итану пришлось сосредоточиться из последних сил, чтобы одолеть эти последние ступени до выхода, вывалившись сквозь дверь и ступив во тьму, ощутив ступнями мокрый тротуар и барабанящий по плечам холодный дождь, тут же просочившийся сквозь тонкую, как бумага, ткань сорочки.

Он едва стоял, а Беверли уже тащила его к тротуару.

– Куда мы? – поинтересовался Итан.

– В единственное известное мне место, где вас не найдут.

Он последовал за ней на темную улицу.

Никаких машин, только считаные уличные фонари да огни в домах, все тусклое и затянутое пеленой дождя.

Они двинулись по тротуару вдоль тихой улочки. Одолев второй квартал, Итан остановился и попытался сесть на траву, но Беверли не позволила ему спасовать, отрезав:

– Еще нет.

– Я больше не могу идти. Почти не чувствую ног.

– Еще квартальчик, ладно? Вы дотянете. Вы должны дотянуть, если хотите жить. Обещаю, через пять минут вы сможете лечь и переждать.

Выпрямившись, Итан заковылял дальше, проследовав за Беверли еще квартал, за которым уже не было ни домов, ни фонарей.

Они вошли на кладбище, заполненное потрескавшимися надгробьями, перемежающимися с карликовыми дубами и соснами. За ним не ухаживали бог весть сколько, трава доходила Итану до пояса.

– Куда вы меня ведете? – Язык заплетался, слова падали с губ тяжело и неуклюже.

– Прямо вперед.

Они петляли между надгробьями и памятниками, по большей степени настолько разрушенными, что разобрать надписей Итан не мог.

Он замерз, сорочка промокла насквозь, на ноги налипла грязь.

– Вот, – указала Беверли на небольшой каменный мавзолей в осиновой рощице.

Преодолев последние двадцать футов, Итан рухнул у входа между парой каменных вазонов, рассыпавшихся в каменное крошево.

Беверли потребовалось трижды налечь на железную дверь плечом, чтобы заставить ее открыться, заскрежетав петлями достаточно громко, чтобы разбудить мертвого.

– Нужно пробраться внутрь, – увещевала она. – Ну же, вы почти на месте. Еще четыре фута.

Открыв глаза, Итан пополз вверх по ступеням через тесный дверной проем, прочь от дождя. Беверли закрыла дверь, и на минутку в склепе воцарилась непроглядная тьма.

Щелкнул фонарик, подсветив интерьер и воспламенив цветом витражное окно, врезанное в заднюю стену.

Образ: лучи солнца, пронзающие тучи и озаряющие одинокое цветущее дерево.

Итан повалился на ледяные камни, а Беверли тем временем расстегнула молнию дорожной сумки, припрятанной в углу заранее. Вытащив одеяло, развернула его и накрыла Итана.

– Я припасла и кое-какую одежду для вас, – сообщила она, – но одеться можете, когда проснетесь.

Он неистово дрожал, яростно цепляясь за ускользающее сознание, потому что остались вопросы, которые он еще должен задать, вещи, которые он должен знать. Вдруг Беверли здесь не будет, когда он очнется снова.

– Что такое Заплутавшие Сосны? – вопросил Итан.

Сев рядом с ним, Беверли проговорила:

– Когда вы очнетесь, я…

– Нет, скажите мне сейчас. За последние два дня я навидался невозможных вещей. Вещей, заставляющих усомниться в собственном здравомыслии.

– Вы не сумасшедший. Вас просто пытаются в этом убедить.

– Зачем?

– Вот этого я не знаю.

Гадая, можно ли ей верить, Итан заключил, что, учитывая все обстоятельства, пожалуй, будет мудрей ошибиться с перекосом в скептицизм.

– Вы спасли мне жизнь, – выговорил он, – и спасибо вам за это. Но я должен спросить… почему, Беверли? Почему вы мой единственный друг в Заплутавших Соснах?

– Потому что, – улыбнулась она, – мы оба хотим одного и того же.

– Чего это?

– Вырваться отсюда.

– Дороги из города нет, так?

– Да.

– Я приехал сюда несколько дней назад. Так как же такое вообще возможно?

– Итан, просто поддайтесь действию наркотика, и когда очнетесь, я поведаю вам все, что знаю, и как, по-моему, можно вырваться. Закрывайте глаза.

Итан не хотел, но не мог помешать этому случиться.

– Я не сумасшедший, – пробормотал он.

– Знаю.

Дрожь пошла на убыль, жар его тела создавал под одеялом тепловой карман.

– Скажите мне одно, – попросил он. – Как вас занесло в Заплутавшие Сосны?

– Я была представителем «Ай-Би-Эм». Приехала сюда с коммерческим визитом в попытке оснастить компьютерную лабораторию местной школы нашими «Тэнди-1000». Но на въезде в город попала в ДТП. В мою машину врезался выскочивший ниоткуда грузовик. – Ее голос притих, словно отдалившись, уследить за повествованием стало труднее. – Мне сказали, что я перенесла травму головы и отчасти потеряла память, и потому первое, что я помню об этом городе, – это как очнулась однажды под вечер у реки.

Итан хотел ей поведать, что то же самое случилось и с ним, но не мог открыть рта, чтобы заговорить, – наркотик нахлынул на организм девятым валом, захлестнув его с головой.

У него не больше минуты.

– Когда? – выдохнул он.

Беверли не расслышала, была вынуждена наклониться поближе, поднести ухо к его губам, но даже так ему пришлось вложить в вопрос все силы до капли:

– Когда… вы… приехали… сюда? – прошелестел он, цепляясь теперь за ее слова, как за спасательный круг, способный удержать его на плаву, в сознании, но все равно соскальзывал во тьму, отделенный от беспамятства считаными секундами.

– Мне никогда не забыть день приезда, – промолвила она, – потому что в каком-то смысле он был подобен дню моей смерти. С той поры все для меня переменилось. Было чудесное осеннее утро. Бездонная синева небес. Желтая листва. Было третье октября тысяча девятьсот восемьдесят пятого года. Фактически на следующей неделе у меня годовщина. Я провела в Заплутавших Соснах целый год.

Глава 08

Не осмелившись открыть дверь, она вместо того выглянула через одну из выбитых панелей витражного окна. Не увидела сквозь полуночный дождь совершенно ничего, ничего не услышала, кроме шелеста капель по траве и листве деревьев над крышей мавзолея.

Итан, побежденный наркотиком, отключился, и отчасти она ему позавидовала.

Во сне к ней приходят видения.

О Прежней Жизни.

О мужчине, за которого она, скорее всего, вышла бы замуж.

Об их общем с ним доме в Бойсе.

Планах, которые они строили вместе.

Детях, которых она надеялась в один прекрасный день произвести на свет – порой ей даже снились их лица.

А пробуждалась она в Заплутавших Соснах.

Этом красивом аду.

Когда она едва прибыла, окружающие скалы наполнили ее благоговением и изумлением. Теперь же Беверли ненавидит их за то, чем они есть, чем они стали – тюремной решеткой, ограждающей этот очаровательный городок, покинуть который не дано никому, а немногие попытавшиеся…

Эти ночи до сих пор являются ей в кошмарах.

Звук пятисот телефонов, звонящих одновременно.

Вопли.

Не сегодня… сегодня ночью этого не случится.

Стащив свое пончо, Беверли подошла к Итану, скорчившемуся под одеялом у стены. Когда его натужное, учащенное дыхание наконец сменилось длинными, спокойными вздохами, подобралась к дорожной сумке и выудила из наружного кармана нож.

Складной, ржавый и тупой, но другого ей отыскать не удалось.

Стащив одеяло прочь и задрав больничную сорочку Итана, она повела ладонью вдоль его левой ноги, пока не наткнулась на шишку на задней стороне бедра.

Позволила ладони задержаться там чуточку дольше, чем следовало бы, но боже, как же давно она не касалась мужчины и не чувствовала прикосновения мужской руки.

Она думала сказать Итану заранее, но его ослабленное состояние этому помешало – да, может, оно и к лучшему. Как бы там ни было, ему повезло. Проделывая это с собой, она была лишена такой прелести, как анестезия.

Беверли положила фонарик на каменный пол, чтобы тот освещал тыльную сторону бедра Итана.

Буквально испещренного шрамами.

Глазом шишка не видна, определяется только на ощупь – да и то едва-едва, если знаешь, где именно щупать.

Беверли открыла лезвие, собственноручно простерилизованное два часа назад ватными тампонами, смоченными спиртом, чувствуя, как подкатывает под горло желудок при мысли о том, что надо сделать, и в душе молясь, чтобы боль не вывела его из наркотического забытья.

Глава 09

Итану снилось, что он связан по рукам и ногам и что-то грызет ему ногу, делая небольшие пробные укусы, но иногда запуская зубы достаточно глубоко, чтобы он закричал во сне.

* * *

Вырвался из сна.

Со стоном.

Тьма вокруг, а левую ногу в верхней части задней поверхности бедра палит чересчур знакомой болью – кто-то его режет.

На одно ужасное мгновение он вновь оказался в той пыточной камере с укутанным в черный платок Аашифом, подвешенный к потолку за запястья, с прикованными к полу лодыжками, с телом, вытянутым в струну, так что и не шелохнешься, как бы чудовищна ни была боль.

Чьи-то руки трясли его за плечи.

Женский голос произнес его имя:

– Итан, все в порядке. Все уже позади.

– Пожалуйста, перестаньте, о господи, пожалуйста, перестаньте…

– Вы в безопасности. Я это вытащила.

Он отметил световое пятно, несколько раз моргнул, пока оно не сфокусировалось.

Луч фонарика, лежащего на полу.

В отраженном свете Итан увидел каменные стены, две гробницы, витражное окно – и тогда все с оглушительной силой накатило обратно.

– Вы знаете, где вы? – спросила Беверли.

Боль в ноге была настолько сильной, что его затошнило.

– Нога… что-то не так…

– Я знаю. Мне пришлось кое-что из нее вырезать.

В голове прояснилось. Больница, шериф, попытка покинуть город – все пришло обратно; память пыталась пересобрать отдельные события в осмысленную последовательность. Он подумал, что видел еще и Кейт, но уверенности в этом не испытывал. Этот эпизод чересчур смахивал на сон – или на кошмар.

Но с новообретенной ясностью мышления боль в ноге вышла на первый план, мешая сосредоточиться на чем-нибудь другом.

– О чем это вы? – уточнил он.

Подняв фонарик, Беверли направила луч на правую руку, державшую между большим и указательным пальцами что-то вроде микрочипа с пятнышками засыхающей крови среди полупроводниковых дорожек.

– Что это? – спросил Итан.

– С помощью этого за вами наблюдают и отслеживают, где вы.

– Это было у меня в ноге?

– Такие вживлены каждому.

– Дайте его мне.

– Зачем?

– Чтобы я растоптал его вдребезги.

– Нет-нет-нет. Не стоит делать этого. Тогда они сразу поймут, что вы его удалили. – Беверли протянула ему чип. – Просто выбросьте его на кладбище, когда будем уходить.

– А здесь нас не найдут?

– Я уже пряталась здесь с чипом. Толстые каменные стены сбивают сигнал. Но долго оставаться здесь нельзя. Они способны отследить чип с точностью до сотни ярдов от того места, где пропал сигнал.

Итан с кряхтением сел. Откинув одеяло, увидел лужицу крови, блеснувшую в свете фонарика. Из пореза на задней стороне бедра продолжали сбегать алые ручейки. Интересно, на сколько ей пришлось углубиться. Голова шла кругом, липкую от горячки кожу саднило.

– У вас в сумке есть что-нибудь, чтобы закрыть рану? – осведомился он.

– Только технический скотч, – покачала она головой.

– Давайте. Лучше, чем ничего.

Подтащив сумку к себе, Беверли запустила руку внутрь.

– Мне приснилось, что вы сказали, будто приехали сюда в тысяча девятьсот восемьдесят пятом, или это произошло на самом деле? – поинтересовался Итан.

– На самом деле. – Она извлекла рулон ленты. – Что мне делать? Медицине я не обучалась.

– Просто оберните несколько раз вокруг ноги.

Приклеив кусок ленты, Беверли принялась раскручивать рулон, осторожно обвивая скотчем бедро Итана.

– Не слишком туго?

– Нет, в самый раз. Нужно остановить кровотечение.

Сделав пять оборотов, она оторвала ленту и разгладила ее.

– Я должен вам кое-что сказать, – сообщил Итан. – Нечто такое, чему вы не поверите.

– А вы попробуйте.

– Я приехал сюда пять дней назад…

– Вы мне уже говорили.

– Это было двадцать четвертого сентября две тысячи двенадцатого года.

Мгновение Беверли просто смотрела на него.

– Вы когда-нибудь слыхали об айфоне? – осведомился Итан.

Она покачала головой…

– А об Интернете? «Фейсбуке»? «Твиттере»?

…и продолжала качать.

– Ваш президент… – начал Итан.

– Рональд Рейган.

– В две тысячи восьмом Америка избрала своего первого черного президента Барака Обаму. Вы никогда не слыхали о катастрофе «Челленджера»?

Он заметил, что фонарик у нее в руке задрожал.

– Нет.

– Падении Берлинской стены?

– Нет, ничего такого.

– Двух войнах в Заливе? Одиннадцатого сентября?

– Вы мне голову морочите? – Беверли поглядела с прищуром: одна мера гнева, две – страха. – О боже! Вы с ними, не так ли?

– Конечно, нет. Сколько вам лет?

– Тридцать четыре.

– И ваш день рождения…

– Первого ноября.

– Какого года?

– Тысяча девятьсот пятидесятого.

– Вам должен был исполниться шестьдесят один год, Беверли.

– Не понимаю, что это значит.

– Тогда нас уже двое.

– Здешние люди… они не говорят друг с другом ни о чем за пределами Заплутавших Сосен, – промолвила она. – Это одно из правил.

– О чем это вы?

– Они называют это «жизнью текущим моментом». Не допускают никаких разговоров о политике. Никаких разговоров о прежней жизни. Никаких дискуссий о поп-культуре – кино, книгах, музыке. По меньшей мере тех, которые недоступны здесь, в городе. Не знаю, заметили ли вы, но тут нет практически никаких торговых марок. Даже деньги с придурью. До последнего времени я не замечала, но вся наличность здесь из пятидесятых и шестидесятых. Ни одной более поздней монетки. И ни календарей, ни газет. Единственное, благодаря чему я сохранила счет времени пребывания здесь, – это то, что я веду дневник.

– И почему это так?

– Не знаю, но наказывают за проступок сурово.

Нога Итана, сдавленная скотчем, пульсировала, но хотя бы кровотечение унялось. Покамест пусть его, но скоро повязку придется ослабить.

– Если я узнаю, что вы с ними… – начала Беверли.

– Я не с ними, кем бы *они* ни были.

Глаза ее набрякли слезами. Сморгнув их, Беверли утерла блестящие дорожки, оставшиеся на щеках.

Итан привалился спиной к стене.

Озноб и боли усугубились.

Он по-прежнему слышал, как дождь барабанит по кровле над ними, и по-прежнему за витражным окном господствовала ночь.

Подняв одеяло с пола, Беверли накинула его Итану на плечи.

– Вы прямо горите, – заметила она.

– Я спросил вас, что это за место, но настоящего ответа так и не дождался.

– Потому что я не знаю.

– Вам известно больше, чем мне.

– Чем больше знаешь, тем странней становится. Чем меньше знаешь…

– Вы провели здесь год. Как вам удалось выжить?

Она рассмеялась – печально и смиренно:

– Делая то же, что и все… покупаясь на враки.

– Какие враки?

– Что все чудесно. Что все мы живем в идеальном городке.

– Где обретается рай.

– Что?

– Где обретается рай. Это я видел на транспаранте на подступах к городу, когда пытался уехать отсюда вчера вечером.

– Когда я впервые здесь очнулась, то была так дезориентирована и так страдала от боли после автокатастрофы, что поверила, когда мне сказали, что я здесь живу. Проблуждала весь день в тумане, после чего шериф Поуп нашел меня. Сопроводил в «Биргартен» – тот самый паб, где мы с вами впервые встретились. Сказал мне, что я тамошняя барменша, хоть я ни разу в жизни и не обслуживала посетителей бара. Потом отвел меня в викторианский домик, которого я прежде и в глаза не видела, и сказал мне, что я дома.

– И вы ему просто поверили?

– У меня не было конкурирующих воспоминаний, Итан. В тот момент я знала лишь свое имя.

– Но память вернулась.

– Да. И я поняла, что что-то очень не сходится. Я не могла связаться с внешним миром. Знала, что это не моя жизнь. Но в Поупе было что-то такое, ну, зловещее, что ли. На каком-то инстинктивном уровне я понимала, что лучше не расспрашивать его ни о чем.

Машины у меня не было, так что я начала предпринимать длинные прогулки к окраинам городка. Но странное дело – всякий раз, когда я приближалась к месту, где дорога загибается обратно, угадайте, кто был тут как тут?.. До меня дошло, что Поуп на самом деле вовсе не шериф. Он начальник тюрьмы. Для всех живущих здесь. Я догадалась, что он каким-то образом меня отслеживает, так что в течение двух месяцев не высовывала головы, ходила на работу, ходила домой, завела парочку друзей…

– И они тоже на это повелись?

– Не знаю. На поверхностном уровне они даже бровью не повели. Ничем не выказали, что это из ряда вон. Через какое-то время я поняла, что ходить всех по линеечке заставляет страх, но перед чем – не знала. И уж конечно, не спрашивала.

Итан вспомнил соседскую вечеринку, на которую набрел – боже, неужели только вчера вечером? – казавшуюся совершенно нормальной. Совершенно безупречно заурядной. Подумал обо всех чудаковатых викторианских домиках Заплутавших Сосен и о семьях, в них живущих. Сколько же жителей – арестантов – поддерживают уверенный, беззаботный вид при свете дня, а ночью лежат без сна, устремив взгляд в потолок, с мыслями, несущимися чехардой, запуганные, тужась постичь, почему их заточили в этой живописной тюрьме? Наверное, не один и не два. Но человеку, как ни крути, свойственно приспосабливаться. Наверное, подавляющее большинство убедили себя, убедили собственных детей, что все в точности так, как и должно быть. Как было всегда. Сколько из них живут ото дня ко дню, текущим мгновением, отгораживаясь от любых мыслей и воспоминаний о той жизни, которую вели прежде? Куда легче смириться с тем, чего не переменишь, чем поставить все на кон, ринувшись навстречу неизвестности. Вовне. Столкнувшись с перспективой жизни за тюремными стенами, люди, прожившие в заключении много лет, часто совершают самоубийство или идут на рецидив. А тут разве иначе?

– Однажды вечером в баре, – продолжала Беверли, – через пару-тройку месяцев после моего прибытия тот парень сунул мне записку. В ней говорилось: «Задняя сторона левого бедра». В ту ночь в ду́ше я нащупала это впервые – маленькая припухлость, что-то под кожей, – хотя и не знала, что по этому поводу предпринять. Назавтра вечером он снова появился у меня в баре. Нацарапал новую записку, на сей раз на счете – «Вырежьте это и сохраните, с помощью него вас отслеживают».

– В первые три раза я смалодушничала. Но на четвертый собралась с духом и сделала это. Днем всегда держала чип при себе. Носила, как все остальные. И странное дело, порой мне это казалось чуть ли не нормальным. Скажем, обедаю у кого-нибудь в гостях или на соседской вечеринке и вдруг ловлю себя на ощущении, что, может статься, так оно всегда и было, что моя предыдущая жизнь была сном. Начала постигать, как люди смиряются с жизнью в Заплутавших Соснах.

А ночью, закончив смену в пабе, шла домой, оставляла чип в своей постели, где должна была находиться, и направлялась прочь. Каждую ночь в новом направлении. И все время попадала в тупики. На севере, востоке и западе эти отвесные скальные стены, и я могла вскарабкаться на них футов на сто или около того, но карнизы неизменно становились все у́же, и в конце концов мне уже не за что было уцепиться, или я доходила до места, карабкаться выше которого у меня кишка была тонка. У подножия этих скал мне встретился отнюдь не один скелет – старые, сломанные кости. Человеческие. Люди, пытавшиеся совершить восхождение и упавшие.

Во время четвертой вылазки я направилась на юг по главной дороге – той самой, по которой приехала в Заплутавшие Сосны. Выяснила то же, что и вы, – она просто сворачивает обратно в город, бесконечной петлей замыкаясь на себя. Но я продолжила движение на юг через лес. Прошла с полмили, пока в конце концов не наткнулась на ограду.

– Ограду?

Пульсация в ноге Итана стала несносной, хуже боли от разреза, сделанного Беверли. Он ослабил скотч.

– Двадцать футов высотой, идущую через лес в обе стороны, сколько хватает глаз. По верху идет колючая проволока, гудящая, как будто под током. И один и тот же знак, прикрепленный к ограде через каждые пятьдесят футов. Он гласит: «Возвращайтесь в Заплутавшие Сосны. Дальше вам угрожает смерть».

Итан снова замотал ногу.

Пульсация утихла, а боль, хоть еще и не прошла, но притупилась.

– Вы нашли проход?

– Нет. Близился рассвет, и я подумала, что лучше вернуться в город. Но когда повернулась, чтобы уйти, передо мной стоял человек. Я перепугалась до смерти, пока не поняла, кто это.

– Парень, сказавший вам о чипе?

– Именно. Сказал, что следовал за мной. Каждую ночь, когда я совершала вылазку.

– И кто же это был? – поинтересовался Итан, и хотя в полумраке судить было трудно, ему показалось, что на лицо Беверли набежала тень.

– Билл.

Тело Итана прошило покалывание, будто слабый электрический ток.

– Как фамилия Билла? – спросил он.

– Эванс.

– Господи!

– Что?

– Эванс и был покойником в доме. В том, куда вы меня направили.

– Верно. Я хотела, чтобы вы с ходу поняли, насколько опасно это место.

– Сообщение получено. Эванс был одним из агентов Секретной службы, искать которых меня отправили в Заплутавшие Сосны.

– Я не знала, что Билл из Секретной службы. Он не говорил мне ничего о том, что мы называли «нашими прежними жизнями».

– Как он погиб?

Беверли подняла фонарик с пола – яркость свечения лампочки начала снижаться.

Выключила его.

Непроглядная тьма.

Шелест дождя, и больше ничего.

– Это произошло в ночь, когда мы пытались бежать. По-прежнему не понимаю, как они узнали, потому что мы оставили свои микрочипы в постелях, как множество раз до этого. Мы с Биллом встретились в назначенном месте с припасами и снаряжением… но у нас не было ни шанса.

Итан расслышал горечь, надломившую ей голос.

– Нам пришлось разойтись, – поведала она. – Я добралась до своего дома, но его они настигли. И порвали на куски.

– Кто порвал его на куски?

– Все.

– Кто это «все»?

– Весь город, Итан. Я из своего дома слышала… его крики, но поделать ничего не могла. И наконец поняла. Поняла, что удерживает всех здесь.

Долгое-долгое время никто из них не проронил ни слова.

Наконец Итан проговорил:

– Я так и не добрался до ограды, но забрел на какое-то расстояние в лес за этим разворотом на дороге к югу от города. Только вчера ночью. Готов поклясться, я что-то слышал.

– Что?

– Вопль. Или клич. Может, нечто среднее. И самое дикое, что впечатление было такое, будто я его уже слышал прежде. Во сне. Или в другой жизни. Он наполнил меня ужасом на самом первобытном уровне, словно волчий вой. Что-то гнездящееся очень глубоко. Моей единственной реакцией было бежать. И вот теперь, услышав то, что вы говорите об этой ограде под током, я начинаю гадать, зачем она там? Чтобы не выпускать нас? Или не впускать кого-то оттуда?

Поначалу Итан думал, что звук возник у него в голове – какое-нибудь побочное действие наркотика, которым накачала его медсестра Пэм, или последствия травмы от побоев Поупа и всего, что пришлось перенести после.

Но шум быстро нарастал.

Какой-то звон.

Нет.

Множество звонков.

Сотни и сотни.

– Что это? – спросил Итан, не без труда поднимаясь на ноги.

Беверли уже сражалась с дверью, открывая ее под скрежет петель, а затем в склеп ворвалась волна холодного воздуха, и шум внезапно стал громче.

Итан понял, что это.

Голоса пяти сотен дисковых телефонов, сработавших одновременно, наполняя долину заливистым, зловещим звоном.

– О боже! – выдохнула Беверли.

– Что происходит?

– Вот так и началось в ту ночь, когда погиб Билл.

– Не понимаю.

– В эту секунду звонит каждый телефон в каждом доме Заплутавших Сосен. Людям приказывают найти и убить вас.

Итан собрался с духом, чтобы принять обрушившуюся информацию, но лишь смутно осознавал, что должен обосраться с перепугу, понимал это умом, но страха не чувствовал; его рассудок уже отгородился, соскальзывая в адреналиновое онемение режима выживания, испытанного несколько раз в жизни, когда невезение заставило его заглянуть смерти в глаза. Для посторонних, тщетных мыслей или эмоций попросту нет места. Вся энергия собрана и направлена на усиление единственной вещи, способной сохранить ему жизнь, – сенсорного восприятия.

– Выброшу чип и спрячусь здесь, – сказал он. – Пережду.

– В Заплутавших Соснах живет чуточку больше пятисот человек, и все они до единого будут вас искать. По-моему, рано или поздно один из них войдет в эту дверь, и когда это произойдет, вам лучше быть отсюда подальше.

Выхватив фонарик у нее из рук, Итан включил его и захромал к дорожной сумке.

– Что здесь? – спросил, опускаясь рядом с ней на корточки.

– Одежда для вас. Обувь. Размер пришлось прикидывать на глазок.

– Оружие?

– Увы. Не смогла нарыть.

Итан принялся вытаскивать вещи – черная футболка с длинными рукавами, черные джинсы, черные туфли, две дюжины бутылок воды…

– Выключите свет! – зашипела на него Беверли.

Итан повиновался.

– Уходите сейчас же, – бросила она. – Они приближаются.

– Дайте мне только одеться и…

– Они уже на кладбище. Я вижу их фонари.

Оставив все раскиданным по полу, Итан доковылял до железной двери. Увидел во тьме четыре пятнышка света, виляющие среди надгробий. Вроде бы в нескольких сотнях футов, хотя в такую погоду оценить расстояние – задача не из легких.

Телефоны смолкли.

– Вам нужно найти реку на юго-западной окраине, – прошептала Беверли Итану на ухо. – Мы с Биллом собирались уходить этим путем. Это единственное направление, которое я не подвергла тщательному исследованию. Билл немного прошел в ту сторону и считал, что путь выглядит многообещающе.

– Где встретимся?

– Просто доберитесь до реки и идите против течения. Я вас найду.

Натянув на голову капюшон пончо, Беверли покинула мавзолей и бегом скрылась в ночи; звук ее шагов становился все тише и вскоре затерялся в шелесте непрестанного дождя.

Итан помешкал на пороге, переключая внимание то на приближающиеся огни, то на непроглядную темень склепа, прикидывая, есть ли у него в запасе две минуты на одевание и сбор припасов, или пора просто уходить.

Лучи света приближались, все четыре двигались примерно в направлении мавзолея, и уже начали доноситься голоса.

Решай же, черт возьми!

Он все мешкал, теряя драгоценные секунды.

Если они доберутся до тебя, пока ты в склепе, ты покойник. Тут нет выхода, а они доберутся сюда быстрее, чем ты успеешь одеться.

Он побежал.

Одетый лишь в больничную сорочку, без ботинок, шелестя босыми стопами по траве и чавкая по холодной грязи.

Под хлещущим дождем.

Больной.

Терзаемый холодом.

Задняя поверхность левого бедра криком кричала с каждым сокращением мышцы.

Отключив все это от сознания – страх, боль и холод, – он рванул среди сосен, виляя среди надгробий.

Четыре пятнышка света позади него вроде бы не заметили его ухода, продолжая сближаться по траекториям, сходящимся на мавзолее.

В почти полной темноте дезориентация просто ошеломляла. Итан даже не догадывался, куда направляется – на север или на юг, к городу или прочь, но продолжал бежать, пока не достиг каменной стены, образующей ветхую границу кладбища.

Вскарабкавшись, сел, упершись ладонями в колени, улучив минутку, чтобы перевести дыхание и поглядеть туда, откуда прибежал.

Еще огни.

Как минимум полдюжины вдобавок к первоначальным четырем, и с каждой секундой позади них появляются все новые – настоящая армия светлячков, выныривающих из тьмы и дружно устремляющихся к нему, и темп их подпрыгивания внушил Итану страх, что они бегут.

Он выронил микрочип на каменную стену. Потом перекинул ноги на другую сторону и спрыгнул, скривившись от пронзительной боли в левом бедре. Но, игнорируя ее, устремился на поле скошенной травы.

С противоположной стороны поблескивал игровой комплекс детской площадки, и капли дождя вспыхивали в свете уличного фонаря над ней.

А дальше, в рощице темных сосен – еще огни, еще голоса.

Кто-то на кладбище крикнул, и хотя Итан не понял, в его ли адрес, крик этот подстегнул его.

Приближаясь к качелям и горке, он сообразил, где находится, и журчание бегущей воды, перекрывающее шелест дождя и грохот сердца Итана, подтвердило это.

Слева, невидимый в темноте, находится травянистый берег, где он впервые очнулся в Заплутавших Соснах пять дней назад.

И река.

Он уже было внес курсовую поправку, чтобы направиться туда, но тут в том месте, где, по его прикидкам, находился берег, вспыхнул огонек.

Итан метнулся мимо горки, продрался сквозь кустарник зеленой изгороди, окативший его дождевой водой и едва не содравший с плеч тонкую больничную сорочку, и ступил на улицу.

Сорочка свисала с шеи клочьями, как располосованный плащ.

Итан сорвал ее, отчаянно нуждаясь в кислороде – не хватило бы и доброй минуты глубоких вдохов, но времени останавливаться, чтобы наполнить легкие, попросту не было.

Огни с кладбища, реки и сосен в северном конце парка сошлись на этом открытом поле в светящийся рой, двинувшийся к нему, словно единое существо, в сопровождении гомона голосов, упоенных головокружительным ликованием погони.

В крови Итана забурлила свежая доза адреналина.

Колотя пятками грязных ног по мокрой мостовой, он нагим припустил посреди улицы с лицом, залитым дождем.

И осознал, что его цель сместилась.

Надо забыть о реке и найти какое-нибудь укрытие, чтобы пересидеть это безумие. Неизвестно, сколько человек его преследуют, сколько уже видят его, но если и дальше бегать по городу голышом, пиши пропало.

– Вон там! – раздался басовитый крик.

Оглянувшись, Итан заметил три тени, выскочившие из большого викторианского дома – бежавший впереди мужчина скатился по ступеням, пронесся через передний двор и перемахнул белый штакетник забора с изрядной грацией, пока его спутники толклись у калитки, возясь со щеколдой.

Барьерист, одетый во все черное, приземлился на тротуар, не сбавляя шага, и только наддал ходу. Держа в руке мачете, чей мокрый клинок сверкал в свете его налобного фонаря, он бежал во весь дух, тяжело дыша, и голос в голове Итана бесстрастно проговорил с гробовой невозмутимостью сенатора, беспардонно затягивающего время принятия закона чтением телефонного справочника в три часа ночи:

Этот человек, в пятидесяти ярдах позади, вооружен и настигнет тебя.

И что же ты намерен предпринять?

Глава 10

Это чердачное окно – самое высокое в доме.

Каплевидное, под свесом крыши, защищающим стекло от дождя.

Уже поздно, темно, и шелест дождя по жестяной кровле над головой в любую другую ночь казался бы умиротворяющим.

Покойным.

Навевающим сон.

Ее телефон не зазвонил вместе с другими, и за это она чувствовала благодарность.

Она молилась, чтобы от нее не ждали участия в этом, и это подтверждение – иллюзорное утешение посреди этого кошмара.

С высоты своего наблюдательного пункта на третьем этаже она видит фонари, вспыхивающие по всей долине, будто огни большого города, пробуждающегося к жизни. Сотни. Самые далекие – не более чем искорки света под проливным дождем. Другие достаточно близки, чтобы виднелись отдельные конусы света, пробивающиеся сквозь туман, начинающий скапливаться в переулках и низинах.

И когда он появляется перед взором, сердце у нее замирает.

Обнаженный.

Бледный.

Бегущий, словно призрак, посреди улицы, преследуемый троицей одетых в черное мужчин с мачете.

Она знала, что дело идет к этому, думала, что подготовилась к этому, насколько могла, но увидев его во плоти – его страх, его панику, его отчаяние, – была вынуждена прикусить губу, чтобы не окликнуть его.

Я наблюдаю его казнь.

Итан скрывается из виду, устремившись к зданиям, выстроившимся вдоль Главной улицы, и осознание прошивает ее, как заряд картечи сразу из двух стволов в грудь: она видит его в последний раз, потому что не пойдет в дом на Первой авеню, чтобы лицезреть то, что от него останется, увидеть, как изувечили ее мужа, отца ее сына.

Все больше людей наводняют улицы, целыми толпами поголовно мчась по направлению к Главной.

Несмотря на унылую погоду, царит карнавальная атмосфера, все чаще и чаще попадаются на глаза костюмы – несомненно, приготовленные заранее.

Хотя никто никогда не заговаривает о *красном дне*, она знает, что некоторые вожделеют по звонкам телефонов.

Ради возможности сорваться с цепи в самые глухие часы ночи.

Пустить кровь.

В прошлый раз они с Беном присоединились к шабашу – будто у них был выбор – и хотя и не проникли в око бури, на деле забившей Билла Эванса до смерти, периферия их все-таки захватила.

Она собственными ушами слышала его вопли и мольбы посреди маниакального гогота и глумления толпы.

После весь город гулял на Главной улице до рассвета – алкоголь лился рекой, фейерверки взрывались, все плясали, пели, пировали – и хотя она не могла сдержать омерзения перед всем этим, дух бесспорного единства витал над толпой, напоив сам воздух, будто электричество.

Все обнимались.

Ликовали.

Ночь человечности со всеми ее пороками, радостью и безумием.

Празднество в аду.

За ее пять лет в Заплутавших Соснах было всего четыре *красных дня*.

Сегодня будет пятый.

Тереза утирает лицо и отворачивается от окна.

Тихонько пробирается по скрипучим доскам пустого чердака, осторожно выбирая, куда ступить. Если она разбудит Бена и он увидит, что *красный день* в разгаре, то захочет выйти на улицу, присоединиться.

Она спускается по раздвижной чердачной лестнице, складывает ее и вместе с люком убирает обратно в потолок.

Так странно стоять на втором этаже этого тихого дома, учитывая, что происходит снаружи.

Пройдя по коридору, останавливается у открытой двери комнаты Бенджамина.

Он спит.

Двенадцать лет, и с каждым днем все больше и больше походит на отца.

Глядя на него, она гадает, станет ли Итан кричать, когда его наконец настигнут.

Услышит ли она его?

И если да, сможет ли это вынести?

Порой все кажется совершенно нормальным, *словно всегда так и было*, но бывают мгновения, когда подспудное напряжение вопросов, задавать которые она больше себе не позволяет, грозит вырваться, сокрушив ее, как античный хрусталь.

Скоро на Главной улице загремит музыка, и не исключено, что это разбудит сына.

Бен захочет узнать, что происходит, и тут уж ему не солжешь.

Не подсластишь пилюлю.

Он слишком умен для этого.

А она чересчур его уважает.

Что же ему сказать?

И более трудный вопрос…

Неделю спустя, проснувшись посреди ночи в одиночестве темной спальни, лишенная возможности когда-либо свидеться с мужем снова…

Что она скажет себе?

Глава 11

Итан ринулся через следующий перекресток. Каждый раз, когда он оглядывался, огней позади становилось все больше, но его ближайший преследователь-барьерист – проблема более неотложная. Тот вырвался далеко вперед своих более тихоходных компатриотов, и Итану показалось, что он выглядит знакомо – лысая голова, громадные очки в серебристой оправе… И когда тот сократил разрыв до тридцати футов, Итан сообразил, кто это – тот самый козлина-провизор, у которого он пытался купить аспирин два дня назад.

Главная улица замаячила в одном квартале впереди, через двух– и трехэтажные дома начала перекатываться волна муторного шума – взбудораженный гомон собирающейся толпы.

Ни в коем случае нельзя бежать нагишом по Главной улице.

Но при нынешнем темпе, если не изменить траекторию, именно это в ближайшие двадцать секунд и произойдет.

От Главной Итана отделяла лишь одна улица, даже не улица – всего лишь переулочек с односторонним движением, вклинившийся позади ряда зданий. Последний впрыск подстегнутого яростью адреналина пришел с осознанием, что если, свернув за угол в этот переулок, он наткнется хоть на кого-нибудь – на кого угодно, – то он спекся.

Зарублен насмерть помавающим мачете провизором.

Миленькая кончина.

К улице примыкал одноэтажный гараж, и Итан прикинул, что угол здания, когда он свернет, скроет его от взгляда фармацевта секунды на две.

Если только в переулке его не поджидает толпа, этого будет вполне достаточно.

До сих пор Итан несся строго посередине улицы, но теперь настал момент сделать свой ход.

Он вильнул вправо, метнувшись поперек скользкой от дождя мостовой.

Только бы не упасть!

Пересек полоску травы, затем тротуар, затем снова траву и, уже подбегая ко входу в переулок, сообразил, что даже не знает, что собирается предпринять.

Некогда планировать. Просто реагируй.

По близости шагов преследователя он прикинул, что провизор отстал шагов на шесть.

Затем ринулся в переулок.

С бетона на землю.

Темней.

Туман, подцвеченный вонью мокрого мусора.

Не увидел никого в непосредственной близости, кроме пары фонариков в нескольких сотнях футов дальше, вихляющих в его направлении.

Итан выбросил обе ноги в сторону параллельно, словно при торможении боком на лыжах, погасив инерцию, направленную вперед, настолько внезапно, что ощутил, как ускорение пытается послать его дальше кубарем.

Восстановил равновесие и ринулся обратно по прежнему пути, разгоняясь прямиком к углу здания.

Будь там. Будь там. Будь там.

Столкновение получилось чудовищное, лоб Итана врезался в нижнюю челюсть провизора с такой зубодробительной мощью, что инерция оторвала Итана от земли на добрых полсекунды.

Он вскочил снова с залитым кровью лицом.

Оглушенный фармацевт сидел, выплевывая на дорогу зубы.

Удар так перетряхнул мозги, что Итану потребовались две секунды, чтобы сообразить, что длинный металлический предмет, лежащий на мостовой, – мачете противника.

Наклонившись, он поднял его, и в эту секунду преследователь поднял на него глаза, полные ужаса осознания, *что* вот-вот произойдет, и этот взгляд привел Итана в чувство куда эффективнее, чем целое ведро нашатырного спирта.

Он охватил пальцами углубления в рукоятке мачете, обернутой техническим скотчем для улучшения сцепления под дождем.

Провизор вскинул руки в тщетной попытке загородиться от того, что рукой не удержишь.

Сделав ложный выпад, Итан нанес удар ногой в лицо, пяткой сокрушив разбитый нос провизора и послав его голову назад с такой силой, что она ахнулась затылком о мостовую с хрустом ломающегося черепа.

Испустив стон, тот замер неподвижно, но двое его друзей уже приближались – подоспеют через десять секунд, – а за ними, отстав на квартал, целая армия фонариков, будто стадо скота, перегоняемого по улице, топот множества ног по мокрой мостовой, звучащий все громче и громче.

Метнувшись обратно в переулок, Итан с облегчением обнаружил, что пара огоньков, виденных прежде, скрылась.

Он побежал, отчаянно стараясь выжать из этого краткого промежутка невидимости как можно больше.

Двадцатью шагами дальше оказался рядом с контейнером для мусора, и ни секунды не колебался.

Нырнув за него, бросился на землю и пополз, плотно вклинившись в щель между металлом и кирпичной стеной здания, у которого стоял контейнер.

Он не слышал ничего, кроме грохота собственного сердца и своего пыхтения на собачий лад; пот и кровь заливали лицо, попадая в глаза; он трясся от холода, хотя мышцы его пылали от лактата, словно он только что налетел на стенку на марафоне[15].

Шаги пронеслись по ту сторону контейнера прочь, и звук их, становящийся все тише и тише, ласкал слух, как музыка.

Лицо Итана щекой прижималось к земле, и в нее впивались грязь, осколки стекла и камешки.

Дождь барабанил ему по спине, собираясь вокруг него в лужицы и с каждой каплей прошивая его дрожью.

Он мог бы пролежать там всю ночь и изрядную часть следующего дня.

Подымай свою задницу. Нельзя позволить себе закоченеть.

Упершись ладонями в мокрый гравий, Итан поднялся на четвереньки.

Пятясь, выбрался из щели между контейнером и зданием и секунду посидел рядом на корточках, прислушиваясь.

Отдаленные голоса.

Отдаленные шаги.

Суматоха на Главной.

Но в опасной близости – ни звука.

Он встал, оглянувшись на вход в переулок, и увидел, что толпа бегом движется мимо, взбираясь по улице навстречу тому, что происходит на Главной.

Держась поближе к кирпичной стене, Итан двинулся в противоположном направлении, в туманную тьму переулка.

Тридцатью футами дальше в кирпиче разрыв – деревянная дверь.

Оглянулся на мусорный контейнер, на улицу позади.

Теперь кто-то приближался – луч света обметал переулок от стены до стены под хруст гравия под подошвами.

Итан рывком открыл дверь, и свет изнутри, упав в переулок, озарил туман призрачной диффузной полосой.

Он проскочил через порог на ярко освещенную лестничную площадку, рванул дверь, закрывая ее за собой, и обернулся, чтобы запереть замок.

Цилиндр был высверлен и забит металлической болванкой.

Не запрешь.

Итан взбежал по узкой лестнице, чувствуя боль, прошивающую левую ногу от напряжения на каждом шагу.

Когда он добрался до площадки второго этажа, дверь со стороны переулка с грохотом распахнулась.

Оглянувшись сверху, Итан увидел крупного мужчину в мокром желтом пончо с фонариком в одной руке и мясницким ножом – наверное, взятом на собственной кухне, – в другой.

Глаза мужчины скрывались в тени капюшона, но сжатые зубы и крепкие руки, особенно стиснувшая нож, не выдавали ни малейших переживаний.

Перескочив лестничную площадку, Итан понесся вверх по следующему пролету под топот ботинок, загрохотавший в лестничном колодце.

На площадке третьего этажа он влетел в дверь.

Коридор – тихий, пустынный, тускло освещенный.

На стенах через каждые двадцать футов – бра, напоминающие старинные фонари.

На каждой двери – бронзовые цифры.

Многоквартирный дом?

Итан услышал шаги, приближающиеся по лестнице.

Ринулся по коридору, пробуя по пути ручку каждой двери.

Заперто.

Заперто.

Заперто.

Заперто.

Понимая, что в любую секунду дверь с лестницы распахнется.

Заперто.

Заперто.

Седьмая проверенная дверь – номер девятнадцать – подалась.

Сжав мачете покрепче на случай, если кто-то подстерегает с другой стороны, Итан приоткрыл дверь толчком пальцев ноги.

Маленькая, темная квартирка.

Вроде бы пустая.

Скользнув внутрь, он закрыл ее дверь в самый миг, когда дверь с лестничной площадки распахнулась от удара кулака.

Схватив цепочку, Итан завел крючок в щеколду.

Задержавшись у входа, прислушался, когда дверь в коридоре захлопнулась.

Шаги стали куда медленнее.

Цоканье по паркетному полу.

Больше никакой спешки.

Никакого лихорадочного топанья.

Итан почти явственно видел, как мужчина в желтом пончо методично движется по коридору. Он не может не знать, что Итан забрался в одну из квартир, но не догадывается, в какую именно.

Шаги приблизились…

…теперь и эта дверь заперта…

…и остановились по ту сторону – достаточно близко, чтобы, опустив взгляд, Итан увидел, что свет, просачивающийся под дверью, в двух местах прерывался.

Как он, черт побери, узнал, где именно остановиться?

Блин!

Грязные следы.

Одна из теней ног на полу исчезла, и паркет в коридоре заскрипел от натуги.

Итан попятился, скользнув через правый угол в кухоньку.

Звук трескающегося дерева.

Цепочка сорвалась.

Свет из коридора хлынул в темную квартиру.

Желтое Пончо пинком вышиб дверь.

Прижавшись спиной к гудящему холодильнику, Итан видел контуры фигуры мужчины, тенью растянувшиеся на ковровом покрытии квартиры.

Тень удлинилась – это преследователь, переступив порог, медленно двинулся по короткому коридорчику, ведущему в гостиную.

Не доходя нескольких футов до кухни, остановился.

Итан слышал, как капли с его пончо срываются на ковер, слышал его тяжелое дыхание и старался сдержать свое.

Негромкий щелчок, а затем луч света метнулся в гостиную и медленно двинулся вдоль стены с книжными полками, обрамляющими два больших окна, сейчас задернутые шторами.

Сквозь них Итан слышал, что шум на Главной неуклонно нарастает.

Свет скользнул по кожаному дивану и журнальному столику, где над кружкой на картонной подставке вился пар, наполняющий квартиру сонной сладостью ромашкового чая.

Свет прошел по фотографии в рамочке – осиновая рощица во всей осенней красе на фоне припорошенных снегом гор под сверкающими синевой октябрьскими небесами, – затем перемахнул в кухню, пройдясь по плите, шкафчикам, кофеварке, сверкнул на нержавеющей стали мойки, подбираясь к Итану.

Присев, тот прополз по линолеуму и скорчился в тени между кухонным островком и мойкой.

Чужак прошел вперед, и Итан увидел, как луч света лег на холодильник в том месте, где он стоял всего пять секунд назад.

Шаги двинулись дальше.

В дверце микроволновки над плитой Итан поймал отражение человека в желтом пончо, стоящего теперь в гостиной лицом к двери в северной стене, ведущей в спальню.

Итан медленно, с трудом поднялся на ноги; шум толпы замаскировал хруст его коленей. Встал лицом к спине Желтого Пончо, пока тот с осторожной целеустремленностью продвигался вперед, по направлению к спальне.

Итан прокрался вокруг островка, а затем прочь из кухни.

У журнального столика остановился.

Желтое Пончо стоял на пороге спальни в двенадцати футах от него, светя туда своим фонариком.

Покрепче сжав обмотанную скотчем рукоятку мачете, Итан попробовал длинное лезвие подушечкой большого пальца.

Могло бы быть и поострее. Намного. Придется рубить изо всех сил.

Давай. Налетай. Прямо сейчас, пока можешь застать его врасплох.

Он заколебался.

На своем веку Итан причинил немало страданий и смертей, но до кокпита «Блэк Хоука» беспардонная нагота насилия доходит в сильно разбавленном виде. Залп «Хеллфайрами» с лазерным наведением по мишени за две мили от тебя даже рядом не лежал с таким вот убийством гражданского, стоящего прямо перед тобой, с помощью мачете.

Первый ушел от видеоигры всего на пару шагов. Второе…

Чужак развернулся в проеме двери, оказавшись лицом к лицу с Итаном.

Дыхание у обоих участилось.

– Зачем вы это делаете? – спросил Итан.

Никакого отклика.

Теперь он вообще не видел лица визави.

Только его профиль, тень ножа в правой руке и пятно света на ботинках от фонаря, направленного в пол.

Итан открыл было рот, чтобы повторить вопрос, когда свет повернулся, полыхнув ему прямо в лицо, в глаза.

Что-то затарахтело по полу.

Воцарилась тьма.

Из-за пересвеченной сетчатки Итан напрочь лишился зрения, слепо застыв в серой тьме без форм и деталей.

Шаги приближались, паркет под ковром постанывал под каждым шагом, джинсы ринувшегося вперед противника вжикнули.

Итан попятился, зрение понемногу возвращалось.

Поймал стоп-кадр Желтого Пончо в трех футах от себя с мясницким ножом, занесенным для удара сверху-вниз.

Взмахнул мачете – резкий, молниеносный удар сплеча.

Клинок не встретил сопротивления, и сила взмаха развернула Итана, почти сбив с ног, в голове пронеслось: «*Промахнулся, я покойник*».

Противник проскочил мимо, неуклюже заковыляв через комнату, пока в конце концов не сумел удержаться за барную стойку рядом с кухонным островком.

Восстановив равновесие, Итан ухватил мачете покрепче, чтобы не выронить, и лишь тогда заметил кровь, каплющую с конца клинка.

Оглянулся на кухню.

Преследователь выронил свой нож и стоял лицом к Итану, опираясь об островок, прижав обе руки сбоку к шее, издававшей шипящий звук, словно сжатый воздух, вырывающийся из шины.

Попятившись до двери в спальню, Итан присел и поднял фонарик с ковра.

Направил луч на человека в желтом пончо.

Обилие крови просто ошеломляло.

Будто алая паутина на желтом пластике накидки, она разбегалась дюжиной отдельных ручейков, как замедленное воспроизведение деления вируса, собираясь на полу лужей. Кровь хлестала из шестидюймового разреза у основания шеи над ключицей, брызжа с одной стороны аэрозольным туманом, а с другой выталкиваясь ярко-алыми артериальными струями, и каждая последующая взмывала по все более низкой дуге по мере того, как сердце раненого отказывало.

Лицо его побледнело, как полотно, и он смотрел на Итана без всякого выражения, только медленно моргал, словно погрузившись в гипнотический сон наяву.

Наконец он съехал с островка и рухнул на пол, повалив барный табурет.

*** * ***

В гардеробе спальни Итан реквизировал пару джинсов, футболку с длинными рукавами и черную толстовку с капюшоном. Рубашка и джинсы были на пару размеров маловаты, но вполне терпимо. А вот теннисные туфли, которые ему удалось отыскать, – дело другое. Он сумел втиснуть в них ноги и даже зашнуровать, но хождение в них было сущей мукой, гарантируя натереть мозоли за считаные минуты.

Зато ботинки покойника куда большего размера выглядели достаточно многообещающе.

Стащив их, Итан надевал одну пару носков за другой, пока ботинки не перестали болтаться на ногах.

Приятно было чувствовать себя снова одетым, еще приятнее – укрыться от дождя в этой теплой квартире. Он испытывал сильнейшее искушение провести здесь еще полчасика, подлатать все ранения, какие удастся, но надо было трогаться. Если обыскивать этот этаж заявится большая группа, бежать будет просто некуда.

Схватив фонарик и мачете, Итан направился к кухонной раковине.

Добрую минуту простоял, подставив рот под водопроводный кран, наполовину обезумев от жажды и все-таки стараясь не слишком налегать на воду.

Открыл холодильник.

Странно.

Стеклянные бутылки молока. Свежие овощи. Картонка с яйцами. Мясо завернуто в вощеную бумагу.

И ни единой фабричной упаковки.

Вынув пакет морковки и небольшой батон хлеба, он затолкал их в боковые карманы джинсов. И уже направился было к двери, когда был остановлен шумом – галдежем и криками, донесшимися с Главной улицы.

Бросившись обратно через квартиру к одному из больших окон, Итан отодвинул одну из штор ровно настолько, чтобы выглянуть наружу.

В двадцати футах внизу – бедлам.

Неустанная пляска света и теней на фасадах и витринах от исполинского костра, полыхающего прямо посреди улицы, несмотря на дождь, в который то и дело подбрасывали целые сосенки и длинные полосы сайдинга, ободранного с домов. Двое мужчин подтащили к огню деревянную скамейку и на глазах у Итана метнули ее в огнище к великому восторгу промокших до нитки масс, набившихся в квартал, причем с приближением к пламени концентрация тел возрастала.

Сборище внизу ничуть не походило на жителей городка, встречавшихся ему до этого момента.

Большинство вырядились в экстравагантные костюмы.

Запястья и шеи женщин увешаны фальшивыми аляповатыми драгоценностями. Бусами, жемчугами и тиарами. Лица прямо светятся от блесток и нанесенного щедрой рукой макияжа, глаза жирно подведены, и все до единой полуголые, несмотря на холод и дождь, будто шобла подгулявших проституток.

Мужчины выглядят не менее абсурдно.

Один в спортивной куртке, но без штанов.

Другой в темных брюках и красных подтяжках, но без рубашки, в красном колпаке Санта-Клауса на макушке. Он указывал бейсбольной битой в небо, и его мертвенно-белое оружие покрывали гротескные изображения чудовищ, которые Итан с высоты видел лишь едва.

Внимание его привлекла исполинская фигура человека, стоящего на кирпичном вазоне с возвышающими над толпой головой и плечами. Этот чудовищный субъект облачился в шкуру бурого медведя – сколотую его неизменной бронзовой звездой, – нахлобучил на голову какой-то металлический шлем, увенчанный оленьими рогами, расписал лицо устрашающей боевой раскраской, с дробовиком на одном плече и саблей в ножнах на другом.

Поуп.

Тот озирал толпу, будто свою собственность, и в свете огнища влажные провалы его глаз сверкали, как пара звезд.

Ему довольно было всего-навсего взглянуть через улицу, и в интенсивном сиянии пламени он не мог бы не заметить Итана, выглядывающего из квартиры на третьем этаже.

Итан понимал, что надо уходить, но не мог отвести глаз.

Часть толпы за пределами обзора Итана разразилась воплями, которые привлекли внимание Поупа, и по лицу хранителя закона расплылась широкая улыбка.

Из внутреннего кармана своей медвежьей шкуры Поуп извлек прозрачную бутылку без этикетки с какой-то коричневой жидкостью, вознес ее к небу и сказал что-то, воспламенившее орду. Та разразилась неистовым ликованием, потрясая в воздухе кулаками.

Пока Поуп делал изрядный глоток из своей бутылки, толпа начала расступаться, образуя коридор посреди Главной улицы. Все вытягивали шеи, стараясь заглянуть в его конец.

Появились три фигуры, двигавшиеся сквозь толпу к костру.

Двое крайних – мужчины в темных одеждах с мачете, болтающихся на плечевых лямках, – держали кого-то с обеих сторон за руки.

Беверли.

Итан ощутил, как внутри что-то оборвалось, расплавленное ядро гнева выбросило метастазы в солнечное сплетение.

Он видел, что у нее нет сил даже стоять, мучители буквально несли ее, а ноги ее волочились по мостовой. Один глаз у нее заплыл от жестокого удара, лицо заливала кровь.

Но она была в сознании.

В сознании и в ужасе, не отрывая глаз от мокрой мостовой под ногами, пытаясь отключиться от всего остального.

Не дотащив до костра ярдов на десять, двое мужчин толкнули ее вперед, одновременно отпустив.

Поуп крикнул что-то, когда Беверли повалилась на землю.

Люди в непосредственной близости от нее начали тесниться назад, образуя возле нее круг футов двадцати в диаметре.

Сквозь окно Итан расслышал плач Беверли.

Словно голос раненого животного – полный отчаяния тонкий скулеж.

Со всех сторон люди в толпе протискивались вперед, работая локтями в попытке пробиться поближе к кругу, стеснение тел по его периметру становилось все плотнее и плотнее.

Сунув бутылку обратно в свою шубу, Поуп снял с плеча дробовик.

Спустил курок, нацелив ружье в небо.

Грохот выстрела раскатился между зданиями, стекла в раме задребезжали.

Толпа притихла.

Никто не шевелился.

Итан снова услышал шелест дождя.

Вскарабкавшись на ноги, Беверли утерла ручеек крови, сбегавший посередине лица. Даже глядя из окна третьего этажа, Итан не мог не заметить, как ее трясет от всеохватного страха, поглощающего человека, в точности знающего, какая чудовищная участь его вот-вот постигнет.

Беверли стояла под дождем, чуть покачиваясь и остерегаясь переносить вес на левую ногу.

Медленно повернулась, прихрамывая, озирая лица окружающих, и хотя Итан не разбирал ее слов, но эти интонации ни с какими другими не спутаешь.

Мольба.

Отчаяние.

По лицу ее струились дождь, слезы и кровь.

Прошла целая минута.

Кто-то, протолкавшись через сплоченную массу народа, прорвался в круг.

Толпа разразилась овациями.

Бешеными аплодисментами.

Это оказался мужчина в шапке Санты без рубашки, в штанах с красными подтяжками.

Поначалу он помешкал на краю, будто собираясь с духом – боксер в углу за секунды до гонга.

Кто-то сунул ему бутылку.

Запрокинув ее донышком к небу, он сделал длинный, бесшабашный глоток.

Потом схватил свою расписную биту и ступил в круг.

К Беверли.

Пошел вокруг нее.

Она попятилась, уклоняясь ближе к краю толпы.

Кто-то сильно толкнул Беверли к средине круга, и инерция погнала ее прямо на мужчину с битой.

Итан даже не видел, *что* надвигается.

Как и Беверли.

Все произошло молниеносно, словно нападающий принял решение в самый последний миг.

Единое, плавное движение.

Замах битой и удар.

Звук кленовой болванки, ударившей по черепу, заставил Итана инстинктивно зажмуриться и отвернуться.

Толпа взревела.

Когда он открыл глаза снова, поверженная на землю Беверли силилась ползти.

Итан почувствовал, как под горло подкатывает волна желчи.

Мужчина в шапке Санты бросил биту на мостовую и выпендривался перед толпой.

Бита покатилась через дорогу к Беверли.

Та потянулась к оружию, оказавшемуся в считаных дюймах от нее.

В круг ступила женщина в черном бикини, черных шпильках, черной короне и с черными ангельскими крылышками.

Покрасовалась.

Толпа возликовала.

Женщина в бикини направилась к Беверли, тянущейся к бите.

Присев на корточки, одарила ее яркой, белозубой улыбкой, подхватила оружие обеими руками и занесла над головой, как боевую секиру, будто некая царица демонов.

Нет, нет, нет, нет, нет…

И ударила прямо в центр спины Беверли.

Улица радостно взревела, глядя, как жертва корчится на земле.

Чего бы Итан только не отдал, чтобы зависнуть сейчас в «Блэк Хоуке» в двухстах футах над Главной, нажимая на гашетку «Гатлинга GAU-19», жаря 2000 выстрелов в минуту по толпе, расколошматив этих гнид в клочья.

Отвернувшись от окна, он обеими руками поднял журнальный столик над головой и грохнул его о стену. Во все стороны брызнули щепки и осколки стекла.

Это усилие только обострило его ярость.

Он жаждал крови, внутренний голос подзуживал его сейчас же ворваться в толпу с мачете, рубя направо и налево. Да, мало-помалу они его одолеют, но видит бог, больше всего на свете ему хотелось покосить это сборище, в одиночку устроить тотальную бойню.

Но тогда ты погибнешь.

Больше никогда не увидишься с семьей.

Никогда не узнаешь, что здесь к чему.

Итан вернулся к окну.

Беверли недвижно распростерлась на улице, вокруг ее головы расплывалось озерцо крови.

Кольцо нарушилось, смыкаясь вокруг.

А затем вся орава разом ринулась на нее.

Уходить было предательством, но стоять там и смотреть было несносно, и он ни черта не мог поделать, чтобы остановить это – пятьсот человек против одного.

Ты ничего для нее не можешь сделать. Она погибла. А теперь двигай, пока сам *еще можешь.*

Уже устремляясь к двери, Итан услышал крик Беверли, звук ее боли, ее беспредельного отчаяния, от которого слезы навернулись ему на глаза.

Успокойся.

За дверью тебя могут подстерегать люди.

Будь бдителен.

Итан ступил в коридор.

Пусто.

Закрыл дверь квартиры.

Гвалт на Главной стих до неясного ропота.

Утирая глаза, Итан направился обратно прежним путем – вдоль по коридору и из двери на лестницу.

На площадке третьего этажа он помедлил, прислушиваясь, и выглянул вниз поверх перил.

Ни звука.

Ни движения.

Жутковатая тишина.

Спустился.

Внизу приоткрыл дверь ровно настолько, чтобы протиснуться боком.

В переулок упала полоска света.

Стоя в луже перед подъездом, Итан закрыл за собой дверь.

Дождь пошел сильнее, чем прежде.

Секунд тридцать Итан не шевелился, дожидаясь, пока глаза вновь приспособятся к темноте.

Затем, натянув на голову капюшон, двинулся на юг, шагая посередине переулка.

Вдали дождь мельтешил в сфере света уличного фонаря, но в остальном темень между зданиями залегла настолько непроглядная, что Итан не видел собственных ног.

Толпа взревела куда громче прежнего.

Подумав о Беверли, Итан вынужден был осадить себя, чтобы не воображать, что с ней происходит, невольно сжав рукоятку мачете покрепче и скрипнув зубами.

Шаги впереди заставили Итана резко остановиться.

Он замер в тридцати футах от места, где переулок пересекается со следующей улицей, в полной уверенности, что невидим во мраке.

Там показался мужчина в темном дождевике, направлявшийся с Главной на запад.

Остановившись под фонарем, он вгляделся в переулок.

В руках у него были топорик и ручной фонарь.

Итан слышал, как дождь барабанит по его плащу.

Перейдя улицу, мужчина вошел в переулок.

Включил фонарь, направив луч на Итана.

– Кто там?

Итан увидел собственное дыхание, от холода вырывающееся изо рта облачками пара.

– Я, – отозвался Итан, трогаясь в его сторону. – Вы его не видели?

– Кто «я»?

Свет все еще бил Итану в лицо, и он надеялся, что мужчина видит его улыбку, уповал, что совладает с надвигающимся безумием.

Глаза встречного широко распахнулись, когда Итан подошел достаточно близко, чтобы тот разглядел синяки, следы крови, швы и плачевное состояние его лица, но его реакция – замахнуться топориком для удара – последовала с полусекундным запозданием.

Взмаху Итана клинком параллельно земле одной рукой достало силы вспороть противнику живот.

Ноги его подкосились, колени ударились о землю, и Итан добил его тремя сокрушительными рубящими ударами.

Он бросился бежать, все еще кипя после убийства, будто оно придало ему скорости.

Пулей вылетев из переулка, Итан пересек Седьмую.

Справа – полдюжины огоньков в двух кварталах, движущихся вдоль по улице к центру города.

Слева – не меньше пятидесяти человек хлынули из-за угла с Главной; фонарики вспыхивали один за другим, как только они ступали во тьму боковой улицы.

Итан наддал ходу, влетев в следующий переулок – впереди ни единого огонька, – но поверх собственного пыхтения расслышал топот множества ног у себя за спиной.

Оглянулся: стена света, катящаяся по переулку.

Крики людей.

Впереди – стремительно приближающаяся Восьмая улица.

Нужно менять курс. Он уже просчитывал в голове возможности, но не мог нажать на спуск, пока не увидит, что лежит впереди.

Итан влетел на Восьмую.

Слева – ни души.

Справа – одинокий огонек в двух кварталах.

Итан вильнул вправо, летя сломя голову поперек улицы.

Перескочив бордюр, приземлился на противоположный тротуар, запнувшись о бугор на бетоне и едва не растянувшись, но каким-то образом ухитрился удержаться на ногах.

Еще двадцать ярдов, и он уже в следующем квартале к западу от Главной, и, оглянувшись за две секунды до поворота, увидел первую группу огней, вырвавшихся из переулка.

Если повезло, они его не видели.

Влетел за угол.

Благословенная тьма.

Придерживаясь тротуара, он уносил задницу под угольно-черной тенью сосен.

Следующая улица тоже пустовала, и быстрый взгляд искоса через плечо подтвердил, что его преследует лишь горстка огоньков, все еще в добрых двадцати секундах позади, насколько можно судить.

Итан пронесся еще квартал на запад, а затем припустил на юг.

Улица оборвалась.

Он добрался до края города.

Остановился посреди дороги, перегнулся пополам, упираясь ладонями в колени и хватая воздух ртом.

Преследователи приближались – сзади, а теперь и с запада.

Итан прикинул, что мог бы пробежать два квартала вверх по склону обратно к Главной, но это казалось неразумным.

Пошевеливайся. Ты растрачиваешь свой запас дистанции попусту.

Прямо впереди – викторианский особняк на фоне подступившего леса.

Да.

Он снова устремился дальше, чувствуя, как пылают мышцы ног, пересек улицу, рванул вдоль дома.

До опушки оставалось не более трех шагов, когда детский голос крикнул:

– Он бежит в лес!

Итан оглянулся.

Вылетев из-за угла особняка, человек двадцать-тридцать с горящими фонариками устремились за ним все как один, и на миг Итан пришел в недоумение, почему их пропорции кажутся какими-то искаженными.

Ноги слишком коротки, головы чересчур велики, фонарики держат чрезмерно близко к земле.

Дети.

Это потому, что они дети.

Он бросился в лес, заглатывая воздух, напоенный горьковато-сладким ароматом мокрых сосен.

И в городе-то света едва хватало, чтобы ориентироваться, а уж в лесу это было решительно невозможно.

Итану пришлось включить фонарик, позволив его прыгающему лучу помочь отыскивать дорогу между деревьев, через поваленные гнилые стволы, среди молодых сосенок и низких веток, хлещущих по лицу.

Дети вбежали в лес за ним по пятам, топоча ногами по мокрым листьям и с треском ломающемуся хворосту. Итан весьма смутно представлял, где находится река, полагая, что если будет забирать вправо, то мимо не проскочит, но уже начал терять ориентацию, чувство направления пошло вкривь и вкось.

– Я его вижу! – крикнула девочка.

Итан бросил взгляд назад, лишь на миг повернув голову, но менее удачно подгадать момент не мог бы – он как раз пробирался через бурелом, путаясь ногами в скрученных ветвях и корягах, повергших его на землю, вырвав из рук и фонарик, и мачете.

Шаги вокруг.

Приближаются со всех сторон.

Итан силился подняться, но вокруг правой лодыжки обвилось какое-то ползучее растение, и потребовалось пять секунд, чтобы вырвать ее.

Фонарик погас, когда он упал, так что Итан не видел ни мачете, ни чего-либо еще. Он шарил ладонями по земле, отчаянно надеясь их отыскать, но натыкался лишь на корни и стебли.

Вскарабкался на ноги, вслепую отыскивая путь через бурелом, а огни и голоса приближались.

Без фонарика он влип.

Пришлось бежать трусцой, вытянув перед собой руки – только чтобы не налететь на дерево.

Лучи света лихорадочно метались перед ним, давая мимолетное представление о местности впереди – сосновый лес, насмерть удушенный подлеском, давным-давно заждавшийся очистительного пожара.

Лес звенел от детского смеха – беззаботного, легкомысленного, маниакального.

Кошмарная версия какой-то игры времен его юности.

Итан доковылял до какой-то поляны или луга – хоть он и не видел ни черта, но дождь теперь забарабанил по нему с большей силой, словно полог леса больше не прикрывал его.

Впереди вроде бы слышалось журчание реки, но его почти тотчас заглушило тяжелое дыхание за спиной.

Что-то толкнуло его в спину – не то чтобы такой уж сокрушительный удар, но достаточный, чтобы вывести его из равновесия для следующего.

И следующего…

И следующего…

И следующего…

И следующего, а затем Итан рухнул на землю, лицом в грязь, и все заглушил детский смех. Полномасштабная атака велась со всех сторон, под всеми углами – слабосильные тычки, даже не способные причинить ему боль, жалящие поверхностные порезы, периодические и куда более тревожащие сотрясения от тупых предметов, бьющих его по голове, а главное – с каждой секундой все чаще и чаще, словно его атакует стая пираний.

Что-то вонзилось ему в бок.

Итан вскрикнул.

Они засмеялись.

Очередной укол – океан боли.

С распалившимся от негодования лицом он вырвал из чьей-то хватки левую руку, затем правую.

Уперся ладонями в землю.

Оттолкнулся.

Что-то твердое – булыжник или бревно – тюкнуло по затылку достаточно сильно, чтобы перетряхнуть мозги.

Руки его подломились.

Снова лицом в грязь.

Снова смех.

Кто-то сказал:

– Трахните его по башке!

Но он снова отжался на руках, на сей раз с криком, и, должно быть, это застало детишек врасплох, потому что на долю секунды удары перестали сыпаться.

Большего ему и не требовалось.

Подтянув ноги под себя, Итан поднялся и крюком сбоку ударил первое же лицо, попавшееся на глаза, – высокого парнишки лет двенадцати-тринадцати, нокаутом послав того в беспамятство.

– Прочь! – рявкнул он.

Впервые света было достаточно, чтобы он мог наконец разглядеть, с кем имеет дело – его обступили две дюжины ребятишек в возрасте от семи до пятнадцати лет. Большинство вооружены фонариками и разнообразным импровизированным оружием – палками, камнями, кухонными ножами; один с древком от швабры, просто отломанной, оставив ощетинившийся щепками конец.

Все вырядились как на Хэллоуин – разношерстная галерея самодельных костюмов, состряпанных из родительских гардеробов.

Итан чуть ли не обрадовался тому, что потерял мачете, потому что иначе порубил бы этих малолетних засранцев на куски.

Слева от Итана виднелся прогал – слабое звено в кольце, через которое он мог бы пробиться, отшвырнув двух детишек ростом не выше, чем ему по пояс.

Но что потом?

Они ринутся в преследование, загонят его до смерти в этих лесах, как раненого оленя.

Медленно повернувшись, он встретился взглядом с самым грозным из шайки – вполне созревшим белокурым подростком, вооруженным носком, растянувшимся до предела из-за груза внутри, какого-то зловеще выглядящего сферического предмета – наверное, бейсбольного мяча или цельностеклянного шара. Оделся шкет в костюм, должно быть, отцовский – велик на несколько размеров, рукава доходят до кончиков пальцев.

Взревев, Итан двинулся на парня, отводя правую руку, и врезал бы ему, но пацан попятился, запнулся, упал, а затем, едва вскарабкавшись на ноги, удрал в лес, вопя во всю глотку, что *они его нашли*.

Увидев, как их главарь только пятками засверкал, остальные последовали его примеру.

А на оставшихся Итан ринулся, чувствуя себя, как лось, пытающийся разогнать свору кровожадных койотов, но в конце концов смог отпугнуть всех, кроме одного; остальные же с криком скрылись среди деревьев, словно за ними черти гонятся.

Оставшийся мальчишка смотрел на Итана сквозь дождь.

Возможно, самый младший из ватаги – лет семь-восемь от силы.

Одет как ковбой – красно-белая шляпа, сапожки, галстук-шнурок и рубашка в стиле вестернов.

Держа фонарик и булыжник, он стоял как ни в чем не бывало, с лицом, лишенным какого-либо выражения напрочь.

– Ты что, меня не боишься? – поинтересовался Итан.

Паренек покачал головой, расплескивая воду с полей шляпы. Поднял глаза на Итана, и когда луч фонарика осветил веснушки на его лице, Итан увидел, что ребенок соврал. Он был напуган, нижняя губа бесконтрольно тряслась. Это самый отважный вид, на который его хватило, и он поневоле восхитился мальчонкой, гадая, что заставило его встать грудью против него.

– Вы должны перестать убегать, мистер Бёрк.

– Откуда ты знаешь, как меня зовут?

– Вы могли бы чудесно здесь жить, но даже не понимаете этого.

– Что это за место?

– Просто город, – ответил мальчик.

Зазвенели голоса взрослых, среди сосен замельтешила новая армия фонарей, словно восходящие звезды.

– Где твой дом? – спросил Итан.

Мальчик, озадаченный вопросом, склонил голову к плечу.

– Что вы имеете в виду?

– Где ты жил до Заплутавших Сосен?

– Я всегда здесь жил.

– Ты ни разу не покидал этот город? – осведомился Итан.

– Его нельзя покинуть, – сообщил мальчик.

– Почему?

– Просто нельзя.

– Я такого не приму.

– Вот потому-то вы и умрете. – И внезапно заорал: – Он здесь! Быстрей!

Фонари выскочили из леса на поляну.

Итан побежал, ворвавшись в лес с противоположной стороны, не трудясь даже заслонить лицо или оглянуться на преследователей, мечась во тьме, утратив всякое восприятие времени и направления, изо всех сил стараясь уберечь голову от вспышки безоглядной паники, грозившей повергнуть его на колени, заставить свернуться калачиком и наконец свихнуть рассудок.

Из-за страха.

Из-за боли.

Из-за того, что во всем этом нет даже чертового проблеска смысла.

Остановил его не звук реки, а запах.

Внезапная свежесть воздуха.

Почва пошла под уклон, и он засеменил вниз по слякоти берега в ледяную бурлящую воду, где река хлынула ему в ботинки, как жидкая сталь.

Несмотря на шокирующий холод воды, Итан не позволил себе даже секундного колебания – просто продолжал ковылять дальше, прочь от берега, все глубже и глубже в русло.

Вода доходила до пояса, и Итан охнул от холода, проморозившего его до сердцевины, а бурное течение яростно пыталось утащить за собой.

Итан делал медленные, осторожные шажки, своим весом страгивая камни на дне с мест, и те медленно катились вниз по течению.

Между каждым шагом он собирался, клонясь против течения, чтобы преодолеть напор воды.

На полпути она поднялась уже до груди.

Течение сбило его с ног.

Увлекая вниз по реке.

В почти полной темноте Итан даже не представлял, какие валуны могут выситься посреди русла; понимал только, что если его швырнет на один из них, это его убьет.

Он устремился поперек течения мощными, целеустремленными гребками на боку.

Руки работали отлично, но из-за полных воды ботинок толчки ног получались слабыми и почти безрезультатными.

Их вес скорее увлекал его вниз, чем продвигал вперед.

Спустя минуту лихорадочных барахтаний, когда мышцы уже были на грани бунта, Итан ощутил, как подошвы ботинок задели дно.

Стоя, он повернулся против течения, выпрямился, и вода опустилась ему до пояса.

Еще дюжина шагов – и уровень упал до коленей. Преодолев остаток пути бегом, он выбрался из реки и без сил повалился на берегу.

Перекатился на бок – бездыханный, выжатый до предела, дрожащий.

Оглянулся через реку.

Повсюду вспыхивали все новые лучи света.

Он слышал крики людей. Подумал, что они могут звать его по имени, но с такого расстояния расслышать что-либо внятное поверх шума бурной реки не было ни шанса.

Итан хотел двигаться, понимал, что должен, но не мог заставить себя вскарабкаться на ноги, чувствуя, что должен полежать еще минутку, чтобы отдышаться.

На противоположном берегу уже было столько огней, что не сосчитаешь. Плотнее всего они скопились ярдах в тридцати выше по течению, у места, где он вошел в реку; но все больше и больше людей разбредалось к северу и к югу от точки входа, обшаривая лучами фонарей течение в дюжине мест.

Итан перекатился на четвереньки.

Руки тряслись от холода, как у больного паркинсонизмом.

Он пополз, загребая пальцами мокрый песок.

Пролежал неподвижно лишь минуту, но конечности окоченели до онемения.

Добравшись до очередного валуна, он дотянулся до верхушки камня, ухватился и подтянул себя на ноги.

В ботинках хлюпала вода.

За рекой собралось уже, наверно, человек сто, и с каждой секундой появлялось все больше огней. Большинство лучей доставали лишь до середины реки, но нескольким хватало мощности, чтобы добить до стороны Итана, и вспыхивающие в них капли дождя четко прорисовывали их компактные конусы света.

Итан принялся карабкаться прочь от воды, надеясь отгородиться от огней расстоянием, но через десять футов наткнулся на отвесную скальную стену.

Двинулся вдоль нее, слыша, как голоса нескольких сотен человек перекрывают бурление речных порогов.

Свет ударил в скалу в десяти футах впереди.

Итан нырнул за валун, украдкой глядя сбоку, как луч обшаривает скалу позади него.

С берега в поток обрушился целый водопад света. Скорчившись в своем укрытии, Итан видел, как несколько человек забрели в реку по колено, обыскивая ее, но перебраться на другой берег никто даже не пытался.

Итан уже хотел было выбраться из-за валуна, когда над рекой раскатился голос, усиленный мегафоном:

– Итан, вернитесь к нам, и все будет прощено.

Итан узнал бы его где угодно – низкий, утробный рокот голоса шерифа Поупа, срикошетивший от скал обратно в сосновый лес за спиной толпы.

– Вы не ведаете, что творите.

Вообще-то я прекрасно ведаю, что творю.

Теперь, когда на скалы в районе него не падало ни лучика света, Итан снова вскарабкался на ноги и заковылял вдоль скалы на юг.

– Если вы вернетесь, мы не причиним вам вреда.

Ага. Спешу, аж падаю.

– Даю вам слово.

Хотелось бы Итану тоже держать в руках матюгальник.

Другие голоса за рекой тоже выкрикивали его имя:

– Итан, пожалуйста!

– Вы не понимаете, что делаете!

– Вернитесь!

Поуп тоже продолжал взывать к нему, но Итан упорно продвигался в угольно-черный дождь.

И чем дальше он уходил от толпы, тем непрогляднее становилась темень.

Теперь Итан, прихрамывая, тащился медленными, шаркающими шажочками, и его единственным ориентиром выступал только шум реки слева от него.

Позади – стихающие голоса, меркнущие точки света.

Его организм истощил последние запасы адреналина, и Итан уже чувствовал приближение крушения мирового класса.

С полнейшим отказом систем.

Но остановиться он не мог. Не время.

Позыв свернуться в клубочек на песке у реки и уснуть был почти всепоглощающим, но эти люди могут надумать переправиться.

У них есть фонари, оружие и численный перевес.

У него нет ничего.

Риск слишком велик.

Так что он все шел и шел, дожигая жалкие остатки топлива, еще сохранившиеся в резервном баке.

Глава 12

Итан даже не догадывался, долго ли он шел в полнейшем одиночестве сквозь тьму.

Час.

Может, два.

Может, меньше.

Таким темпом он не мог одолеть больше мили. Если в чем он и мог быть уверен, то только в этом. Каждые две-три минуты Итан останавливался и бросал взгляд вниз по течению, высматривая приближающиеся огни, вслушиваясь, не раздастся ли хруст камней под ногами преследователей.

Но каждый раз, оглядываясь, видел все то же – непроглядную темень, а если кто-то и последовал за ним, то рокот реки прекрасно маскировал все остальные звуки.

*** * ***

Дождь ослабел сперва до мороси, потом – до сеющейся в воздухе водяной пыли, а там и совсем перестал.

Итан все брел, отыскивая дорогу исключительно на ощупь, цепляясь руками за невидимые валуны, ногами делая мельчайшие возможные шажочки, чтобы при неизбежном столкновении с препятствием инерция движения не повергла его на землю.

*** * ***

А затем будто прозрел.

Только что царила тьма.

И вдруг – разбухшая, почти полная луна; ее свет пробился сквозь разрыв в тучах, и поверхности каждого мокрого камня засверкали, как лакированные.

Итан уселся на валун с плоским верхом, ноги его дрожали, исчерпав свою выносливость почти до предела.

Река сузилась почти вдвое, зато течение стало сильнее, неистово кипя в садике камней белой пеной бурунов и вздымая брызги.

На том берегу возносились громадные сосны – высотой футов семьдесят или восемьдесят.

Внезапно он осознал, что изнемогает от жажды.

Упав на четвереньки, подполз к краю реки и погрузил лицо в лужицу.

На вкус вода была восхитительно чистой и сладкой, но холодной до ломоты в зубах.

Между глотками он бросал взгляды вниз по течению.

Кроме безумной кипени воды, ни движения ни на этом, ни на том берегу.

Итану хотелось спать, он мог бы растянуться здесь на камнях и забыться через считаные секунды, но понимал, что это было бы глупо.

Надо найти убежище, пока меня не покинул лунный свет.

Пока меня не покинула способность ходить.

Пелена туч уже снова начала сгущаться, застилая собой луну.

Итан заставил себя встать.

Переправа через реку здесь, особенно в таком ослабленном состоянии, была бы фатальна. Надо найти укрытие на этой стороне реки, хотя такая задача будет не из простых. На другом берегу реликтовый сосновый лес взбирается по склону горы на несколько тысяч футов, прямо в клубящиеся тучи. В таком лесу наверняка можно было бы отыскать какое-нибудь местечко, чтобы переночевать, укрывшись хотя бы даже в шалаше из лапника. Если набросать достаточно веток, они обеспечат укрытие от дождя, а то и удержат достаточно тепла тела, чтобы стать уютным оазисом в ночи.

Но не судьба.

На этом берегу склон круто взбирался от реки футов на сорок, к подножию тех самых красноцветных утесов, которые обступили Заплутавшие Сосны со всех сторон.

А выше – карниз за карнизом, восходящие во тьму.

Заниматься скалолазанием он не в состоянии.

Побрел дальше.

В желудке бултыхалась вода.

Чувствовал, как распухли и пульсируют ноги. Понимал, что должен был остановиться и вылить из ботинок воду еще час назад, но опасался, что если сядет, то уже не найдет сил, чтобы снова зашнуровать их и двинуться дальше.

Идти по этому берегу было труднее, ровного грунта почти не было – сплошь камни и крутые склоны.

Вошел в рощу высоких сосен.

Каменистый грунт сменился мягкой влажной почвой, покрытой толстым слоем опавшей сосновой хвои, и Итан подумал: «*Если дойдет до худшего, посплю здесь*». Место не идеальное – слишком близко к реке, нет лапника, чтобы прикрыться, и если кто-нибудь двинется по его следам, то уж мимо не пройдет. Зато кроны этих вековых сосен укроют его от непогоды хоть в какой-то степени.

Он бросил последний взгляд вокруг, уже решив, что если не увидит ничего поинтереснее, то остановится на ночлег прямо здесь.

Поглядел вверх по склону, ведущему к подножию утеса.

И заметил там что-то вроде темной заплатки.

Не думая, не рассуждая, просто начал восхождение.

Карабкаясь на четвереньках среди сосен, а потом, оставив их позади, по каменистой осыпи.

Все круче и круче.

Снова начал задыхаться от напряжения, пот опять заструился по лицу, от его соли защипало глаза.

Ближе к утесу осыпь стала более рыхлой, камни – мельче, и ноги съезжали на каждом шагу, словно он взбирался по песчаной дюне.

Добрался до утеса.

Тьма мало-помалу воцарялась снова, от луны среди туч остался лишь узенький серпик, воздух снова набряк ощущением возвращающегося дождя.

Вот она – черная заплатка на красном, которую он заметил от реки, оказавшаяся углублением в скале, уходящим вглубь на пять или шесть футов, гладким и сухим внутри, суля защиту от стихий.

Вскарабкавшись на карниз, он заполз внутрь.

Задняя стенка образовывала естественный уклон, и Итан привалился к ней, глядя на потемневший мир, обрамленный стенами этого миниатюрного алькова. С этой высоты река была не видна, и шум ее, порядком заглушенный расстоянием, спал до подобия громкого шепота.

По мере угасания лунного света сосновый лес по ту сторону реки мало-помалу погружался во мрак, снова окунув Итана в непроглядную темень.

Опять пошел дождь.

Сев, Итан трясущимися пальцами попытался расшнуровать ботинки, взятые у человека, которого прикончил в апартаментах. Ему потребовалось несколько минут, прежде чем наконец удалось распутать узлы и стащить ботинки. Вылив из каждого не меньше пинты воды, он стащил носки, слой за слоем, отжал их и разложил на скале для просушки.

Одежда промокла до нитки.

Итан стащил толстовку, футболку, джинсы, даже трусы. Провел десять минут, сидя в алькове нагишом и выжимая из одежды воду, пока вещи не стали просто влажными.

Обернул толстовку вокруг груди, футболку с длинными рукавами – вокруг ног и свернул джинсы в подобие подушки. Прилег на заднюю стену пещерки, повернулся на бок и закрыл глаза.

Так холодно ему не было еще ни разу в жизни.

Поначалу он опасался, что холод помешает ему уснуть; тело тряслось столь неистово в тщетных усилиях согреться, что ему пришлось ухватиться за рукава толстовки, чтобы та не сползла от сотрясений.

Но как бы ни силен был холод, изнурен Итан был куда сильнее.

Не прошло и пяти минут, как сон взял свое.

Глава 13

Правая лодыжка Итана закована в кандалы, цепь от которых тянется к рым-болту в полу.

Он сидит перед ветхим письменным столом, на котором лежат три предмета…

Чистый лист бумаги формата А4.

Черная шариковая ручка.

Песочные часы, в которых зерна черного песка неудержимо сыплются из одной колбы в другую.

Аашиф заявил Итану, что когда весь песок вытечет, он вернется, и если к тому времени написанное Итаном на бумаге не приведет его в восторг, тот умрет от линчи.

Но Итан понимает, что даже если бы он обладал специфическими, требующими высочайшего допуска сведениями о грядущем массированном наступлении, записал все даты, дислокации, объекты, подробности предполагаемой наземной атаки и поддержки с воздуха, этого будет все равно мало.

Мало будет всегда, сколько бы он ни написал; он умрет все равно, и умрет ужасной смертью.

Об Аашифе он не знает ровным счетом ничего, кроме голоса и этих карих глаз, в которых прозревает желание не добыть сведения, а причинить боль.

Маскировка под допрос – лишь прелюдия.

Ласки, заставляющие Аашифа стать твердым и влажным.

Он садист. Наверно, из «Аль-каиды».

Вися на запястьях под потолком камеры пыток, Итан каким-то образом отгородился от осознания этого в полной мере, но здесь, за столом, в одиночестве и безмолвии, оно обрушилось на него всей своей тяжестью.

Что бы он ни написал, чуть меньше чем через час его жизнь станет бесконечно хуже.

В комнате есть единственное окно, но оно заколочено толстыми досками.

Через тоненькие щели между ними пробиваются ослепительные лезвия иракского солнца.

Жара стоит обжигающая, пот выступает из каждой поры.

Гиперреальность момента становится просто невыносимой, ошеломив чувства Итана шквалом сенсорных впечатлений.

Собачий лай на улице.

Отдаленный детский смех.

За мили отсюда жутковатые, похожие на стрекот цикад автоматные очереди.

Жужжание мухи возле левого уха.

Аромат жарящегося где-то поблизости масгуфа[16].

Где-то в недрах этого сооружения кричит человек.

Никто не знает, что я здесь. Во всяком случае, никто из тех, кто мог бы мне помочь.

Мысли его переключаются на Терезу – как она там, дома, беременная, – но вынести шквал эмоций и тоски по дому в свете того, что ждет впереди, свыше его сил. Искушение проиграть в памяти их последний разговор – голосовой звонок через Интернет по СВЧ [17] *– чрезвычайно велико, но это его сломит.*

Нельзя в это углубляться. Пока нельзя. Разве что когда придут мои последние мгновения.

Итан поднимает ручку.

Нужно просто чем-нибудь занять мозги. Нельзя сидеть здесь, зациклившись на том, что меня ждет.

Потому что именно этого он и хочет.

Ради этого-то все и затевалось.

*** * ***

Вырвался из снов о войне.

Добрую минуту не мог сообразить, где находится, в одно и то же время дрожа и сгорая от лихорадки.

Сев, Итан пошарил в темноте вокруг себя. Пальцы наткнулись на каменные стены алькова, внутренний GPS обновил информацию, и ужас, ставший его жизнью, хлынул обратно.

Во сне он сбросил с себя вещи, и теперь они валялись как попало на камне рядом с ним, холодные и сырые. Расправив их, чтобы у них был хоть призрачный шанс просохнуть, Итан полз вперед, пока не уселся на краю алькова.

Дождь прекратился.

Ночное небо кровоточило звездным светом.

Он никогда не питал к астрономии ни малейшего интереса, но поймал себя на том, что ищет знакомые созвездия, гадая, с правильных ли мест светят те звезды, которые видны.

Это ли ночное небо я видел всегда?

В пятидесяти футах ниже рокотала река.

Итан бросил взгляд вниз по склону в сторону воды, и когда увидел ее, кровь у него заледенела.

Первой его реакцией было забиться обратно в пещерку, но он подавил это желание, опасаясь, что любое резкое движение привлечет внимание.

Сукины дети, они последовали за мной.

Все-таки переправились через реку.

Они были внизу, среди тех гигантских сосен у реки, так хорошо скрытые тенью, что Итан даже приблизительно не мог оценить их числа.

В темпе ленивца, дюйм за дюймом Итан отодвинулся обратно в глубь пещерки, опускаясь, пока не прижался грудью к леденящей скале, теперь выглядывая через край алькова.

Они скрылись в тени, и на минутку весь мир, кроме реки, затих и замер в полнейшей недвижности, так что Итан начал ломать голову, видел ли он вообще что-либо на самом деле. Учитывая, что ему пришлось пережить за последние пять дней, банальные галлюцинации выглядели бы желанным возвращением в здравый ум.

Тридцать секунд спустя они появились из тени сосен на каменной осыпи у подножия склона.

Что за черт?

Он был только один, и хотя ростом с человека, двигался не по-человечески, пробираясь по камням на всех четырех конечностях – безволосый и бледный в свете звезд.

Тут Итану бросилось в глаза, что пропорции его тела совершенно неправильные, руки вдвое длинней нормальных, и рот облепил металлический привкус – побочный продукт страха.

Тварь подняла голову, и даже с такого расстояния Итан без труда разглядел, что ее крупный нос устремлен к небу.

Нюхает.

Итан, извиваясь, отполз от входа как можно дальше обратно в альков, где скорчился, охватив колени руками, дрожа и напрягая слух в ожидании приближающихся шагов или хруста камней.

Но слышал лишь мурлыканье реки.

И когда рискнул выглянуть наружу в следующий раз, увиденное – или привидевшееся – уже скрылось.

*** * ***

В оставшиеся пару часов темноты сон бежал от него.

Он слишком замерз.

Слишком истерзан болью.

Слишком запуган всем пережитым, чтобы рискнуть снова смежить веки.

Он лежал на скале, очумев от одного стремления. Одной нужды.

Тереза.

Дома он часто просыпался среди ночи, чтобы ощутить ее руку на себе, ее тело, плотно прильнувшее к нему. Даже в труднейшие из ночей. Ночей, когда он приходил домой поздно. Ночей, когда они ссорились. Ночей, когда он предавал ее. Она вносила куда большую лепту, чем он хоть когда-либо. Она любила со скоростью света. Никаких колебаний. Никаких сожалений. Никаких условий. Никаких сомнений. В то время как он приберегал козыри и утаивал частичку себя, она бросала на кон всё без остатка. Всякий раз.

Бывают моменты, когда видишь любимых людей такими, как есть, без прикрас, без багажа проекций и совместных переживаний. Когда видишь их свежим взглядом, как чужой человек, выхватывая ощущение того первого раза, когда полюбил. До слез и бряцания оружия. Когда идеал еще был достижим.

Итан никогда не видел жену отчетливее, никогда не любил ее сильнее – даже в самом начале, – чем в этот момент, в этом холодном, темном закутке, воображая ее объятия.

*** * ***

У него на глазах померкли звезды, и солнце дохнуло на небо своим огнем, и когда оно наконец выбралось из-за гребня по-над рекой, Итан окунулся в лучи роскошного тепла, хлынувшего в его альков и раскалившего промороженный камень.

В свете нового дня он наконец узрел, какие повреждения получил, удирая из Заплутавших Сосен.

Руки и ноги усеивали синяки, окруженные черновато-желтыми разводами гематом, как мишени.

Левое плечо и правый бок испещрили колотые раны от ударов иглы медсестры Пэм.

Он размотал технический скотч, обнажив место на задней поверхности бедра, откуда Беверли вырезала микрочип. Давящая повязка успешно остановила кровотечение, но кожа вокруг раны воспалилась. Чтобы справиться с инфекцией, потребуются антибиотики и аккуратная работа иглой.

Итан провел ладонями по лицу, мысленно отметив, насколько чужим оно кажется даже на ощупь. Кожа вздулась, местами лопнула, а нос, дважды сломанный за последние двадцать четыре часа, отзывался на каждое прикосновение чудовищной болью. Щеки казались гофрированными из-за мелких порезов от ветвей, хлеставших по лицу, когда он бежал через лес, а на затылке набухла шишка – подарочек от одного из детишек, швырявшихся булыжниками.

Однако ничто не могло сравниться с ослепительной болью в мышцах ног, перегруженных сверх всякого предела прочности.

Неизвестно, хватит ли ему сил даже на элементарную ходьбу.

*** * ***

К середине утра, когда одежда достаточно просохла, Итан оделся, зашнуровал все еще мокрые ботинки и через край алькова сполз к подножию утеса.

Нисхождение к реке дало ему в полной мере вкусить той пытки, которую припас для него предстоящий день, и когда он добрался до берега, мышцы уже буквально вопили от боли.

Не имея никакого выбора, обреченный на отдых, Итан закрыл глаза, позволив солнечному свету омыть лицо, подобно теплой воде. На такой высоте над уровнем моря он оказался на диво концентрированным.

В воздухе разливался аромат сухой сосновой хвои, поджаривающейся на солнце.

Свежесть холодной чистой воды.

Прозрачный звук реки, торопливо струящейся через ущелье.

Перестук камней, увлекаемых течением.

Пронзительная синева небес.

Снова согревшись, Итан воспрянул духом, а пребывание среди девственной природы, несмотря ни на что, разбередило какие-то отзывчивые струны в глубине души.

Вчера ночью он был чересчур изможден, чтобы сделать хоть что-то, кроме того, чтобы неподвижно распластаться на камнях.

Теперь же голод вернулся.

Он выгреб из карманов морковку и расплющенный батон хлеба.

*** * ***

Снова поднявшись на ноги, Итан обшаривал окрестности, пока не нашел в ближней рощице сосновую ветку и отломал конец так, чтобы она смогла послужить посохом. Потратил несколько минут на растяжку, пытаясь избавить мышцы от парализующей боли, но все втуне.

Наконец он тронулся вверх по ущелью в темпе, который показался ему приемлемым, но минут через десять вчерашний травмирующий надрыв заставил его сбавить шаг.

Полмили показались всеми пятью.

С каждым шагом он все больше и больше налегал для опоры на посох, цепляясь за него, как за палочку-выручалочку, опираясь на него, как на единственную здоровую ногу.

* * *

Вскоре после полудня характер ущелья начал меняться, река все сужалась, пока не превратилась в ручей; сосны убыли и в росте, и в числе, расстояние между ними все увеличивалось, и попадавшиеся на пути были чахлыми и скрюченными карликовыми жертвами суровых зим.

Итану приходилось то и дело останавливаться, отдых уже отнимал больше времени, чем ходьба, отдышаться никак не удавалось, и пламя нехватки кислорода в легких по мере восхождения разгоралось все жарче.

* * *

На закате он распростерся на обросшем лишайниками валуне у того, что осталось от реки, – шестифутового стремительного потока, бурлящего в ложе, усеянном разноцветными камнями.

Прошло четыре или пять часов с тех пор, как он покинул альков, а солнце уже скользнуло за стену ущелья по ту сторону потока.

Как только оно скрылось, температура резко пошла вниз.

Итан лежал, глядя, как небо утрачивает краски, скукожившись от подползающего холода, проникаясь угрюмым осознанием, что больше ему не подняться.

Повернувшись на бок, он натянул капюшон на лицо.

Закрыл глаза.

Итан замерз, но хотя бы одежда была сухой. Он пытался навести порядок в роящихся мыслях и противоречивых эмоциях, а изнеможение подталкивало его к краю, за которым подстерегал бред, – а затем вдруг ощутил солнце, бьющее на капюшон.

Открыв глаза, сел.

Он по-прежнему находился на валуне у ручья, но уже настало утро, и солнце только-только заглянуло в ущелье поверх стены у него за спиной.

Я проспал всю ночь.

Дотащившись до ручья, он попил, и вода оказалась настолько ледяной, что заломило голову.

Съев морковку и немного хлеба, Итан с кряхтением поднялся на ноги и помочился. Как ни странно, чувствовал он себя намного лучше, боль уже не была столь всепоглощающей. Почти терпимой.

Он взял свой посох.

* * *

Стены ущелья начали смыкаться, ручеек обратился в тонкую струйку, а там и вовсе оборвался в роднике, дающем ему начало.

И едва журчание воды смолкло, тишина стала просто-таки оглушительной.

Ничего, кроме хруста камней под подошвами.

Одинокого вскрика птицы, пролетевшей в высоте.

Собственного тяжелого дыхания.

Стены по обе стороны от него стали круче, и вокруг уже ни деревьев, ни хотя бы кустов.

Лишь осколки камней, лишайники да небо.

* * *

К полудню Итан бросил свой посох, поневоле опустившись на четвереньки, карабкаясь вверх по все более крутому склону. Когда он свернул в излучину ущелья, поверх шороха потревоженных камней слуха достиг новый звук. Привалившись к валуну размером с малолитражку, Итан натужил слух, пытаясь вычленить этот шум среди собственного неровного дыхания.

Вот он.

Рукотворный.

Однородный.

Низкочастотный гул.

Любопытство повлекло его вперед, Итан ускорил восхождение, пока не обогнул поворот, за которым гул становился отчетливее с каждым шагом, наполняя душу предвкушением.

И когда наконец увидел это, ликование захлестнуло его жаркой волной.

Ущелье продолжало свое отвесное восхождение еще милю-другую, скальные стены венчали клыкастые пики и зубчатые гребни – ландшафт, в своей беспощадной жестокости казавшийся почти внеземным.

А в пятидесяти футах выше по склону высился сам источник гула – двадцатифутовый забор, увенчанный мотками колючей проволоки-егозы, протянувшись на шестьдесят футов поперек самой узкой части ущелья. Таблички на заборе предупреждали:

ВЫСОКОЕ НАПРЯЖЕНИЕ

ОПАСНО ДЛЯ ЖИЗНИ

и

ВОЗВРАЩАЙТЕСЬ В ЗАПЛУТАВШИЕ СОСНЫ

ДАЛЬШЕ ВАМ УГРОЖАЕТ СМЕРТЬ

Остановившись в пяти футах от заграждения, Итан подверг его тщательному осмотру. Забор сделан из проволочных секций с квадратными ячейками размером дюйма четыре каждая. Вблизи гул казался еще более зловещим, наделяя забор аутентичной аурой нешуточной угрозы.

Откуда-то поблизости тянуло тухлятиной, и Итану потребовались считаные секунды, чтобы отыскать взглядом источник зловония. Крупный грызун – вероятно, сурок – совершил фатальную ошибку, попытавшись проползти через один из квадратов у самой земли. Вид у него был такой, словно его поджаривали в микроволновке между проводами часов восемь. Обуглен дочерна. Какая-то несчастная птица – должно быть, вообразившая, что наткнулась на дармовое угощение, – совершила оплошность, попытавшись угоститься останками, и ее постигла та же участь.

Итан окинул взглядом стены ущелья.

Стены отвесные, но опору для рук найти можно, особенно с правой стороны; с виду вполне преодолимы для человека, у которого довольно и мотивации, и пороху, чтобы немного рискнуть.

Подобравшись к стене, Итан начал восхождение.

Скальная порода была не из лучших, и некоторые уступы на ощупь казались хрупкими, как трухлявое дерево, зато их было вдоволь, и располагались они достаточно тесно, чтобы ему не приходилось всем весом повисать на одном более чем на несколько секунд.

Вскоре он был уже в двадцати пяти футах от земли, нутром ощутив покалывающее чувство невесомости, когда колючая проволока-егоза гудела всего в нескольких футах от подошв его ботинок.

Вскарабкавшись на надежный скальный карниз, он осторожно пробрался бочком на запретную сторону забора. Высота кружила голову, но еще больше – реальность того, что он только что сделал, пересекая эту противозаконную границу.

Назойливое предчувствие в глубине рассудка упорно нашептывало, что он только что добровольно подверг себя чудовищной опасности.

* * *

Успешно совершив спуск к дну ущелья, Итан двинулся дальше, и гул ограды под током резко стих, как только его организм переключился в интенсивный, дезориентирующий режим повышенной бдительности. То же самое случалось с ним в Ираке – возросший уровень сенсорного восприятия всегда обрушивался на него в преддверии миссий, в конечном итоге летевших коту под хвост. Ладони сразу начинали потеть, частота пульса подскакивала, чувства слуха, обоняния, вкуса – все до единого – взвинчивались в форсаж. Он никогда никому не говорил, но когда потерял «Блэк Хоук» в Фаллудже, на самом деле знал о подлете выстрела из РПГ секунд за пять до взрыва.

За изгородью пошел очень пустынный край – сплошь растрескавшиеся, опаленные молниями скалы.

Пустой небосвод.

Отсутствие облаков лишь усугубляло настроение абсолютной заброшенности.

После пребывания в Заплутавших Соснах ощущение одиночества так далеко от остальных людей казалось каким-то сюрреалистическим. Но в темных закоулках сознания уже закопошилась грызущая новая тревога. Ущелье продолжало подниматься еще примерно на тысячу футов до высокого, продуваемого всеми ветрами гребня. Если силы не изменят, Итан сможет добраться до него к сумеркам. Проспать очередную долгую, зябкую ночь на камнях. Но что потом? Еда скоро закончится, и хотя желудок еще раздут от воды, выпитой перед тем, как ручей совсем исчез, нагрузки, через которые предстоит пройти его организму, снова иссушат его в два счета.

Но еще больше нависшей угрозы голода и жажды Итан боялся того, что таилось за этим дальним гребнем на вершине скального стока.

Если навскидку – мили и мили безлюдья. И хотя он и сохранил крохи знаний и навыков школы выживания, входившей в армейскую подготовку, если вникнуть, он избит в хлам и устал, как черт. Перспектива похода через эти горы обратно к цивилизации представлялась ему более чем обескураживающей.

А с другой стороны, что ему еще остается?

Возвращаться в Заплутавшие Сосны?

Да лучше замерзнуть здесь насмерть, чем хоть нос снова сунуть в этот городишко.

Итан пробирался через отрезок ущелья, загроможденный массивными валунами, осторожно перепрыгивая с камня на камень. Он снова слышал шум бегущей воды, но невидимый, недосягаемый поток скрывался в черных недрах под грудами валунов.

И тут высоко на левой стене ущелья что-то отбросило разящий солнечный блик.

Остановившись, Итан приставил ладонь козырьком ко лбу и с прищуром вгляделся в ослепительное мерцание. Со своего места в утробе ущелья он видел лишь, что это квадрат, металлическая поверхность очень высоко на стене, с пропорциями чересчур безупречными, чересчур точными, чтобы оказаться нерукотворным.

Итан перепрыгнул на следующий валун, теперь двигаясь куда быстрее, куда целеустремленнее, постоянно поглядывая вверх вдоль стены, но природа отражающей поверхности оставалась непостижимой.

Впереди ущелье выглядело более приемлемо; камни измельчали настолько, что можно будет пройти.

Итан уже подумывал, не предпринять ли восхождение к этому куску металла, когда ход его мыслей прервал стук упавшего камня.

На одно ужасающее мгновение Итану представился катящийся на него камнепад – тысячи тонн, рушащиеся вдоль стены, погребая его изувеченные останки.

Но звук раздался сзади, а не сверху, и, обернувшись, чтобы поглядеть туда, откуда пришел, Итан заключил, что какой-нибудь валун, на который он ступал и стронул с места несколько минут назад, теперь наконец перекатился в новое положение.

И все же жутковато было услышать еще хоть какой-то звук, кроме собственного тяжелого дыхания или хруста камней в непосредственной близости. Он уже совсем обвыкся с безмолвием этого уединенного стока.

Ущелье прекрасно просматривалось. Сперва Итан устремил взгляд на электрифицированный забор в четверти мили позади, но потом его привлекло какое-то движение куда ближе, в пределах сотни ярдов. Сначала он подумал, что это один из тех сурков, но существо пробиралось с камня на камень с невесомой кошачьей грацией, чуть ли не слишком быстро, и, прищурившись, чтобы видеть получше, Итан обнаружил, что у него совершенно нет шерсти. Существо выглядело альбиносом с бледной, млечной кожей.

Итан инстинктивно попятился, сообразив, что сильно недооценил размеры твари. Она двигалась не среди булыжника. Она перемещалась через поле огромных валунов, которое Итан только что покинул, откуда следовало, что она по размерам куда ближе к человеку и движется с устрашающей скоростью, почти не задерживаясь между скачками.

Запнувшись о камень, Итан снова подскочил на ноги, отчаянно хватая воздух ртом.

Зверюга подобралась уже настолько близко, что он слышал ее дыхание – пыхтение – и когти, цокающие по камню при каждом приземлении на валун, и каждый скачок приближал ее к Итану. Расстояние уже сократилось всего до пятидесяти ярдов, и в желудке у Итана закопошился какой-то тошнотворный жар.

Это то, что он видел позавчера ночью из этого алькова над рекой.

Это то, что являлось ему в снах.

Но что это за черт?

Как может существовать такая тварь?

Он двинулся через ущелье с такой скоростью, на какую не осмеливался во весь день, оглядываясь через шаг.

Тварь спрыгнула с последнего валуна, опустившись грациозно, как балерина, теперь припустив на всех четырех, стелясь у самой земли, как вепрь, и клекот ее хриплого дыхания стал громче, потому что она покрывала расстояние с такой пугающей быстротой, что Итан пришел к заключению, что обогнать ее не стоит и пытаться.

Он остановился и повернулся лицом к тому, что надвигалось, раздираемый попыткой переварить происходящее и просто подготовиться к выживанию.

Уже двадцать ярдов, и чем ближе она подбиралась, тем меньше нравилось Итану то, что он видел.

Короткий торс.

Длинные ноги и еще более длинные руки, каждая конечность вооружена черными когтями.

Фунтов сто десять, может, сто двадцать.

Мускулистая.

Жилистая.

А самое главное – человекообразная, с кожей, просвечивающей под светом солнца, как кожа новорожденного мышонка – испещренной сетью синих вен и пурпурных артерий; и даже сердце ее просматривалось, как розоватая пульсация чуть правее центра тяжести.

Когда их разделяло десять ярдов, Итан подобрался, а существо опустило свою маленькую голову для атаки с болтающимися в уголках безгубого рта струйками кровавой слюны, рыча и не сводя глаз со своей цели.

Смрад накатил на Итана за две секунды до столкновения – мерзкий, как гнилая плоть, сдобренная тухлой кровью.

Бросаясь вперед, оно испустило крик – до странности человеческий. Итан попытался отступить в сторону в самый последний миг, но оно предвидело это, выбросив одну из своих четырехфутовых рук, захватившую Итана вокруг талии, легко пронзив когтями толстую ткань толстовки и проткнув Итану бок.

Жгучая вспышка боли, а затем инерция твари сорвала его с ног, швырнув на камни с такой силой, что вышибла воздух из легких.

Пока Итан хватал ртом кислород, тварь атаковала.

С яростью питбуля.

Молниеносно.

С брутальной силой.

Итан едва успел вскинуть руки, чтобы защитить лицо от яростно гвоздящих пятипалых лап, вооруженных когтями, остротой не уступающими когтям ястреба, легко вспоровшими и одежду, и его кожу.

Тварь сумела за считаные секунды оседлать Итана, и когти на концах его ног впились в его икры, пригвоздив их к земле.

И посреди этого исступления Итан мельком узрел ее морду.

Громадные, кратерами зияющие ноздри.

Маленькие, непроницаемые глазки.

Кожа на безволосом черепе натянута так туго и настолько тонка, что видно, где черепные кости входят в зацепление, как фрагменты пазла.

Из десен торчат двойные ряды бритвенно-острых клыков.

Казалось, он сражался с бестией часами – время замедлилось, прирастая ужасающими дискретными рывками, – хотя на самом деле протекли считаные секунды. Боевая выучка Итана забарахталась, взвинчивая обороты, рассудок взял верх над страхом и замешательством, стараясь сокрушить охватившую его безумную панику. Чем опаснее и хаотичнее ситуация, тем яснее надо мыслить, оценивая, как ухитриться выжить, и пока что он в этом не преуспел. Позволил этой стычке подорвать бóльшую часть своих сил, и если он не возьмет в руки свой страх и контроль над энергией, то в ближайшие шестьдесят секунд лишится способности – и ментальной, и физической – хотя бы попытаться дать отпор.

Существо нанесло свой самый жестокий на данный момент удар, мучительно полоснув поперек живота Итана, пропоров ткань, кожу и тонкий слой жира на рельефном брюшном прессе Итана, под конец самыми кончиками когтей задев поверхность обнаженных мышц.

Как только оно уткнулось мордой в живот Итана, он почувствовал, как его зубы раздирают толстовку, и на него снизошло ужасающее понимание того, что чудовище пытается совершить на самом деле – выпотрошить его своими встроенными кинжалами и попировать прямо здесь, в ущелье, на глазах у живого, истекающего кровью Итана.

Он врезал твари в висок – удар неуклюжий, но крепкий.

Оторвав голову от живота Итана, та испустила злобный, скрежещущий рев.

А затем вскинула правую лапу, чтобы полоснуть Итана по шее.

Заблокировав выпад левой рукой, правую он опустил на землю, лихорадочно нашаривая пальцами какое-нибудь оружие.

В глазах твари полыхала неподдельная, чистейшая ярость.

Оторвавшись от живота Итана, ее чудовищная харя потянулась к его шее, ощерив клыки.

Оно вырвет мне горло.

Ладонь Итана нащупала булыжник, отчаянно перебирая по нему пальцами в попытке ухватиться покрепче.

Вложив в удар все силы, как никогда в жизни, он взмахнул тяжеленным камнем размером с пресс-папье, и тупой конец булыжника с хрустом врезался сбоку в голову чудища. Тварь качнулась, угольно-черные зрачки ее млечных глаз расширились, а челюсть отвисла будто в ошеломленном изумлении.

Итан не колебался.

Вскинув руку, он саданул камнем прямо в пасть, ощетинившуюся бурыми клыками, и зверюга, теряя зубы, отшатнулась, но Итан вдогонку за первым нанес второй – катастрофически сокрушительный удар по распяленному носу.

Тварь рухнула на землю, заливая ее темно-красной кровью из носа и вереща в остервенелом недоверии, слабо отмахиваясь когтями, лишенными и силы, и быстроты, не способными даже процарапать кожу.

Итан уселся на тварь верхом, одной рукой сокрушая ее гортань, а другой сжимая булыжник.

Семь ударов, дробящих череп, и наконец она перестала трепыхаться.

Отшвырнув перепачканный кровью камень, Итан повалился на бок, цедя длинные, глубокие вдохи, кожей чувствуя забрызгавшую лицо кровь и налипшие осколки костей.

Заставил себя сесть и задрать футболку.

Господи!

Он как будто вышел из ножевого боя, кровоточа во множестве мест по всему торсу из длинных, безобразных ран от этих когтей. Полоснувшие по животу причинили наибольший ущерб, пропахав на нем шестидюймовые борозды. На дюйм глубже, и внутренности вывалились бы наружу.

Итан поглядел на останки этого черт-знает-чего.

Даже не поймешь, с какого конца к этому подойти.

Он никак не мог избавиться от дрожи в руках, слишком уж много адреналина еще бурлило в организме.

Встал.

В ущелье снова воцарилось безмолвие.

Бросил взгляд вверх по ближайшей стене – этот таинственный металлический предмет по-прежнему сиял в лучах солнца. Наверняка не скажешь, но при взгляде с этого места похоже, что потребуется взобраться футов на восемьдесят-девяносто, да вдобавок, хотя Итан и не мог толком определиться с причиной, он чувствовал сильнейшее стремление покинуть дно ущелья как можно скорее.

Утерев с лица кровь рукавом футболки, Итан принялся снова пятиться от стены, чтобы лучше было видно. С минуту рассматривал все возможные пути восхождения по поверхности скал и наконец выбрал тот, который по ряду все более узких карнизов приведет его к основанию широкой расщелины, уходящей ввысь до самого предмета, вызвавшего его интерес.

Он двинулся к стене.

После встряски поединка тело было буквально наэлектризовано.

Будет хорошо дать выход этой энергии, потратив ее на восхождение.

Дотянувшись до первого карниза, Итан нашел пристойную зацепку и подтянулся.

Напряжение мышц брюшного пресса прошило мучительной болью, и тот факт, что оно будет неотъемлемым элементом почти каждого движения, только усугублял ситуацию.

Но Итан продвигался через боль.

В двадцати футах вверх по стене он нашел местечко на уступе, где можно было стоять без труда, и прислонился спиной к скале.

Прошли уже годы с тех пор, когда Итан занимался скалолазанием в последний раз, и насколько ему не хватает сноровки, стало ясно хотя бы по тому, какой трудной ценой дались эти первые двадцать футов. Он поднимался с помощью рук, вместо того чтобы использовать силу ног, и уже взмок насквозь; соленый пот затекал в каждую царапинку, каждый порез, каждую ссадину.

Осторожно шаркая ногами по карнизу, он снова развернулся к скале лицом и поставил на нее ладони. Карниз находился в тени, и камни были холодны, как лед. С земли следующий отрезок представлялся довольно незамысловатым – масса хороших зацепок для рук и выступов, подходящих для восхождения. Но теперь, на высоте двадцати футов над дном ущелья и на почти отвесном склоне, выступы уже не выглядели столь уж удобными, а расстояние до следующего карниза – где можно будет выкроить минутку для отчаянно необходимой передышки – никак не меньше тридцати футов.

Закрыв глаза, Итан сделал два глубоких вдоха в попытке вернуть пульс к норме.

Ты можешь. Ты должен *это сделать.*

Он захватил выступ в футе над головой – самый маленький из пока попадавшихся – и ступил на чуть покатую поверхность, которую усеивало ровно столько каменной крошки, чтобы обеспечить подошвам ботинок сцепление на несколько секунд.

Чувствуя, как страх подскочил на несколько делений, Итан карабкался, пока не оказался выше второго карниза, пытаясь игнорировать голосок, занозой засевший где-то в глубине сознания, нашептывающий, что он уже покинул территорию сломанных ног и спин, взмыв до высот того уровня, где любая ошибка означает смерть.

Он все более рискованно опирался руками и ногами на все более миниатюрные выступы.

Поначалу он колебался между каждым движением, проверяя и перепроверяя каждую зацепку, но теперь отказался от этого. Ноги уже начали время от времени самопроизвольно напрягаться – предвестье судорог. Если его скрутит здесь, на стене, на том все может и закончиться.

Так что он взбирался во всю прыть, на какую был способен, используя каждую попавшуюся более-менее приличную зацепку, стараясь найти утешение в увеличении расстояния до дна ущелья, уверяя себя, что уж если упадет, будет куда лучше просто погибнуть, потому что сломанная нога или спина в этом богом забытом безлюдье равнозначна медленной, мучительной смерти.

И все же, чем выше он взбирался, тем крепче сжимались тиски ужаса. Итан боролся с желанием посмотреть вниз, но не мог устоять перед патологической тягой знать, насколько далеко до земли.

Правая рука наконец дотянулась до третьего карниза.

С надсадой подтянувшись, Итан закинул левое колено на уступ.

К моменту, когда он осознал, что для левой руки нет ни единой явной зацепочки, путь назад уже был отрезан.

Потянулась бесконечная секунда, пока Итан болтался в воздухе, закинув одно колено на карниз, а центр тяжести медленно отстранял его от стены, увлекая в зияющую внизу жуткую пустоту.

Он заметался в полнейшем отчаянии, скребя обеими руками по скале, и левая наконец уцепилась за крохотный выступ на уровне груди.

Мгновение Итан не знал, хватит ли этого, чтобы преодолеть силу гравитации, влекущую его назад, и притянуть себя обратно на карниз, сдирая пальцы в кровь с побелевшими от усилия костяшками.

Наконец прервав движение назад, он самыми кончиками пальцев потянул себя вперед, пока не уперся лбом в стену.

Ему потребовалось собрать все силы, чтобы закинуть наверх правую ногу и встать на скальной полочке.

Этот карниз оказался вполовину у́же предыдущего, и пятки висели над пропастью.

Тут не то что не сядешь, тут даже простоять достаточно долго просто невозможно.

Трещина в стене, ведущая остаток пути до металлического объекта, начиналась чуть выше его. С виду достаточно широка, чтобы Итан смог втиснуться внутрь, если сумеет вскарабкаться туда, но сил, чтобы попытаться подтянуться туда прямо сейчас, у него уже не осталось.

Он чуть не погиб, и тело от головы до пят до сих пор тряслось.

Вопль заставил его встрепенуться, забыв о страхе.

Итан озадаченно поглядел с высоты пятидесяти футов на дно ущелья.

Он же разнес этой твари череп вдребезги.

Как же, черт…

Минуточку.

Она не шевелилась, да и рта, чтобы издать подобный звук, у нее не осталось.

Как только ущелье огласил следующий вопль – на сей раз чуть более басовитый, эхом заметавшись между стен, Итан перевел взгляд назад, к электрифицированному забору.

О господи!

Существ было пятеро. Они двигались вверх по ущелью строем, почти напоминающим боевой порядок эскадрильи, взбираясь по этому полю громадных валунов быстрыми, элегантными скачками.

Итан прижался спиной к стене, стараясь устроиться как можно надежнее.

Вожак стаи выскочил с поля валунов во весь опор, скоростью не уступая собаке, но добравшись до твари, убитой Итаном, резко остановился и опустил голову к земле, обнюхивая раздробленный череп сородича.

Когда другие приблизились, он запрокинул свою морду к небу, испустив долгий, надрывный стон горя, напоминающий волчий вой.

Подоспели четверо остальных, и через десять секунд все они выли, будто хор плакальщиков. Итана, недвижно застывшего на карнизе, прислушиваясь, словно морозом продрало; пот стыл на коже, и он всем лицом ощутил кровь этой твари, засохшую на его теле, будто крохотные струпья.

Он пытался постичь то, что видел и слышал, но объяснения этому не находил.

Все это выходило за рамки его опыта – а возможно, и воображения.

Закончив выть, звери обернулись друг к другу и пообщались на самом странном языке, который Итан когда-либо слышал.

Словно чудовищные птицы – их короткие, резкие возгласы напоминали потустороннее чириканье.

Итан покрепче ухватился за скалу, преодолевая головокружение, мир под ним словно покосился.

Теперь вся пятерка обнюхивала землю вокруг трупа – задрав ляжки, уткнув морды между камнями.

Итан изо всех сил старался не запаниковать, когда на него вдруг снизошло озарение, пока он стоял в высоте над монстрами – когда они уйдут, он попросту не сумеет спуститься обратно. Даже с этого карниза. Единственный путь по этой стене, где он так безрассудно откусил куда больше, чем способен проглотить, – только вверх.

Внезапно одно из существ коротко тявкнуло тонким, пронзительным верещанием.

Остальные кинулись к нему, столпившись вокруг и лихорадочно защебетав, а затем самое крупное из своры – в добрых два раза крупнее того, которое напало на Итана, – ринулось вперед, опередив остальных, по-прежнему уткнувшись носом в землю.

И лишь когда оно достигло подножия скалы, Итана наконец осенило.

Мой след.

Потыкавшись носом в камень, существо поднялось на задние ноги.

Медленно попятилось…

…и поглядело вверх, прямо на Итана.

Они идут по моему следу.

В ущелье воцарилась тишина.

Пять пар млечных глаз разглядывали Итана на карнизе.

Он собственными ушами услышал, как сердце колотится в его груди, будто кто-то пытается пробиться наружу из комнаты с мягкими стенами.

Одна и та же мысль закрутилась у него в голове по замкнутому кругу…

Способны ли они лазать по скалам?

Словно в ответ, крупная зверюга, первой напавшая на его след, вздыбилась на задние лапы и совершила с места пятифутовый прыжок.

И прильнула к стене, будто та была покрыта липучкой, впившись остриями когтей в крохотные трещинки в скале, воспользоваться которыми Итану нечего было и думать.

Бестия посмотрела вдоль поверхности скалы на Итана, а остальные тем временем тоже попрыгали на стену.

Итан поглядел на трещину над головой, шаря вокруг взглядом, пока не углядел более или менее приемлемый выступ, чтобы ухватиться, почти в пределах досягаемости.

Прыгнул, ладонью охватив гроздь острых темных кристаллов, слыша цокот когтей по скале, неумолимо приближающийся к нему.

Пошарив по стене, захватил другой рукой ровную поверхность внутри трещины и, подтянувшись, одолел остаток расстояния до основания желоба.

Там было тесно, менее трех футов в поперечнике, но Итан уперся подошвами в стены, обеспечив достаточное давление, чтобы удержаться на весу.

Бросил взгляд вниз.

Великан уже добрался до второго карниза, взбираясь быстро, бесстрашно, не выказывая ни малейших признаков утомления.

Остальные от него не отставали.

Итан переключил внимание наверх – закрытый с трех сторон желоб. Не так уж много зацепок для рук, но, пожалуй, враспор пройти можно.

Он начал восхождение, и близость скальных стен создавала желанное, хоть и ложное ощущение безопасности.

Каждые пару футов он бросал взгляд вниз между ног, и хотя обзор теперь заслоняли окружающие его скалы, передняя тварь была по-прежнему видна, без усилий карабкаясь от второго карниза к третьему по отрезку стены, давшемуся Итану нелегкой ценой.

Двадцать футов вверх по расселине, семьдесят над дном ущелья, мышцы ног уже пылают.

Совершенно непонятно, сколько еще надо подыматься, чтобы добраться до этого куска металла, который в первую голову на него все это и навлек. С другой стороны, находись Итан в ущелье, когда показались эти твари, сейчас они уже доедали бы его. Так что, если вдуматься, этот бликующий металл, спровоцировавший Итана на самонадеянное восхождение, если и не спас ему жизнь, то по меньшей мере продлил ее.

Монстр добрался до третьего карниза, ни мгновения не мешкая ради отдыха или обдумывания следующего шага, и прыгнул с узкого скального уступа вверх. Единственный коготь на его левой передней конечности уцепился за один квадратный миллиметр поверхности внизу расселины, и зверь, продемонстрировав свою брутальную силу, подтянулся на одной лапе и втиснулся в желоб.

Итан встретился взглядом с монстром, начавшим подниматься, используя для этого столь незначительные выступы, что Итан их попросту игнорировал, и притом по меньшей мере вдвое быстрее, чем под силу Итану.

Не осталось ничего, как продолжить карабкаться вверх.

Он одолел еще пять футов.

Десять.

Монстр был уже в двадцати пяти футах – настолько близко, что Итан видел розовую пульсацию его массивного сердца, скрытого под кожей, будто за толстым матовым стеклом.

Еще десять футов – и расселина вывела к гладкой, вертикальной, устрашающей стене.

Ближе к верху опоры для рук выглядели лучше, а если продолжить восхождение враспор, глазом не успеешь моргнуть, как эта тварь уже настигнет его.

Итан начал перехватывать руками, буквально пробежав последние десять футов по вертикали.

Уже у самого верха одна из зацепок подалась, и он чуть не потерял равновесие.

Удержался в самый последний момент.

Почувствовал ветер, врывающийся в желоб.

Заметил что-то, бликующее на солнце, прямо над собой.

Оцепенел.

Посмотрел вниз.

Он едва не прошляпил спасительный шанс.

Монстр был уже в пятнадцати футах, еще два следовали за ним вплотную уже в расселине, и тут Итан потянулся вниз, к находящейся на расстоянии вытянутой руки расшатанной зацепке, едва не стоившей ему жизни.

Выломал кусок скалы из его гнезда и поднял над головой.

Камень оказался с кулак, даже больше, чем думал Итан, – два фунта гранита с прослойками кварца.

Расклинив тело между стенами желоба, он прицелился и метнул камень вниз.

Камень попал твари ровнехонько в центр морды в тот самый миг, когда она потянулась к новой зацепке.

Хватка ее разжалась.

И она рухнула вниз по желобу.

Царапая когтями по скале.

Скорость ее была чересчур высока, чтобы удержаться.

Тварь налетела на следующую с такой скоростью, что сбила ее, и они вдвоем рухнули на третью, а потом все три верещали две долгие секунды, вылетев из расселины, отскочив от третьего карниза и устремившись к камням внизу, где врезались в землю путаницей изломанных конечностей и разбитых черепов.

Итан выбрался из желоба, щурясь от ослепительного сверкания – теперь всего в паре футов над головой.

От дна ущелья его отделяло не меньше сотни футов. Желудок скрутило тошнотой. Со своего нового наблюдательного пункта он теперь увидел, что противоположная стена возносится еще на пятьсот или шестьсот футов, оканчиваясь бритвенно-острым гребнем, который и сам по себе выглядел непреодолимым.

Если эта стена такая же, вполне можно бросаться вниз прямо сейчас, потому что его не хватит еще на одну сотню футов, не говоря уж о пяти сотнях.

Две твари, оставшиеся на стене, ощерились на него, лязгая зубами в бессильной ярости. Вместо того чтобы вслед за другими двинуться по желобу, они полезли вдоль расселины, по одной с каждой стороны – путь более медленный, зато они все еще живы и уже в тридцати футах ниже Итана.

Потянувшись вверх, он схватился за уступ под сверкающим металлом, уперся обоими локтями в самую широкую скальную полку из попадавшихся и подтянулся, практически уткнувшись лицом в стальную решетку вентиляции, выступающую над скалой на несколько дюймов – квадратную, примерно двадцати четырех дюймов шириной, а прямо за ней вращались против часовой стрелки лопасти вентилятора.

Когти цокнули по скале под ним.

Итан ухватился за решетку по бокам и потянул.

Та, крепко приваренная к вентиляционной трубе, даже не шелохнулась.

Встав на карнизе, Итан шарил ладонями по поверхности стены, пока не наткнулся на то, что искал, – большой, двадцатифунтовый клин гранита, будто нацеленный на падение.

Подняв его, грохнул им по решетке вдоль стыка с трубой.

Шов лопнул, верхний левый угол решетки отскочил.

Твари уже были в десяти футах под ним – настолько близко, что на него пахнуло гнилостным духом их прошлой добычи, будто неким дикарским одеколоном.

Он снова поднял камень, с сокрушительной мощью обрушив его на правый угол.

Решетка отлетела, с лязгом закувыркавшись вниз вдоль скалы, по пути отлетев от выступа и едва не ударив одну из бестий.

Теперь от темноты вентиляционной шахты Итана отделяли лишь вращающиеся лопасти вентилятора воздухозаборника.

Ахнув по ним камнем, он резко остановил вращение лопастей.

Три крепких удара совсем отделили винт от оси, и Итан, ухватившись за лопасти, с размаху швырнул его со скалы.

Снова подхватив камень, поднял его повыше и обрушил на ближайшую тварь, как только ее когти уцепились за карниз.

Та с верещанием полетела в пропасть.

Ее товарка, взглядом проводив ее до земли, снова подняла глаза на Итана.

– Ты следующая, – с усмешкой бросил он.

Зверюга разглядывала его, склонив голову набок, словно понимала или, по меньшей мере, хотела понять его. Она прильнула к скале чуть ниже уступа, буквально на расстоянии вытянутой руки. Итан ждал, когда бестия сделает ход, но она удерживала позицию.

Развернувшись, Итан обшарил скальную стену в пределах досягаемости на предмет еще одного плохо держащегося осколка, но остался с пустыми руками.

Когда он обернулся, чудовище все еще висело на стене.

Прочно там обосновавшись.

Итан прикинул, не забраться ли повыше, пока не удастся отыскать другой приличный камень.

Скверная идея. Чтобы вернуться на этот карниз, придется сползать вниз.

Присев на корточки, Итан расшнуровал левый ботинок, стащил его с ноги, а затем проделал то же самое с правым.

Подержал на весу – не столь солидно, как камень, но, пожалуй, сгодится. Взяв ботинок за каблук, разыграл выразительную пантомиму, отводя руку назад и глядя чудищу прямо в бельма глаз.

– Ты ведь знаешь, что будет, не так ли?

Итан изобразил бросок.

Тварь не отшатнулась, сорвавшись со скалы, как он надеялся, а только плотнее прижалась к стене.

Следующий бросок был уже не ложным, но Итан вложил в него столько сил, что ботинок пролетел у твари над головой, без помех полетев на дно ущелья.

Он поднял второй ботинок, прицелился, метнул.

Прямо по харе.

Отскочив, ботинок закувыркался в воздухе, а бестия, все так же уцепившись за стену, поглядела на Итана и зашипела.

Всем своим видом олицетворяя убийственные намерения.

– Как, по-твоему, долго ли ты продержишься? – спросил Итан. – Должна же ты уставать. – Он наклонился, сделав вид, что протягивает руку. – Я помогу тебе одолеть остаток пути. Только доверься мне.

От взгляда твари по коже бегали мурашки – явный интеллект, тем более пугающий, что даже не поймешь, насколько далеко он простирается.

Итан уселся на камни.

– Я буду сидеть здесь, – заявил. – Пока ты не упадешь.

Он смотрел, как бьется ее сердце.

Смотрел, как она мигает.

– Ну, ты урод, настоящий ублюдок! – хмыкнул Итан. – Извини. Не мог удержаться. Это из кино[18]. А если серьезно, что ты за черт?

Так проползли пятнадцать минут.

Близился вечер.

Солнце начало клониться к западу, дно ущелья уже погрузилось во мрак.

На скалах стало холодно.

Над головой проплыли несколько облачков, но совсем несущественные, вскоре растворившиеся в этой кристальной голубизне, как запоздалые сожаления.

Все пять когтей левой передней конечности твари затряслись мелкой дрожью, дребезжа по микроскопическим зацепкам, и выражение ее глаз как-то изменилось. По-прежнему уйма остервенения, но теперь добавилась частичка… страха?

Голова зверя повернулась, озирая всю поверхность скалы в пределах досягаемости.

Итан, уже проделавший ту же инспекцию, пришел в точности к тому же выводу.

– Ага, так и есть, дружок. Этот карниз. Мой карниз. Твой единственный вариант.

Тремор распространился на ее правую ногу, и Итан уже открыл было рот, чтобы предложить твари просто сдаться, когда она вспрыгнула со своего насеста, подскочив на три фута и одновременно взмахнув правой лапой по широкой плоской дуге.

И порвала бы Итану лицо, но он пригнулся – когти лишь задели его макушку – и встал на обе ноги в готовности пинком сшибить зверюгу со скалы.

Но этого и не потребовалось.

В таком ослабленном состоянии у нее не было ни шанса дотянуться до карниза – она просто воспользовалась последней возможностью утащить Итана за собой в пропасть.

Очевидно, падение не стало для нее сюрпризом, потому что тварь не издала ни звука, не размахивала конечностями. Просто таращила бельма на Итана, устремляясь во мрак дна ущелья, храня полнейшую неподвижность, будто совершая высотный прыжок.

Совершенно смирившись со своей участью – а может, даже умиротворенно.

Глава 14

Вчера она не переступала порога своей комнаты.

Даже не вставала с постели.

Готовилась к его гибели.

Знала, что та неминуема.

И все равно, день, взошедший над миром, где нет Итана, едва не убил ее. Почему-то свет сделал все реальным. Люди на утренних прогулках. Даже стрекот сорок в кормушке на боковом дворе. Это продолжение хода вещей сокрушило ее и без того разбитое сердце. Шестеренки мироздания продолжали вращаться, а ей досталась лишь утрата, застрявшая в груди, как черная опухоль, горе столь безмерное, что она едва находила силы дышать.

Сегодня рискнула выйти и теперь в тупом онемении сидела под лучами солнца на мягкой траве заднего двора. Взирала на окружающие горные стены часами, наблюдая, как свет движется по ним, и пытаясь не думать вообще ни о чем.

Из созерцания ее вырвал звук приближающихся шагов.

Она оглянулась.

К ней шел Пилчер.

За время своего пребывания в Заплутавших Соснах она встречалась с этим человеком не раз и не два, но ни разу с ним не заговаривала – ее предупредили на сей счет с самого начала. Они не перемолвились даже словом с той дождливой ночи пять лет назад в Сиэтле, когда он явился к ней на порог с самым бредовым предложением на свете.

Пилчер сел рядом с ней на траву. Сняв очки, пристроил их на колене и сказал:

– Мне сказали, вы пропустили свой трудодень в кооперативе.

– Я не выходила из дома двое суток.

– И чего вы намерены этим добиться? – осведомился он.

– Не знаю. Но я не вынесу человеческих взглядов. Конечно же, мы не сможем о нем говорить, но я буду видеть жалость в их глазах. Или, что хуже, меня станут игнорировать. Вести себя как ни в чем не бывало. Будто его и не существовало вовсе. Я даже сыну не сказала о смерти его отца. Даже не знаю, с чего начать.

Скоро вечер.

На небе ни облачка.

Ряд осиновых саженцев, отделяющих ее задний двор от соседского, за ночь позолотился, их круглые листья залепетали на ветру. Она слышала перестук деревянной китайской музыки ветра на заднем крыльце у двери. Именно в такие моменты – безупречный облик, прикрывающий реальность, которой ей никогда не узнать, – она и боялась, что однажды это доведет ее до безумия.

– Вы тут славно устроились, – заявил Пилчер. – Проблемы с Итаном были нужны мне меньше всего. Надеюсь, вы верите.

Она поглядела на Пилчера, заглянула прямо в его черные глаза и отозвалась:

– Я не знаю, чему верить.

– Ваш сын в доме?

– Да, а что?

– Я хочу, чтобы вы пошли внутрь и забрали его. Я припарковал машину перед домом.

– Куда вы нас везете?

Он покачал головой.

– Вы не причините Бенджамину вреда?

Пилчер вскарабкался на ноги.

Поглядел на нее сверху вниз.

– Если бы я хотел причинить вам вред, Тереза, то взял бы вас с сыном посреди ночи, и только бы о вас и слышали. Но вам это уже известно. А теперь ступайте за ним. Встретимся снаружи через две минуты.

Глава 15

Итан вглядывался в воздуховод.

Втиснуться будет трудновато, а в толстовке, наверно, и невозможно.

Вытащив руки из рукавов, стянул ее через голову и швырнул с карниза. Голые руки мгновенно покрылись гусиной кожей. Прикинув, что отталкиваться придется в основном ногами, решил снять и носки, чтобы подошвы не проскальзывали.

Сунул голову в трубу.

Поначалу плечи не проходили, но поизвивавшись с минуту, он наконец втиснулся внутрь до половины, вытянув руки перед собой, а дальше принялся толкаться ногами, чувствуя пальцами леденящее прикосновение тонкого металла.

Когда он оказался в воздуховоде целиком, его вдруг накрыла волна паники. Почувствовал, что не может вдохнуть, с плечами, стиснутыми между двумя стенками, вдруг сообразив, что назад выбраться уже невозможно. Во всяком случае, не вывихнув обеих рук в плечевых суставах.

Его единственным методом продвижения стали ерундовые толчки пальцев ног, причем без заднего хода.

Он пополз вперед на цыпочках – в буквальном смысле, – скользя по поверхности воздуховода.

Продолжая кровоточить.

С бунтующими после восхождения мышцами и нудящими нервами.

Впереди – ничего, кроме непроглядной тьмы и туннеля, реверберирующего эхом его шарканья.

Да и то, пока он не останавливался.

Тогда воцарялась идеальная тишина, лишь изредка прерываемая звучными ударами, от которых у него сердце прямо подпрыгивало, – последствия перераспределения напряжений в металле, расширяющемся или сокращающемся в ответ на температурные флуктуации.

Минут через пять Итан попытался бросить взгляд назад, к отверстию, испытывая отчаянную потребность в последний раз увидеть свет – эту капельку утешения, – но не мог вывернуть шею достаточно далеко, чтобы оглянуться.

*** * ***

Он полз и полз, и полз.

Стиснутый со всех сторон в полнейшей темноте.

В какой-то момент – может, через тридцать минут, может, через пять часов, может, через сутки… он был вынужден остановиться.

Пальцы ног свело от напряжения.

Он распластался по металлу.

Дрожа.

Испытывая безумную жажду.

Зверски голодный и неспособный добраться до пищи в кармане.

Слышал собственное сердце в груди, бьющееся о металл, – и больше ничего.

*** * ***

Он спал.

Или потерял сознание.

Или на минуточку умер.

Снова придя в себя, неистово забился о стены воздуховода, утратив ориентацию в пространстве и даже во времени, видя перед широко распахнутыми глазами лишь бездонную тьму.

На одно ужасающее мгновение подумал, что его похоронили заживо, и трубный звук собственного участившегося дыхания, будто чей-то вопль, ворвался ему прямо в уши.

*** * ***

Он полз будто много дней напролет.

Глаза начали блажить, устраивая странные световые представления, появлявшиеся тем чаще, чем дольше он пребывал в темноте.

Яркие всполохи цветов.

Воображаемые северные сияния.

Навязчивое сияние черноты.

И чем дольше он полз в этой удушающей темноте, тем агрессивнее грызла его мысль, что все это нереально.

Нет ни Заплутавших Сосен, ни ущелья, ни тех тварей, ни даже тебя.

Так что же это? Где я?

В длинном темном тоннеле. Но куда, по-твоему, он ведет?

Не знаю.

Кто ты?

Итан Бёрк.

Нет, кто *ты?*

Отец Бена. Муж Терезы. Я живу в пригороде Сиэтла под названием Квин-Энн. Я был пилотом вертолета «Блэк Хоук» во время второй войны в Заливе. После этого – агентом Секретной службы. Семь дней назад я прибыл в Заплутавшие Сосны…

Это просто факты. Они ровным счетом ничего не говорят о твоей личности, о твоей природе.

Я люблю свою жену, но я ей изменял.

Это славно.

Я люблю своего сына, но редко бывал с ним. Просто далекая звезда на его небосводе.

Еще лучше.

У меня добрые намерения, но…

Но что?

Но всякий раз я терплю крах. Я причиняю боль тем, кого люблю.

Почему?

Не знаю.

Ты теряешь рассудок?

Порой мне кажется, что я по-прежнему в той камере пыток, что я так и не покидал ее.

Ты теряешь рассудок?

Это ты мне скажи.

Не могу.

Почему?

Потому что я – это ты.

* * *

Поначалу он подумал, что это лишь очередное фантомное световое представление, но оно было лишено хаотических переливов цвета. Никаких оптических фейерверков.

Просто незатухающая искорка голубизны где-то далеко впереди, блеклая, как умирающая звезда.

Когда он закрыл глаза, она исчезла.

Когда открыл, она появилась снова, будто единственная крупица здравомыслия, уцелевшая в этом клаустрофобическом мире. Просто точечка света, но в его силах заставить ее исчезать и появляться, и даже этот гран контроля стал опорой.

Якорем. Гаванью.

Пожалуйста, думал Итан. *Будь реальной*.

* * *

Тусклая голубая звездочка стала больше, и с ее ростом пришел тихий гул.

Итан остановился отдохнуть, и легкая вибрация, теперь прошивающая воздуховод, проходила через него.

После многих часов во тьме это новое ощущение казалось таким же успокоительным, как биение сердца матери.

* * *

Еще некоторое время спустя голубая звезда изменила форму, став крошечным квадратиком.

Этот квадратик рос, пока не заполнил все поле зрения Итана, разбередив в груди сосущее чувство предвкушения.

Затем оказался в десяти футах впереди.

Затем в пяти.

Затем руки Итана протянулись наружу из отверстия трубы, хрустя плечами, и вновь обретенная свобода движения оказалась сладостной, как, наверное, будет вода.

Зависнув в конце воздуховода, он выглянул в трубу вдвое шире, пересекающуюся с другими.

Главную вентиляционную шахту наполнял неяркий голубоватый свет – от лампы далеко внизу.

А на самом дне Итан увидел воздухозаборник.

До его лопастей около сотни футов по вертикали.

Как будто смотришь в колодец.

С интервалами в десяток футов к главной шахте примыкали другие трубы – некоторые существенно шире.

Итан поглядел наверх. Потолок всего в двух футах у него над головой.

Блин.

Он понял, каким будет его следующий шаг, каким он должен быть, – и он Итану не понравился.

*** * ***

Итан выдрался из воздуховода с помощью той же техники, в которой восходил по расселине – встав враспор, упираясь ногами в противоположные стенки.

Голые подошвы держались на металле довольно прилично, и, несмотря на угрозу при малейшей ошибке сорваться навстречу вращающимся лопастям, у него чуть ли не кружилась голова от счастья, что удалось выбраться из этой тесной трубы.

*** * ***

Он спускался мучительно медленными шажочками, по одному за раз, при опускании ног продолжая крепко упираться в стенки руками, потом снова перенося давление на пальцы ног.

Спустившись футов на сорок, передохнул в устье первой же встреченной большой горизонтальной трубы, сидя на краю, свесив ноги, глядя на крутящиеся лопасти и доедая остатки моркови и хлеба.

До того он был так сосредоточен на выживании, что лишь теперь догадался задуматься, каким же целям может служить вся эта инфраструктура.

Вместо того чтобы продолжить путь вниз, он бросил взгляд за спину, в горизонтальную шахту, и увидел, что тьму через равные промежутки нарушают световые панели, уходящие вдаль, сколько видит глаз.

Повернувшись, Итан стал на четвереньки и прополз по металлу двадцать футов вперед, пока не достиг первой светящейся панели.

Остановился у края, ощутив, как всколыхнулось в груди волнение с привкусом страха.

Это оказалось вовсе не световой панелью.

А вентиляционной решеткой.

Поглядев сквозь нее, Итан увидел плиточный пол в шашечку.

Воздух, врывающийся сквозь решетку, нес приятное тепло океанского бриза посреди июля.

Долго-долго Итан ждал.

Наблюдая.

Ничего не происходило.

Слышался шелест движущегося воздуха, его собственного дыхания, металла, деформирующегося от температурных напряжений, – и больше ничего.

Итан взялся за рамку решетки.

Легко снял – на месте ее не удерживали ни винты, ни гвозди, ни сварка.

Отложив решетку в сторону, взялся за края отверстия и попытался собраться с духом, чтобы спуститься.

Глава 16

Итан опускался из воздуховода, пока его босые подошвы не коснулись черно-белых клеточек плитки. Он стоял посреди длинного пустого коридора. Слышались гудение люминесцентных ламп и негромкий посвист воздуха в трубе над головой, но больше ни звука.

Он двинулся вперед, негромко шлепая босыми стопами по плиткам.

В коридор через каждые двадцать футов выходили двери с номерами, и одна из дверей впереди была самую чуточку приоткрыта, бросая на пол полоску света изнутри.

Итан дошел до нее – номер 37 – и положил ладонь на дверную ручку.

Прислушался.

Ни голосов. Ни движения. Ничего такого, что могло бы его отпугнуть.

Приоткрыв дверь еще на дюйм, он заглянул внутрь.

Единственная металлическая койка у дальней стены, идеально заправленная. Стол, украшенный фотографиями в рамках и тюльпанами в вазе. Итан окинул взглядом книжный стеллаж от пола до потолка, репродукцию Матисса, мольберт. Рядом с дверью на крюке в стене висел махровый халат с парой розовых шлепанцев-кроликов под ним.

Итан двинулся по тихому коридору.

Ни одна из дверей не была заперта, и каждая, которую он рискнул открыть, демонстрировала примерно такой же минималистический жилой интерьер, как и первая, оживленный несколькими яркими штрихами индивидуальности.

Через солидное расстояние коридор наконец окончился лестничной площадкой, и теперь Итан стоял на верху лестницы, ведущей вниз, насчитав четыре пролета сверху донизу.

Табличка на стене гласила *4-й этаж*.

Итан крадучись спустился на следующую лестничную площадку, которая вывела его в очередной коридор, с виду точь-в-точь такой же, как находящийся наверху.

Внезапно в коридоре раскатился резкий, громкий смех.

Толкнув Итана обратно на лестницу и подзуживая к бегству.

Он уже прикидывал, не вернуться ли на четвертый этаж, где с помощью стула из какой-нибудь комнаты забраться обратно в вентиляцию. Но смех смолк, и по истечении доброй минуты коридор по-прежнему оставался пуст.

Итан прокрался по нему тридцать футов, наконец остановившись перед парой дверей, распахивающихся в обе стороны, с маленьким окошком в каждой.

Группа из трех мужчин и двух женщин занимала один из дюжины столов в скромном кафетерии, и от донесшихся ароматов горячей пищи в животе у Итана заурчало.

– Ты же знаешь, что это неправда, Клэй, – заметила одна из женщин, нацелив на собеседника вилку с чем-то вроде картофельного пюре на конце.

Итан двинулся дальше по коридору.

Прошел прачечную.

Комнату отдыха.

Библиотеку.

Пустой спортзал.

Мужскую и женскую раздевалки.

Зал тренажеров, где две женщины бежали бок о бок на тредбанах, а мужчина поднимал гантели.

Дойдя до лестницы в дальнем конце коридора, Итан спустился еще на один пролет, который вывел его в коридор второго этажа.

Остановившись у первой же двери, заглянул внутрь через ее круглое окошко.

В центре комнаты стояла каталка в окружении светильников, тележек, нагруженных хирургическими инструментами, кардиомониторов, стоек для внутривенных вливаний, термокаутеров, отсосов и стола для флюороскопии – все безукоризненно чистое и сверкающее в тусклом дежурном освещении.

Следующие три двери без окон были обозначены только табличками: *Лаборатория А, Лаборатория В, Лаборатория С.*

Ближе к концу коридора одно окошко светилось, и Итан на цыпочках подкрался к нему.

По ту сторону стеклянной двери – перестук и ропот негромких, спокойных голосов.

Он заглянул в окошко.

Бóльшая часть комнаты была погружена во мрак, и свет исходил от многочисленных мониторов – двадцать пять штук, собранные в панель 5Ч5, висели на стене над консолью, выглядевшей достаточно солидно даже для запуска ракеты.

В десяти футах от места, где стоял Итан, сидел мужчина, смотревший на экраны; пальцы его порхали со скоростью света над клавиатурой, а изображения на экранах постоянно менялись. На нем были наушники с микрофоном, и Итан слышал его голос сквозь дверь, хотя слов разобрать не мог.

На одном из экранов перед Итаном мелькал калейдоскоп образов…

Фасад викторианского дома.

Крыльцо другого дома.

Переулок.

Спальня.

Пустая ванна.

Ванная с женщиной, стоящей перед зеркалом, причесывая волосы.

Мужчина, сидящий в кухне за столом, поедая хлопья из миски.

Ребенок на унитазе, читающий книжку.

Вид Главной улицы Заплутавших Сосен.

Игровая площадка в парке.

Кладбище.

Река.

Интерьер кафе.

Вестибюль больницы.

Шериф Поуп, сидящий за своим столом, задрав ноги, и разговаривающий по телефону.

Поле зрения Итана ограничивалось окошком, но он все-таки мог разглядеть левый край следующего блока мониторов и расслышать цокот клавиш других печатающих людей.

В душе у него сверхновой звездой полыхнула слепящая ярость.

Положив ладонь на ручку двери, он уже начал было ее поворачивать. Больше всего на свете ему хотелось подкрасться сзади к этому человеку, следящему за людьми, живущими своей личной жизнью, и свернуть ему шею.

Но тут же он осадил себя.

Не сейчас.

Попятившись от центра наблюдения и сбора информации, Итан направился вниз по лестнице, оказавшись в нижнем коридоре – *1-й этаж*.

Хотя разобрать с такого расстояния было трудновато, вроде бы в дальнем конце коридор простирался дальше лестничной клетки, уходя в другую секцию комплекса.

Итан прибавил ходу.

Через каждые десять футов ему попадалась дверь без ручки, проникнуть за которую без карточки-ключа не представлялось возможным.

У третьей двери слева он остановился.

Бросил взгляд сквозь окошко в темноту – просто пустая комната.

Проделал то же самое у десятой двери, остановившись и приложив ладони к глазам по бокам, чтобы лучше разобрать детали в тенях.

В стекло с той стороны врéзалась мордой одна из тех тварей из ущелья, ощерив зубы и шипя.

Итан отшатнулся к противоположной стене, организм прямо зазвенел от испуга, когда тварь заверещала за стеклом – достаточно толстым, чтобы поглотить изрядную часть звука.

На лестнице, где он только что был, послышались шаги.

Итан поспешно кинулся вниз по коридору, развив максимальную возможную скорость, проносясь сквозь потоки искусственного света люминесцентных светильников.

Достигнув лестничного колодца, он бросил взгляд через плечо и увидел двоих людей в черном, движущихся в дальнем конце коридора в сотне ярдов позади. Один из них показал рукой, что-то крикнул, и оба ринулись за ним.

Итан проскочил лестничную площадку.

Прямо перед ним смыкалась пара автоматических стеклянных дверей.

Он развернулся боком, едва сумев протиснуться через щель, прежде чем двери за ним закрылись.

Пропорции следующего зала оказались столь эпическими, что совершенно ошеломили Итана безумным размахом этого места, заставив его застыть истуканом.

Он стоял уже не на плиточном полу, а на холодном камне на краю пещеры размером с десяток складов – на глазок не меньше миллиона квадратных футов, а расстояние от пола до потолка местами доходило до шестидесяти футов. За всю свою жизнь он видел лишь одно более впечатляющее замкнутое пространство – завод «Боинг» в Эверетте, штат Вашингтон.

Со скального потолка свисали гигантские осветительные сферы, и каждая заливала светом секцию пола площадью в тысячу квадратных футов.

И их тут насчитывались сотни.

Стеклянные двери позади начали разъезжаться, и Итан услышал топот людей в черном – они уже одолели половину дистанции по коридору.

Вбежав в пещеру, Итан рванул по проходу между стеллажами, нагруженными пиломатериалами всех мыслимых размеров. В высоту стеллажи достигали сорока футов, в глубину по три с обеих сторон, и тянулись на длину футбольного поля – держа столько погонных футов леса, что, наверное, хватило бы отстроить Заплутавшие Сосны пять раз подряд.

По пещере эхом разнеслись многочисленные голоса.

Искоса оглянувшись, Итан заметил кого-то в паре сотен футов позади, мчащегося к нему во весь дух.

Выскочил из узкого ущелья между стеллажами.

Прямо впереди площадь пола загромоздили сотни цилиндрических резервуаров в тридцать футов высотой и такой же ширины, каждый способен вместить десятки тысяч кубических футов; каждый надписан громадными печатными буквами высотой с Итана.

РИС

МУКА

САХАР

ПШЕНИЦА

ЙОДИРОВАННАЯ СОЛЬ

КУКУРУЗА

ВИТАМИН С

СОЕВЫЕ БОБЫ

ПОРОШКОВОЕ МОЛОКО

СОЛОД

ЯЧМЕНЬ

ДРОЖЖИ

Итан вбежал в лабиринт цистерн. Он слышал топот ног – очень близко, – но при таком обилии пространственных помех засечь их направление было невозможно.

Остановившись, он привалился к резервуару, дыша в рукав футболки в сгибе локтя, в попытке замаскировать шум своего тяжелого дыхания.

Мимо пронесся мужчина в черном хэбэ, держа в одной руке рацию, а в другой – что-то вроде электропогонялки для скота.

Выждав десять секунд, Итан сменил курс, петляя между цистернами еще сотню ярдов, пока не выскочил на парковку, заставленную автомобилями.

Машины были самых разных типов, от моделей начала восьмидесятых до нынешних, и даже таких, какие видеть ему еще не доводилось, – роскошных форм, компактной конструкции, больше напоминавшие радикальные концепт-кары, которым на публичных дорогах явно не место.

Все автомобили без исключения под световыми сферами сверкали хромом и безупречным лакокрасочным покрытием, все выглядели новенькими и блестящими, словно покинули сборочный конвейер каких-нибудь тридцать секунд назад.

Группа людей вбежала на парковку с противоположной стороны.

Итан нырнул между парой красных джипов «Чероки», не зная, заметили ли его, но в полной уверенности, что заметил в их руках автоматическое оружие.

Преодолев расстояние в несколько корпусов автомобилей ползком, он начал медленно подниматься позади водительской дверцы, пока не смог заглянуть через ветровое стекло «Импалы» начала восьмидесятых.

Они оказались ближе, чем он думал, – всего в тридцати футах, все до единого вооруженные пистолет-пулеметами. Двое из них светили фонариками внутрь каждого автомобиля по пути, а третий полз следом на четвереньках, светя каждой машине под днище.

Итан двинулся в противоположном направлении, не трудясь ползти, – просто бежал пригнувшись по неровным камням, стараясь, чтобы его голова не была видна ни за одним окном.

У края парковки он наткнулся на «Краун-Вик» с тонированными стеклами в задних пассажирских дверцах. Остановившись, безупречно точным движением потянул ручку и распахнул дверцу без единого звука.

Вспыхнул салонный свет. Итан забрался внутрь, захлопнув за собой дверцу, вложив в это чуточку чересчур много сил.

Даже изнутри машины он услышал эхо хлопка двери, раскатившееся по пещере.

Скорчившись в тени позади водительского сиденья, Итан выглянул поверх подголовника сквозь ветровое стекло.

Тройка мужчин теперь стояла; каждый медленно озирался в попытке засечь направление, с которого докатился хлопок двери.

Наконец они разделились – двое двинулись прочь от Итана, но один направился прямиком к его машине.

Когда тот приблизился, Итан забился за сиденье, постаравшись свернуться в самый миниатюрный и компактный клубочек, в какой только мог.

Шаги приближались.

Итан уткнул голову между коленей.

Не видя ровным счетом ничего.

Потом шаги зазвучали прямо у его головы, в считанных дюймах по ту сторону двери.

Но не удалились.

Остановились.

Стремление поднять голову, чтобы посмотреть, что происходит, было настолько сильным, что едва не овладело Итаном.

Он гадал, обшаривает ли преследователь интерьер «Краун-Вик» лучом фонарика.

Гадал, насколько хорошо свет проникает через тонированные задние окна.

Если он не сможет ничего разглядеть внутри, откроет ли он дверцу?

Шаги двинулись дальше, но Итан не шелохнулся, выждав еще пять минут, пока они не стихли окончательно.

Наконец он сел и выглянул через ветровое стекло.

Преследователь исчез.

Не было видно вообще никого.

Тихонько открыв дверцу, Итан сполз на камень. Напрягая слух, он мог различить голоса, но лишь на значительном расстоянии, в каком-то отдаленном уголке пещеры.

Проползя сотню футов, добрался до края парковки.

Прямо впереди высилась стена пещеры и устье тоннеля, достаточно широкого, чтобы разъехались две машины.

Поднявшись на ноги, перебежал к тоннелю.

Пустой, хорошо освещенный тоннель уходил вперед строго по прямой, подымаясь от исходного уровня под углом десять-двенадцать процентов.

К скале над сводчатым въездом был прикреплен знак – белые буквы по зеленому полю, в точности как на американских федеральных автотрассах.

Но указывал он лишь один пункт назначения…

ЗАПЛУТАВШИЕ СОСНЫ 3.5

Итан оглянулся на все эти автомобили, подумав, не позаимствовать ли одну из старых моделей, которые проще завести без ключа.

Что-то привлекло его взгляд – холодный голубой свет, падающий сквозь стеклянные двери в скале на расстоянии пятидесяти ярдов.

Звук шагов и голоса приблизились, хотя все еще далеко от него, за машинами. Итану показалось, что по одному из резервуаров мелькнул луч фонаря, но полной уверенности он не питал.

Теснее прижался к стене пещеры.

И трусцой припустил вдоль слегка изгибающейся стены к стеклянной двери.

В пяти футах от нее остановился.

Когда дверь скользнула в сторону, открываясь, он прочел единственное слово, набитое на стекле по трафарету:

КОНСЕРВАЦИЯ

Итан ступил внутрь.

Дверь вжикнула у него за спиной, закрываясь.

Здесь было намного холоднее – всего несколько градусов выше нуля, и его дыхание в морозном воздухе вырывалось изо рта облачками пара. Студеный голубой свет напоминал солнечный, пробивающийся сквозь морской лед; в воздухе мутной пеленой в десяти футах над головой повис какой-то газ – достаточно плотный, чтобы полностью скрыть потолок от взгляда, будто облако. И все же воздух в комнате был наделен чистотой и опрятностью, будто наутро после вьюжной ночи – ни запахов, ни примесей.

Тишину нарушили шипение газа и негромкие гудки.

Комната размерами с гастроном вмещала ряд за рядом угольно-черных установок – сотни и сотни штук; каждая размером с торговый автомат, каждая испускает с крыши белые клубы газа, будто дымящаяся труба.

Двинувшись по первому проходу, Итан остановился перед одним из аппаратов.

Посередине шла стеклянная панель двухдюймовой ширины, но за ней ничего не было видно.

Слева от стекла виднелась клавиатура с рядом измерительных приборов и индикаторов, показывающих сплошные нули.

Справа от стекла он увидел цифровую именную табличку:

ДЖЭНЕТ КЭТРИН ПАЛМЕР

ТОПИКА, КАНЗАС

ДАТА КОНСЕРВАЦИИ: 3.2.82

СРОК ПРОЖИВАНИЯ:

11 ЛЕТ 5 МЕСЯЦЕВ 9 ДНЕЙ

Итан услышал, как дверь отъехала, обернулся поглядеть, кто вошел, но клубы газа перекрывали обзор. Двинулся по проходу, глубже в туман, бросая взгляд на именную табличку каждого минуемого аппарата, даты которых неуклонно возрастали начиная с 1980-х.

Одна из них заставила его застыть, как столб, под звуки голосов, смешивающиеся с шипением выходящего газа и гудками.

За центральной стеклянной панелью аппарат будто наполнили черным песком. И из него едва выступал белый палец – неподвижный; его кончик застыл, упираясь в стекло чуть ниже смазанного отпечатка пальца.

Индикаторы показывали что-то вроде ровной линии кардиограммы и значения температуры в 21,1111 °С.

Табличка:

БРАЙАН ЛЕЙНИ РОДЖЕРС

МИЗУЛА, МОНТАНА

ДАТА КОНСЕРВАЦИИ: 5.5.84

ПОПЫТКИ ИНТЕГРАЦИИ: 2

Следующий аппарат пустовал, но Итан узнал имя, гадая, не она ли это:

БЕВЕРЛИ ЛИНН ШОРТ

БОЙСЕ, АЙДАХО

ДАТА КОНСЕРВАЦИИ: 3.10.85

ПОПЫТКИ ИНТЕГРАЦИИ: 3

ИЗЪЯТА

Теперь уже кто-то двигался к нему. Итан оторвался от аппарата Беверли, с мыслями, несущимися чехардой, пробежал до конца прохода и тронулся по следующему.

Что это за чертовщина?

В зал набежали, наверное, уже с полдюжины человек, и все гнались за ним, но ему и дела не было.

Ему требовалось увидеть еще всего один аппарат.

Непременно.

И в четвертом ряду, на полпути по проходу, слыша приближающиеся голоса, он остановился.

Уставившись на пустой аппарат.

Свой пустой аппарат.

ДЖОН ИТАН Бёрк

СИЭТЛ, ВАШИНГТОН

ДАТА КОНСЕРВАЦИИ: 24.9.12

ПОПЫТКИ ИНТЕГРАЦИИ: 3

ИЗЪЯТИЕ В ПРОЦЕССЕ

От того, что он прочел собственное имя, все это ничуть не стало более реальным.

Итан стоял там, не зная, как быть с увиденной информацией.

Пытался сообразить, что она означает.

Впервые словно за целую вечность совершенно махнув рукой на бегство.

– Итан!

Он узнал этот голос, хотя и потребовалось некоторое время, чтобы нашарить его в памяти. Увязать с лицом, которому тот принадлежит.

– Нам надо поговорить, Итан!

Да, надо.

Это Дженкинс. Психиатр.

Итан зашагал.

Казалось, он распутывал этот клубок много дней подряд, но теперь, подобравшись к самому концу ниточки, ломал голову, что же именно случится, когда она совсем окончится.

– Итан, прошу вас!

Он уже даже не смотрел больше на таблички, не интересовался, занят аппарат или пуст.

Важно было лишь одно, единственное жуткое подозрение, терзавшее ему нутро.

– Мы не хотим причинять вам вред! Никому его не трогать!

Он только и мог, что заставить себя переставлять ноги, приближаясь к последнему аппарату в последнем ряду в самом дальнему углу зала.

Преследователи были уже близко.

Итан сквозь туман ощущал, что они идут по пятам.

Теперь никакого шанса скрыться, но, если вникнуть, какое это теперь имеет значение?

Добредя до последнего аппарата, он уперся ладонью в стекло, чтобы не упасть.

К узкому окошку спереди прижалось мужское лицо, окруженное черным песком.

Глаза распахнуты.

Не мигают.

Ни малейшего признака изморози от дыхания на стекле.

Итан прочел именную табличку и год консервации – 2032. Обернулся к доктору Дженкинсу, вынырнувшему из тумана; по бокам от этого мелкого, невзрачного человечка шли пятеро этих людей в черном, облаченные в нечто наподобие полного боевого снаряжения для подавления уличных беспорядков.

– Пожалуйста, не заставляйте нас причинять вам вред, – попросил Дженкинс.

Итан бросил взгляд вдоль последнего прохода – в тумане маячили еще две фигуры.

Его загнали в угол.

– Что это? – спросил.

– Как я понимаю, вы хотите знать.

– Надо же.

Психиатр поглядел на него долгим взглядом.

– Вид у вас ужасный, Итан.

– Так я что, был заморожен?

– Вы были химически законсервированы.

– И что же это вообще значит?

– Если сильно упрощенно, с помощью сероводорода мы вызываем гипотермию. Как только температура внутренних органов опустится до окружающей, мы погружаем вас в вулканический песок и подаем сернистый газ в концентрации, убивающей все аэробные бактерии. Потом атакуем анаэробные. По сути, всё, что провоцирует физиологическое старение. Это весьма эффективно погружает вас в состояние анабиоза, приостановленной жизнедеятельности.

– То есть вы утверждаете, что – по крайней мере, какое-то время, – я был мертв?

– Нет. Смерть… по определению… это нечто необратимое. Мы предпочитаем интерпретировать это как временное отключение – таким образом, что оно позволяет включить вас снова. Перезагрузить вас. Имейте в виду, я просто дал вам «вводный курс для чайников» в очень деликатный и сложный процесс. На доведение которого до совершенства потребовались десятилетия.

Дженкинс двинулся вперед осторожно, словно приближаясь к взбешенному зверю. Его головорезы не отступали от него ни на шаг, медленно двинувшись вперед, но он взмахом руки отослал их, остановившись в двух футах от Итана, и медленно протянул вперед руку, пока не притронулся к плечу беглеца.

– Как я понимаю, сразу охватить это умом трудновато. Этот факт не ускользнул от моего внимания. Вы не сумасшедший, Итан.

– Это я знаю. Я всегда это знал. Ну, и ради чего же все это тогда? Что это значит?

– Хотите, я вам покажу?

– А как вы думаете?

– Ладно, Итан. Ладно. Но должен вас предупредить… Я попрошу вас кое о чем в обмен.

– О чем?

Дженкинс не ответил. Вместо того он просто улыбнулся и прижал что-то к боку Итана.

Голова у Итана пошла кругом; он осознал, что последует, всего за полсекунды до того, как это на него обрушилось, – словно прыжок в ледяное озеро; все мышцы в унисон сократились, колени окаменели, и в точке контакта мучительно полыхнул доменный ожог.

А затем он оказался на полу, все тело его сотрясалось, а в поясницу впилось колено Дженкинса.

Укол иглы, вонзившейся сбоку в шею, снял эффект электромышечного расстройства, а Дженкинс, должно быть, попал в вену, потому что почти мгновенно боль от удара тазером рассосалась.

Рассосались все боли без исключения.

Эйфорический приход нахлынул стремительно и сильно, пока Итан тщился прозреть сквозь него, удержать в руках страх перед происходящим.

Но наркотик был чересчур прекрасен.

Чересчур тяжел.

И утянул его на самое дно безболезненного блаженства.

Глава 17

Не проходит и двух секунд с момента, когда последняя черная песчинка выскальзывает из верхней колбы песочных часов, как замок лязгает, и дверь распахивается.

Аашиф с улыбкой стоит на пороге.

Итан впервые видит его без платка, и его поражает мысль, что тот совершенно не похож на человека, способного сотворить с Итаном все то, что наобещал.

Лицо чисто выбрито и припорошено лишь легчайшим намеком на проклюнувшуюся щетину.

Черные волосы средней длины набриолинены и зачесаны назад.

– Кто из твоих родителей был белым? – спрашивает Итан.

– Моя мать была британкой. – Аашиф ступает в комнату. У стола останавливается и смотрит на лист бумаги. Указывает на него. – Надеюсь, с другой стороны он не так чист. – Переворачивает лист, мгновение разглядывает его и качает головой, глядя Итану глаза в глаза. – Ты должен был написать что-либо такое, что осчастливило бы меня. Или ты не понял моих указаний?

– Твой английский безупречен. Я понял.

– Тогда, быть может, ты не поверил тому, что я сказал.

– Нет, я тебе верю.

– И что тогда? Почему ты ничего не написал?

– Но я написал.

– Невидимыми чернилами?

Теперь улыбается Итан. Ему приходится собрать все свои силы, чтобы подавить дрожь, грозящую перекинуться ему на руки.

Поднимает левую.

– Я написал это, – говорит он, показывая татуировку, наколотую на ладони кончиком шариковой ручки – темно-синюю и неряшливую, ладонь местами еще кровоточит. Но в столь сжатые сроки и в стесненных обстоятельствах вряд ли можно было справиться лучше. – Я знаю, что скоро буду кричать. От жуткой боли. Всякий раз, когда ты будешь гадать, о чем я думаю, даже если я не смогу говорить, ты можешь просто поглядеть на мою ладонь и принять эти два слова близко к сердцу. Это американская поговорка. Полагаю, ты вполне понимаешь ее смысл?

– Ты даже не представляешь, – шепчет Аашиф, и впервые Итан замечает в его глазах необузданные эмоции. Сквозь страх заставляет себя отметить собственное удовлетворение от того, что сломил хладнокровие этого монстра, понимая, что это может быть единственным мгновением победы в этом брутальном взаимодействии.

– Вообще-то представляю, – отвечает Итан. – Ты будешь пытать меня, ломать и в конце концов прикончишь. Я в точности представляю, что предстоит. У меня есть только одна просьба.

Это вызывает тонкую усмешку.

– Какая?

– Хватит мне рассказывать, какой ты крутой мужик, слышь, говна кусок. Валяй, покажи-ка мне это.

*** * ***

И Аашиф показывает. Весь день.

＊ ＊ ＊

Сколько-то часов спустя Итан вдруг приходит в сознание.

Аашиф ставит пузырек с нюхательной солью на стол рядом с ножами.

– Добро пожаловать обратно. Ты себя видел? – спрашивает он у Итана.

Итан утратил всякое представление о том, сколько находится здесь, в комнате с бурыми стенами без окон, смердящей смертью и тухлой кровью.

– Посмотри на свою ногу. – Лицо Аашифа покрыто бисеринками пота. – Я сказал, посмотри на свою ногу.

Когда Итан отказывается, Аашиф сует свои окровавленные пальцы в глиняный сосуд, зачерпывая горсть соли.

И швыряет ее на ногу Итана.

Вопли сквозь кляп-мячик.

Страдания.

Беспамятство.

＊ ＊ ＊

– Ты понимаешь, насколько безраздельно я теперь тобой владею, Итан? Как я всегда буду тобой владеть? Ты меня слышишь?

Сущая правда.

＊ ＊ ＊

Итан перенес себя в другой мир, стараясь удержать вереницу мыслей, ведущих его к жене, рожающей их первенца, а он с ней в больнице, но боль упорно влечет его обратно к настоящему.

＊ ＊ ＊

– Я могу положить этому конец, – мурлычет Аашиф ему на ухо. – Но могу и поддерживать твою жизнь много дней напролет. Как мне вздумается. Я знаю, что это больно. Я знаю, что ты испытываешь такие страдания, каких и вообразить не мог. Но учти, что я пока поработал только над одной ногой. И в этом я очень хорош. Я не позволю тебе истечь кровью до смерти. Ты умрешь только тогда, когда мне этого захочется.

＊ ＊ ＊

Между ними существует несомненная близость.

Аашиф режет.

Итан кричит.

Поначалу Итан не смотрел, но теперь не может отвести глаз.

Аашиф заставляет его пить воду и запихивает ему в рот чуть теплые бобы, все это время беседуя с ним самым непринужденным тоном, словно он всего лишь парикмахер, к которому Итан наведался подровнять волосы.

*** * ***

Позже Аашиф сидит в углу, попивая воду и следя за Итаном, разглядывая труды своих рук со смесью веселья и гордости.

Утирает лоб и поднимается на ноги, с подола его дишдаши каплет кровь Итана.

– Завтра утром я первым делом кастрирую тебя, прижгу рану паяльной лампой, а затем займусь твоим туловищем. Подумай, чего ты хочешь на завтрак.

Выходя из комнаты, он гасит свет.

*** * ***

Всю ночь Итан висит во тьме.

Ожидая.

Порой он слышит шаги, останавливающиеся перед дверью, но она ни разу не открылась.

Боль титаническая, но он ухитряется думать ясно о жене и ребенке, которого никогда не увидит.

Он шепотом разговаривает с Терезой из этого каземата, гадая, слышит ли она его.

Он стонет и плачет.

Пытается освоиться с мыслью, что встретит такой *конец.*

Даже годы спустя именно в этот момент – когда он висит в одиночестве во тьме, не зная ничего, кроме боли, своих мыслей и ожидания завтрашнего дня, – он будет возвращаться снова и снова.

Вечно ожидая возвращения Аашифа.

Вечно гадая, как будет выглядеть его сын или дочь.

Как их будут звать.

Вечно гадая, как Тереза справится без него.

Она даже скажет ему четыре месяца спустя, сидя за завтраком в их кухне в Сиэтле под перестук дождя за окном: «Ты словно так и не вернулся ко мне, Итан».

И он скажет: «Знаю», и когда плач сына послышится в радионяне, подумает:

«Аашиф искромсал не только мое тело».

*** * ***

А затем дверь наконец распахивается, бритвенные лезвия света секут Итана, возвращая его в сознание, возвращая его к боли.

Когда его глаза приспосабливаются к шквалу дневного света, он видит не силуэт Аашифа, а громоздкую фигуру «морского котика» в полной боевой экипировке, держащего М-4 с оптическим прицелом, из ствола которого тянется струйка дыма.

Направив на Итана луч фонарика, тот восклицает с тягучим западно-техасским акцентом: «Господи!»

*** * ***

Тереза думает, что раны на ноге получены при крушении.

*** * ***

«Морской котик» – сержант по фамилии Брукс – несет Итана на спине вверх по узкой лесенке, из подвального каземата в кухню, где на сковородке подгорают куски мяса.

Несостоявшийся завтрак.

В коридоре валяются трупы троих арабов, пятеро членов команды «морских котиков» столпились в тесной кухоньке, один из них присел на корточки рядом с Аашифом, завязывая полоской ткани его левую ногу над коленом, кровоточащую от пулевого ранения.

Опустив Итана на стул, Брукс рычит на санитара:

– Отвали от него! – Смотрит на Аашифа. – Кто порезал этого солдата?

Аашиф отвечает на вопрос тирадой:

– Моя но хабло че ты тока что сказал на хер.

– Это он, – говорит Итан. – Это он со мной сделал.

На миг в кухне все замирает, кроме вони горелого мяса и пороха после перестрелки.

– «Вертушка» у нас через две минуты, – говорит Брукс Итану. – Это единственный уцелевший всуесос, и никто в этой комнате и не вякнет о том, что ты сделаешь.

Солдат со снайперской винтовкой, стоящий у плиты, подхватывает:

– Точняк, не вякнет!

– Можете меня поставить? – спрашивает Итан.

Брукс поднимает Итана с сиденья, и Итан со стоном одолевает мизерное расстояние через кухню до Аашифа.

И когда останавливается над ним, «морской котик» извлекает из кобуры «ЗИГ-Зауэр».

Итан принимает оружие из его руки, проверяет магазин.

Месяцы спустя ему приходит в голову, что будь это в кино, он бы этого не сделал. Не опустился бы до уровня этого монстра. Но чудовищная правда заключается в том, что в голове Итана не промелькнуло и тени мысли не *делать этого. И хотя ему постоянно будут сниться сны о крушении, обо всем, что учинил с ним Аашиф, этот момент никогда не будет преследовать его. Разве что желание, чтобы он подольше не кончался.*

Итан обнажен, не валится только благодаря поддержке Брукса, ноги будто только что прошли через мясорубку.

Он приказывает Аашифу смотреть на себя.

Вдали слышится тяжкое хлоп-хлоп *приближающегося «Блэк Хоука».*

В остальном на улице тихо, как в церкви.

Палач и жертва смотрят друг другу в глаза долгую секунду.

– Ты все еще мой, знаешь ли, – говорит Аашиф.

И как только он оскаливается в улыбке, Итан стреляет ему прямо в лицо.

*** * ***

Придя в сознание в следующий раз, он обнаруживает, что привалился к окну «Блэк Хоука», глядя с высоты трехсот футов на улицы Фаллуджи, с морфином, растекающимся по организму, а голос Брукса орет ему на ухо, что он в безопасности, что он летит домой и что два дня назад его жена родила здорового мальчика.

Глава 18

Итан открыл глаза.

Обнаружил, что опирается головой об окно, глядя вниз, на горный ландшафт, проносящийся под ним на скорости сто пятьдесят миль в час. Прикинул, что находится на высоте где-то две тысячи пятьсот футов над уровнем грунта. Он полгода водил санитарный вертолет после возвращения из Ирака, прежде чем подал заявление в Секретную службу, и узнал не только голос турбин «Лайкоминг», ревущих над головой, но и габариты корпуса ВК117. Он сам летал на этой модели, на службе в воздушной «Скорой помощи».

Подняв голову от стекла, хотел почесать зудящий сбоку нос, но оказалось, что руки у него скованы наручниками за спиной.

Пассажирский салон обустроен в стандартной конфигурации – четыре сиденья в два ряда напротив друг друга, грузовой отсек в задней части фюзеляжа, скрытый за занавеской.

Дженкинс и шериф Поуп сидели напротив него, и Итан не без удовольствия отметил, что нос у блюстителя порядка до сих пор в бинтах.

Медсестра Пэм – сменившая свою классическую форму медсестры на черные штаны карго, черную футболку с длинными рукавами, камуфляжную куртку и тактический дробовик «ХиК», – сидела обок него, швы полумесяцем протянулись по выбритой части ее черепа через висок до середины щеки. В этом была повинна Беверли, и Итан ощутил проблеск гнева при воспоминании о том, что сотворили с этой бедной женщиной.

– Как самочувствие, Итан? – проскрежетал в наушниках голос Дженкинса.

Хоть он еще и чувствовал себя одуревшим от медикаментов, в голове уже начало проясняться.

Но не ответил.

Только смотрел.

– Простите за вчерашний электрошок, но мы не могли испытывать судьбу. Вы доказали, что более чем способны о себе позаботиться, и я не хотел идти на риск новых потерь убитыми. Ни вас, ни моих людей.

– Потери убитыми, да? Вот что теперь вас волнует?

– Мы также взяли на себя вольность восполнить ваши потери жидкости, подкормить вас, дать новую одежду. Позаботились о ваших ранах. Должен сказать… выглядите вы намного лучше.

Итан выглянул из окна – нескончаемые сосновые леса, заполонившие долины и холмы, порой возносящиеся выше границы леса голыми каменистыми уступами.

– Куда вы меня везете? – поинтересовался Итан.

– Я держу свое слово.

– Кому?

– Вам. Я покажу вам, ради чего все это.

– Я не пони…

– Поймете. Долго еще, Роджер?

– Высажу вас через четверть часа, – вклинился в разговор голос пилота через наушники.

*** * ***

Такая панорама девственной местности, что только рот разинешь.

Ни дорог, ни домов, сколько видит глаз.

Только лесистые холмы да изредка загогулинка воды среди деревьев – проблеск ручья или реки.

Вскоре сосновый лес остался позади, и Итан по изменившемуся тону спаренных турбин понял, что пилот повел машину на снижение.

*** * ***

Они летели над бурыми, засушливыми предгорьями, через десяток миль сменившимися обширным смешанным лесом.

На высоте двухсот футов над землей вертолет заложил вираж и несколько минут кружил над одной и той же квадратной милей территории, пока Поуп изучал местность через бинокль.

И наконец сказал в микрофон:

– Порядок.

*** * ***

Они сели на большой поляне в окружении исполинских дубов во всей осенней красе, винты погнали по траве длинные волны, разбегающиеся от вертолета концентрическими кругами.

Пока двигатели сбавляли обороты, Итан озирал поляну.

– Не хотите ли составить мне компанию в небольшом пешем походе, Итан? – предложил Дженкинс.

Протянув руки, Пэм расстегнула его поясные и плечевые ремни, под конец осведомившись:

– Наручники тоже?

– Вы будете хорошо себя вести? – поглядел Дженкинс на Итана.

– Разумеется.

Итан наклонился вперед, чтобы открыть Пэм доступ к замочной скважине.

Браслеты со щелчком отомкнулись.

Вытянув руки, Итан помассировал запястья.

Поглядев на Поупа, Дженкинс подставил раскрытую ладонь:

– Вы принесли мне что-то вроде того, что я просил?

Шериф вложил ему в руку револьвер из нержавеющей стали, выглядевший достаточно массивным, чтобы заряжаться патронами «магнум» калибра 357.

Дженкинс поглядел на оружие с сомнением.

– Я видал, как вы стреляете, – изрек Поуп. – Управитесь. Куда-нибудь в район сердца, а еще лучше в голову, и вы в шоколаде.

Сунув руку за свое сиденье, Поуп извлек АК-47 с круглым магазином на сотню патронов[19]. Итан увидел, как он переключил предохранитель в положение стрельбы короткими очередями по три выстрела.

Стащив наушники, Дженкинс раздвинул занавеску между пассажирским салоном и кокпитом и сказал пилоту:

– Мы будем на четвертом канале и дадим вам знать, если возникнет необходимость убраться отсюда по-быстрому.

– Буду держать палец на кнопке запуска двигателя.

– Радируйте при первых же признаках беды.

– Да, сэр.

– Арни оставил вам оружие?

– Вообще-то целых два ствола.

– Мы ненадолго.

Открыв дверцу, Дженкинс выбрался наружу.

Когда вылезли Поуп и Пэм, Итан последовал их примеру, ступив на полоз, а затем на мягкую траву высотой по пояс. Нагнал Дженкинса, и все четверо быстро двинулись через поляну – впереди Поуп с автоматом наготове, Пэм замыкающей.

День, полный золотой свежести осени, клонился к вечеру.

Все выглядели какими-то издерганными и нервными, словно в боевом дозоре.

– С самого момента моего прибытия в Заплутавшие Сосны вы только и делали, что трахали мне мозги, – подал голос Итан. – Что мы делаем тут, в этой дьявольской глуши? Я хочу знать это прямо сейчас.

Они вошли в лес, пробиваясь через буйный подлесок.

Птичий гомон стал громче.

– Вовсе нет, Итан, это никакая не глушь.

Заметив нечто, едва проглядывающее из-за деревьев, он сообразил, что проглядел это из-за буйства растительности. Прибавил шаг, теперь яростно продираясь сквозь кусты и молодые деревца, составляющие мелколесье, а Дженкинс следовал за ним по пятам.

Дойдя до основания, Итан остановился, запрокинув голову, чтобы оглядеть сооружение.

Секунду-другую он не вполне понимал, на что смотрит. Внизу конструкцию укутывали несколько футов мертвых и живых лиан, своими коричневыми и зелеными тонами камуфлирующих форму строения, настолько безупречно сливаясь цветом с лесом, что при взгляде искоса оно попросту исчезало.

Выше проглядывал цвет стальных балок – проржавевших до красноты. Столетия окисления. Три дуба проросли прямо в его сердцевине, по мере роста изгибаясь и искривляясь так, что некоторые из ветвей даже стали опорой для брусьев. Устоять сумел лишь каркас нижних шести этажей – ржавый скелет здания. Горстка балок у верхушки была изогнута и покручена, как кудряшки рыжих волос, но бóльшая часть стальных конструкций давным-давно рухнула в центр строения, потонув в подлеске.

Гомон птиц, доносящийся от строения, просто-таки оглушал. Словно из небоскреба для пернатых. Гнезда повсюду, куда ни кинешь взгляд.

– Помните, как сказали мне, что хотите, чтобы вас перевели в больницу в Бойсе? – спросил Дженкинс.

– Ага.

– Что ж, я доставил вас в Бойсе. Прямо в центр города.

– Что это вы городите?

– Вы смотрите на здание Банка США. Высочайший небоскреб в Айдахо. Именно здесь и находилось региональное отделение Секретной службы в Бойсе, верно? На семнадцатом?

– Вы не в своем уме.

– Я понимаю, что выглядит это лесной лужайкой, но на самом деле мы стоим посреди бульвара Капитолия. Капитолий штата всего в трети мили пути через этот лес, хотя, чтобы найти его след, придется устроить раскопки.

– Что это такое? Какой-то фокус?

– Я вам уже сказал.

Схватив его за грудки, Итан притянул Дженкинса к себе:

– Говорите уже по делу.

– Вы пребывали в анабиозе. Вы видели аппараты…

– Насколько долго?

– Итан…

– Насколько. Долго.

Дженкинс чуть помедлил, и Итан вдруг осознал, что какой-то частичкой души почти не хочет услышать ответ.

– Одну тысячу восемьсот четырнадцать лет…

Он отпустил рубашку Дженкинса.

– …пять месяцев…

Попятился на подгибающихся ногах.

– …и одиннадцать дней.

Поглядел на руины.

Поглядел в небо.

– Вам надо присесть, – встрепенулся Дженкинс. Когда Итан опустился на папоротники, психиатр поглядел на Поупа и Пэм. – Ребята, дайте нам минутку, ладно? Но далеко не уходите.

Они отошли прочь.

Дженкинс уселся напротив Итана.

– В мыслях у вас сумятица, – заметил он. – Вы не могли бы постараться минутку ни о чем не думать, а просто послушать меня?

Недавно прошел дождь – Итан чувствовал сырость земли сквозь коричневые рабочие брюки, в которые его облачили.

– Позвольте спросить вас кое о чем, – произнес Дженкинс. – Когда вы думаете о величайшем революционном открытии в истории, что приходит вам на ум?

Итан пожал плечами.

– Ну же, сделайте одолжение.

– Космические путешествия, теория относительности, я не…

– Нет. Величайшим открытием в истории человечества было то, как человек исчезнет.

– Как вид?

– Именно. В тысяча девятьсот семьдесят первом году молодой генетик по имени Дэвид Пилчер сделал ошеломительное открытие. Имейте в виду, это было еще до сплайсинга РНК, до полиформизма ДНК. Он понял, что человеческий геном, по сути являющий собой всю нашу наследственную информацию, программирующий рост клеток, меняется, портится.

– От чего?

– От чего? – рассмеялся Дженкинс. – От всего. От того, что мы уже причинили земле, и от того, что причиним в грядущие столетия. Вымирание млекопитающих. Вырубка лесов. Утрата полярных ледяных шапок. Озон. Возрастание содержания двуокиси углерода в атмосфере. Кислотные дожди. Океанские мертвые зоны. Чрезмерный вылов рыбы. Шельфовая добыча нефти. Войны. Выпуск миллиарда автомобилей, пожирающих бензин. Ядерные катастрофы – Фукусима, Три Майл Айленд, Чернобыль. Две с лишним тысячи намеренных ядерных взрывов ради испытания систем вооружения. Сброс токсичных отходов. «Эксон Вальдез». Разлив нефти в Мексиканском заливе по милости «Би-Пи». Все те яды, которые мы вносили в собственную пищу и воду что ни день.

Со времени Промышленной революции мы относились к планете, как будто это гостиничный номер, а мы – рок-звезды. Но мы не рок-звезды. В схеме эволюционных сил мы слабый, хрупкий вид. Наш геном легко исказить, а мы так злоупотребили этой планетой, что в конечном итоге абсолютно исковеркали ту драгоценную кальку ДНК, которая и делает нас людьми.

– Но этот человек – Пилчер – видел, что надвигается. Может, не слишком конкретно, а в общих чертах. Видел, что из-за значительных экологических перемен, которым мы должны будем подвергнуться, в последующих поколениях проявится потенциал к тахителическому анагенезу. Выражаясь понятными для вас терминами – к стремительным макроэволюционным преобразованиям. Что я имею в виду? От человека к чему-то *иному* за тридцать поколений. Если употребить библейские выражения, Пилчер полагал, что грядет потоп, и потому решил построить ковчег. Вы за мной поспеваете?

– Не совсем, – отозвался Итан.

– Пилчер считал, что если сумеет уберечь некоторое число чистых людей до того, как извращение достигнет критической массы, то они смогут, по сути, переждать эволюционные перемены, которые приведут к гибели человеческой цивилизации и нашего вида. Но чтобы добиться этого, требовалась надежная технология приостановки жизнедеятельности.

Он создал лабораторию, вложив миллиарды в исследования и разработки. Добился успеха к тысяча девятьсот семьдесят девятому году и начал производство тысячи аппаратов для анабиоза. Тем временем Пилчер подыскивал городок, чтобы пристроить свой груз, и когда наткнулся на Заплутавшие Сосны, то понял, что это идеальный уголок. Укромный. Легко обороняется. Огражден этими высокими горными стенами. Труднодоступный. Его практически невозможно покинуть. Пилчер скупил всю жилую и коммерческую недвижимость и начал возведение убежища в недрах окружающих гор. Проект чрезвычайно масштабный. На его завершение ушло двадцать два года.

– А как же припасы выдержали все это время? – поинтересовался Итан. – Лесоматериалы и продукты не могли сохраниться почти две тысячи лет.

– До реанимации команды складская пещера, жилые помещения и центр наблюдения – буквально каждый квадратный дюйм комплекса – пребывали в вакууме. Он был не идеальным, и мы лишились части припасов, но уцелело достаточно, чтобы отстроить инфраструктуру Заплутавших Сосен, полностью стертых временем и стихиями. Но в воздухе системы пещер, которой мы воспользовались, содержание влаги было минимальным, а поскольку мы сумели убить девяносто девять и девять десятых процента всех бактерий, она оказалась почти столь же эффективной, как сама приостановленная жизнедеятельность.

– Значит, город совершенно самодостаточен?

– Да, он функционирует, как деревня амишей[20] или доиндустриальное общество. И, как видите, у нас обширные запасы основных продуктов потребления, которые мы упаковываем и доставляем грузовиками в город.

– Я видел коров. Вы что, создали камеры анабиоза и для скота?

– Нет, мы просто поместили в анабиоз некоторое количество эмбрионов. А потом использовали искусственные матки.

– В две тысячи двенадцатом таких вещей не было.

– Но были в две тысячи тридцатом.

– А где Пилчер сейчас?

Дженкинс ухмыльнулся.

– Это вы? – спросил Итан.

– Ваши коллеги Кейт Хьюсон и Билл Эванс – когда они исчезли в Заплутавших Соснах – пытались отыскать меня. Некоторые из моих бизнес-сделок засветились на радаре Секретной службы. Вот почему вы сейчас сидите здесь.

– Вы похитили федеральных агентов? Держали их под замком?

– Да.

– И многих других…

– Я сомневался, что помимо тщательно отобранной команды, получившей щедрую компенсацию, найду вдоволь добровольцев для участия в предприятии такого рода.

– Так что вы принялись похищать людей, наведавшихся в Заплутавшие Сосны.

– Некоторые прибыли в город, и я захватил их там. Других я специально разыскивал.

– И сколько же?

– В течение пятидесяти лет были набраны шестьсот пятьдесят рекрутов.

– Вы психопат.

Пилчер поразмыслил над этим обвинением; хладнокровный, прозорливый взгляд его темных глаз стал задумчивым. Только сейчас, впервые взглянув ему в лицо по-настоящему, Итан вдруг понял, что бритая голова и чистая кожа скрывают возраст Пилчера. Должно быть, этому человеку чуть за шестьдесят. Может, больше. До сего момента Итан считал его предельно аккуратную, сдержанную манеру речи уловкой, трюком психиатра, но теперь увидел ее в истинном свете – как явное свидетельство грандиозного интеллекта. Он вдруг постиг, что сидит здесь под сенью дубов с обладателем острейшего ума из тех, с кем он когда-либо встречался. В этом было нечто и волнующее, и устрашающее в одно и то же время.

Наконец Пилчер проронил:

– Я воспринимаю себя несколько иначе.

– Нет? Как же тогда?

– Скорее… как спасителя нашего вида.

– Вы отнимали людей у их родных.

– Вы все еще не ухватили, не так ли?

– Ухватил что?

– Что такое Заплутавшие Сосны. Итан… это последний город на земле. Живая капсула времени, хранящая наш образ жизни. Американскую Мечту. Жители, команда, я, вы… мы все – это всё, что осталось от вида homo sapiens.

– И откуда же вам это известно?

– За годы я выслал ряд разведывательных команд. Те, кому удалось вернуться, сообщили о самых враждебных условиях, какие только можно вообразить. Без защиты и инфраструктуры места наподобие Заплутавших Сосен выжить не мог никто. С момента, когда моя команда вышла из анабиоза четырнадцать лет назад, мы непрерывно передаем по радио сигнал бедствия на всех известных аварийных частотах. Я даже принял решение транслировать координаты Сосен на тот призрачный случай, если где-то там есть люди. Никто у нас на пороге так и не показался. Никто не вышел на связь. Я сказал, что это Бойсе, но это не так. Нет никакого Бойсе, никакого Айдахо, никакой Америки. Названия больше ровным счетом ничего не означают.

– И чем же все это закончится?

– Мы ведь этого никогда не узнаем, не так ли? Я погрузился в сон вскоре после вас, так что у меня по-прежнему в запасе двадцать пять лет жизни в Заплутавших Соснах после приостановки жизнедеятельности. А после две тысячи тридцать второго года все мы спали в этих горах. Но если пускаться в догадки… По моим оценкам, к две тысячи трехсотому году мы стали бы свидетелями множащихся крупных аномалий. А поскольку разнообразие – сырье эволюции, к две тысячи пятисотому году мы классифицировали бы совершенно другие виды. Каждое поколение подбиралось все ближе и ближе к тому, что могло бы процветать в токсичном мире. Чему-то все менее и менее человечному.

Можете вообразить социальные и экономические последствия. Вся цивилизация была построена для гибнущего человечества. Я бы сказал, что не обошлось без геноцидов. Может, конец пришел после сорока лет ужаса. Может, потребовалось тысячелетие. Может, полномасштабная ядерная война стерла с лица земли миллиарды человек за считаные месяцы. Я уверен, что многие считали это концом света. Но этого нам никогда не узнать. Нам известно лишь, что есть вокруг теперь.

– И что же?

– Аберрации. Мы зовем их аберами. Эти существа с прозрачной кожей, едва не погубившие вас в ущелье. С самого момента выхода из анабиоза я совершил лишь три вылазки на вертолете, включая сегодняшнюю. Это весьма рискованно. Дальше Сиэтла нам забраться не удалось. Вернее, того места, где был Сиэтл. Нам пришлось брать горючее с собой. Едва дотянули обратно. Экстраполируя на базе того, что я видел, на одном лишь этом материке должны быть сотни миллионов этих существ. Разумеется, они хищники, и если их популяция настолько здорова, насколько мне представляется – значит, должны быть процветающие популяции оленей или иных жвачных животных. Возможно даже, что какие-то потомки бизонов снова странствуют по равнинам бесчисленными стадами.

Поскольку мы не можем покинуть долину для проведения исследований, мы располагаем лишь небольшой выборкой, на основе которой и можем оценить, какие виды пережили последние две тысячи лет в целости и сохранности. На птицах перемены вроде бы не сказались. И на некоторых насекомых. Но, с другой стороны, чувствуется, что чего-то недостает. К примеру, отсутствуют сверчки. Нет светлячков. И за четырнадцать лет я не видел ни единой пчелы.

– А что за твари эти аберы?

– Проще всего считать их мутантами или аберрациями, но название, которое мы им дали, на самом деле искажает истину. Природа ничего не воспринимает через призму добра и зла. Она вознаграждает продуктивность. В этом прекрасная простота эволюции. Она подлаживает замыслы под окружающую среду. Захламляя свой мир, мы подтолкнули собственное преображение в виды, пришедшие на смену homo sapiens, путем естественного отбора адаптировавшиеся и пережившие гибель человеческой цивилизации. Выстройте наши последовательности ДНК бок о бок, и отличия обнаружатся лишь в семи миллионах букв – это около половины процента.

– Боже!

– С точки зрения логистики аберы создают массу проблем. Они куда более разумны, чем крупные приматы, и экспоненциально более агрессивны. За годы мы изловили горстку особей. Изучали их. Пытались наладить общение, но все попытки провалились. По скорости и силе они сравнимы со средним неандертальцем. Смертельно опасны уже особи весом в шестьдесят фунтов, а некоторые достигают двухсот. Вам повезло, что вы остались в живых.

– Так вот почему вы построили заборы вокруг Заплутавших Сосен.

– Мысль, что ты более не находишься на вершине пищевой цепочки, действует отрезвляюще. Время от времени какому-нибудь аберу удается прорваться внутрь, но подступы к городу охраняют датчики движения, а вся долина днем и ночью находится под наблюдением снайперов.

– Так почему же вы тогда просто не…

– Не сняли *вас*? – улыбнулся Дженкинс. – Сначала я хотел, чтобы так и сделали. Когда вы добрались до ущелья, мы знали, что в окрестностях шныряет шайка аберов. Вы были безоружны. К чему тратить боеприпасы?

– Но жители… они ни о чем этом не знают?

– Нет.

– И что же они думают?

– Они приходят в себя здесь после автокатастрофы, в точности как и вы, – разумеется, снова травмированные в надлежащих местах. В ходе нашей программы интеграции они приходят к пониманию, что исход отсюда невозможен. Кроме того, мы ввели правила и последствия, чтобы минимизировать осложнения, возникающие от того, что человек из тысяча девятьсот восемьдесят четвертого живет по соседству с кем-то из две тысячи пятнадцатого. Чтобы жители города процветали и плодились, они не знают, что кроме них никого не осталось. Они должны жить так, словно окружающий мир на своем месте.

– Но его нет. Так какой же смысл лгать? Почему бы, пробуждая их от анабиоза, не сказать просто: «Поздравляем! Вы единственные уцелевшие!»?

– С первой группой мы именно так и поступили. Мы только-только закончили отстраивать город, созвали всех в церковь и сказали: «Послушайте, дело вот в чем». И рассказали им все без утайки.

– И?

– В течение двух лет тридцать пять процентов совершили самоубийства. Еще двадцать процентов покинули город и погибли. Никто не женился. Никто не забеременел. Я потерял девяносто три человека, Итан. Я не могу – нет – *человечество* не может позволить себе утраты подобных масштабов. Во всяком случае, в такой момент, когда под угрозу поставлен весь вид, сократившийся до наших последних восьмисот одиннадцати душ. Я не говорю, что наш метод безупречен, но за все эти годы, перепробовав едва ли не все на свете, он зарекомендовал себя как наиболее эффективная система прироста населения из всех, к каким мы пришли.

– Но ведь они всегда будут задаваться вопросами, правда? О том, что там, вовне? О том, где они на самом деле?

– Некоторые действительно задумываются, но наш вид легко приспосабливается. Благодаря психологической обработке большинство, как добрые люди, приходят к согласию с окружением, пока у них остается еще хоть капелька надежды.

– Не верю, что они признают, что окружающий мир на своем месте, если вы не позволяете им видеть его.

– Верите ли вы в Бога, Итан?

– Нет.

– А многие верили. Принимали нормы нравственности. Создавали религии. Убивали во имя богов, которых никогда не видели и не слышали. Вы верите во Вселенную?

– Разумеется.

– А-а, так вы побывали в космосе! Видели далекие галактики собственными глазами?

– Логично.

– Заплутавшие Сосны – просто мир, съежившийся до размеров одного городка. Покинуть который невозможно. Страх и вера в неведомое действуют по-прежнему, только в меньших масштабах. Границами мира, из которого вы пришли, были космос и Бог. В Соснах же границами выступают скальные стены, защищающие город, и таинственное нечто в горах, сиречь я.

– Но вы не настоящий психиатр.

– Официального образования я не получил, но в городе играю такую роль. Я нашел, что располагать доверием жителей мне очень на руку. Держать руку на пульсе настроений населения. Ободрять людей в трудную минуту, в годину сомнений…

– Вы заставили людей убить Беверли.

– Да.

– И агента Эванса.

– Он сам меня на это толкнул.

– Вы заставили бы их убить и меня.

– Но вы ускользнули. Доказали, что даже более находчивы, чем я думал поначалу.

– Вы создали культ насилия.

– В этом нет ничего нового. Послушайте, когда насилие становится нормой, люди адаптируются к норме. Это ничуть не отличается от гладиаторских боев, швыряния христиан на растерзание львам или публичных повешений на старом Западе. Атмосфера самовластия – не такая уж плохая вещь.

– Но на самом деле эти люди – невольники.

– Свобода – надуманная концепция двадцатого столетия. Вы собираетесь, сидя здесь, твердить мне, что личная свобода превыше выживания нашего вида?

– Они могли бы принять решение об этом самостоятельно. Это хотя бы позволило им сохранить чувство собственного достоинства. Разве не это делает нас людьми?

– Не им это решать.

– А-а, значит, вам?

– Чувство собственного достоинства – концепция красивая, но что, если бы они сделали неправильный выбор? Как та первая группа. Если не останется биологического вида, способного хотя бы увековечить подобный идеал, то каков смысл?

– Почему вы не убили меня?

Пилчер улыбнулся, словно обрадовавшись, что Итан наконец затронул эту тему. И вытянул шею.

– Слышите?

– Что?

– Безмолвие.

Птицы притихли.

Опершись о колени, Пилчер не без труда поднялся на ноги.

Итан тоже встал.

Лес внезапно умолк.

Пилчер достал из-за пояса пистолет.

Отстегнув от пояса рацию, поднес ее к губам:

– Поуп, возвращайтесь, прием.

– Угу, прием.

– Где вы, прием?

– В двухстах метрах к северу. Все в порядке, прием?

– У меня такое чувство, что пора удирать в горы, прием.

– Вас понял. Иду. Конец связи.

Пилчер направился к поляне.

Вдали за спиной Итан услышал треск хвороста и шелест листвы под ногами Поупа и Пэм, поспешивших в их сторону.

– Для меня было немалым делом, Итан, отвезти вас сюда, за сто тридцать миль, к руинам Бойсе. Надеюсь, вы оцените этот жест. У нас была толика проблемных жителей за эти годы, но подобных вам – ни одного. Как по-вашему, что я ценю больше всего?

– Понятия не имею.

Итан уже увидел за дубами луг. Рыжие листья лениво спархивали с ветвей на землю.

– Контроль. В Соснах есть подпольный контингент, изображающий покладистость и умиротворение. Но втайне вынашивающий планы захватить власть. Назовем это… восстанием. Бунтом. Они хотят вырваться на свободу, распахнуть занавес, поменять ход вещей. Вы же понимаете, что это означает конец Сосен. Наш конец.

Они вышли из-за деревьев. В сотне ярдов впереди вертолет сверкал своей бронзовой краской в лучах предзакатного солнца.

В уголке сознания Итана шевельнулась мысль: «*Какой прекрасный осенний день*».

– И чего же вы хотите от меня? – спросил Итан.

– Хочу, чтобы вы мне помогли. Вы обладаете редчайшим набором способностей.

– И почему это у меня складывается впечатление, будто вы намекаете, что выбора в этом вопросе у меня нет?

– Ну конечно же, есть.

Ветерок ласкал лицо Итана, пригибая луговые травы к земле.

Они дошли до вертолета, и Пилчер, распахнув дверцу, дал Итану забраться внутрь первым.

Когда они уселись друг напротив друга, Пилчер сказал:

– С момента, когда вы очнулись в Соснах, вы только и хотели, что вырваться оттуда. Я даю вам такую возможность плюс дополнительный бонус. Прямо сейчас. Оглянитесь.

Оглянувшись поверх спинки сиденья на грузовой отсек, Итан отдернул занавеску.

На глаза навернулись слезы.

Оно было там все это время – брутальное осознание, которому он не позволял даже выглянуть на поверхность. Если сказанное Пилчером правда, ему уже никогда не увидеть близких. Они станут немногим больше, чем древними костями.

А сейчас – вот они – Тереза и Бен, в беспамятстве примотанные к носилкам с черной дорожной сумкой между ними.

Его малыш совсем не похож на малыша.

– После того как я погрузил вас в анабиоз, я изучил вашу подноготную, Итан. Подумал, что у вас есть настоящий потенциал. И потому отправился за вашей семьей.

Итан утер глаза.

– Сколько они пробыли в Соснах?

– Пять лет.

– Мой сын… он…

– Ему уже двенадцать. Они оба прекрасно ассимилировались. Я думал, будет лучше, чтобы они стабилизировались и обосновались, прежде чем пытаться вернуть вас.

Итан даже не трудился скрыть охвативший его гнев.

– Так почему ж вы столько ждали? – грозным рычанием вырвались у него слова.

– Я и не ждал. Итан, это наша третья попытка с вами.

– Как такое может быть?

– Одним из последствий анабиоза выступает ретроградная амнезия. Всякий раз, когда вы приходите в сознание, ваш рассудок возвращается к состоянию накануне первой приостановки жизнедеятельности. В вашем случае – к автокатастрофе. Хотя, как я подозреваю, некоторые воспоминания удерживаются. Может быть, возвращаются во сне.

– Я уже пытался бежать и прежде?

– В первый раз вы переправились через реку, и аберы едва вас не прикончили. Мы вмешались, спасли вас. Во второй раз мы позаботились, чтобы вы отыскали свою семью, полагая, что это могло бы помочь. Но вы попытались убежать вместе с ними. Едва не погубили всех.

– Так что на этот раз вы взялись за мой рассудок?

– Мы подумали, что если сможем спровоцировать психоз, то, может статься, у нас будет шанс. Накачали вас мощными нейролептиками.

– Мои мигрени…

– Мы даже пытались использовать против вас перенесенные вами пытки.

– О чем это вы?

– Я располагаю вашим армейским личным делом. Вы доложили о том, что произошло с вами в Фаллудже. Мы пытались воспользоваться этим во время допроса у Поупа.

– Да вы… больной.

– Я даже не предполагал, что вы проникнете в бункер. Мы собирались просто оставить вас на растерзание аберам. Но едва я увидел вас стоящим в «Консервации», меня осенило. Вы упорны. Сражаетесь до конца. Вы никогда не смиритесь с реальностью Заплутавших Сосен. Я понял, что нужно перестать бороться с вами. Что из обузы вы можете превратиться в ценное достояние.

– Почему вы просто не сказали мне обо всем этом?

– Потому что я не знал, что вы предпримете с этим знанием, Итан. Самоубийство? Бегство? Попытаетесь выжить в одиночку? Но теперь я понимаю, что вы один из редчайших уникумов.

– Что вы имеете в виду?

– Люди в городе по большей части не способны совладать с правдой о том, что находится вовне. Но вы… вы не способны совладать с ложью. С незнанием. Вы первый из жителей, с которым я поделился хоть чем-либо из этого. Конечно, трудности, с которыми вы столкнулись, просто сокрушили вашу семью.

Обернувшись, Итан опалил Пилчера взглядом.

– Зачем вы притащили их сюда?

– Я даю вам выбор, Итан. Они ничего не знают о мире за пределами Сосен. Зато вы знаете. Скажите только слово, и я оставлю вас здесь, в этом поле, вместе с вашей семьей. Дорожная сумка набита продуктами и припасами, есть даже несколько предметов оружия. Вы человек, который хочет все делать по-своему, и я это уважаю. Если это для вас важнее всего – получайте. Вы можете царствовать здесь, в аду, или служить в раю, вернувшись в Сосны. Выбирать вам. Но если вы вернетесь обратно в Сосны, если вы хотите для своей семьи, для себя тамошней безопасности и поддержки, то на моих условиях. А мои

условия, Итан, сопровождаются суровыми штрафными санкциями. Если вы меня подведете, если вы меня предадите, я заставлю вас смотреть, а сам возьму вашего сына и…

Тут монолог Пилчера был прерван внезапным шумом. Поначалу Итан подумал, что кто-то запустил в лесу отбойный молоток, но затем страх полоснул его прямо по глазам.

Это было *тра-та-та* «калашникова».

– Заводите «вертушку»! Они идут! – взорвался в наушниках голос Пэм.

Пилчер поглядел в кокпит.

– Вытаскивайте нас отсюда.

– Уже приступил, босс.

Итан услышал, как разгоняются турбины BK117, услышал громовой грохот дробовика Пэм. Перебрался к окну, глядя на опушку леса, где оружейный огонь стал громче.

В вертолете уже стало слишком шумно, чтобы разговаривать, так что он натянул свои наушники и жестом попросил Пилчера поступить точно так же.

– Что я должен для вас сделать? – спросил Итан.

– Помочь мне управлять Соснами. Изнутри. Это дьявольская работа, но вы для нее созданы.

– А разве не этим занимается Поуп?

Итан заметил движение среди деревьев, когда турбины уже перешли на вой и кабина завибрировала от возрастающих оборотов.

Поуп и Пэм, пятясь, выскочили из леса на поляну.

Три абера выпрыгнули на опушку, и Поуп срезал двоих длинной автоматной очередью, а Пэм тем временем всадила пару зарядов картечи в грудь третьему.

Бросившись к противоположному борту, Итан выглянул из окна.

– Пилчер!

– Что?

– Дайте мне свой пистолет.

– Зачем?

Итан постучал по стеклу, указав на свору аберов, показавшуюся в дальнем конце поляны – не меньше четверых, и все они устремились к Пэм и Поупу стремительным, низким спринтом на всех четырех конечностях.

– Вы со мной, Итан?

– Они погибнут.

– Вы со мной?

Итан кивнул.

Пилчер шлепнул ствол калибра 357 ему в ладонь.

Сорвав наушники, Итан крикнул в кокпит:

– Долго еще?

– Тридцать секунд!

Распахнув дверь, Итан спрыгнул в траву.

Шум и ветер от винтов буквально трубили в ушах.

Поуп и Пэм были уже в пятидесяти ярдах, по-прежнему пятясь к вертушке, поливая лес лавиной подавляющего огня.

Они уже прикончили дюжину тварей – бледные трупы были разметаны по траве, – но те все прибывали.

В таких количествах, что и не сосчитаешь.

Итан побежал в противоположном направлении.

В двадцати ярдах за «стрекозкой» он остановился, расставив ноги покрепче на ширине плеч.

Посмотрел на револьвер в руке – самовзводный «Ругер» с барабаном на шесть патронов.

Поднял его.

Посмотрел вдоль ствола.

Пять бестий неслись во весь опор.

Взвел курок; лихорадочные автоматные очереди и рявканье двенадцатого калибра перекрывали вой турбин.

Аберы были уже в тридцати футах, и Итан подумал: «*Если уж когда тебе и захочется пострелять, то сейчас самое время. И никаких спаренных спусков. Нужны одиночные выстрелы наповал*».

Взял на мушку тварь в центре, и как только та оказалась на пике скачка, выпустил пулю, которая снесла ей макушку, подняв фонтан кровавых брызг.

Ну, хотя бы экспансивные пули с полым наконечником.

Остальные четыре продолжали бег как ни в чем не бывало.

Осталось двадцать футов.

Итан снял двух аберов слева – по одному выстрелу каждому в рожу.

Четвертому попал в горло.

Последний абер был уже в десяти футах.

Достаточно близко, чтобы его учуять.

Итан выстрелил, когда тот прыгнул; пуля лишь чиркнула ему по ноге. Итан поправил прицел, когда абер ракетой устремился к нему.

Он взвел курок и нажал на спусковой крючок в тот момент, когда зверь прыгнул, ощерив зубы, своим верещанием с такой близкой дистанции заглушая турбины.

Пройдя между зубов, пуля вынесла твари затылок, взорвавшийся ошметками костей и мозгов в тот самый миг, когда она врезалась в Итана.

Он не шевелился.

Оглушенный.

Стукнулся головой настолько сильно, что перед глазами заполыхали фейерверки, слух перебаламутился – звуки как будто приглушили и замедлили настолько, что он мог различить каждую отдельную составляющую окружающей симфонии хаоса.

Грохот дробовика.

«Калашников».

Вертящиеся винты.

Визг аберов.

Твердя себе: «*Вставай, вставай, вставай*».

Спихнув с груди мертвый вес абера, Итан сел. Попытался поглядеть через поляну, но зрение застряло не в фокусе. Сильно мигнул несколько раз и тряхнул головой, мир мало-помалу кристаллизовался, будто кто-то наводил бинокль на резкость.

Боже милостивый!

На поляне их уже полсотни.

И с каждой секундой с опушки выскакивали десятки новых.

И все неслись к вертолету в центре поляны.

Итан вскарабкался на ноги, кренясь влево после удара, вышибившего чувство равновесия напрочь.

Заковылял к вертолету.

Пэм уже была внутри.

Поуп стоял в нескольких футах от полоза, стараясь сдержать наступление аберов. Теперь он вскинул автомат к плечу и стрелял прицельно – должно быть, патронов в магазине осталось наперечет.

Ступив на полоз, Итан хлопнул его по плечу и проорал шерифу на ухо:

– Полетели!

Пилчер открыл дверь, и Итан взобрался в кабину.

Пристегнулся, глядя в окно.

Поляну уже наводнила целая орда аберов.

Сотни голов.

В десяти секундах от вертушки, смыкаясь вокруг машины, как своры дворняг.

Пока Итан надевал наушники, Пилчер захлопнул дверцу кабины, запер ее и сказал:

– Трогайтесь, Роджер.

– А как же шериф?

– Поуп остается.

Через свое окно Итан увидел, как Арнольд, отшвырнув свой АК, попытался открыть дверь, дергая за ручку, но та не поворачивалась.

Поуп посмотрел сквозь стекло на Пилчера, и в глазах блюстителя правопорядка всколыхнулось недоумение, быстро сменившееся осознанием.

А затем страхом.

Поуп заорал что-то без единого шанса быть услышанным.

– Почему? – спросил Итан.

Пилчер не отрывал взгляда от Поупа.

– Он хочет править.

Поуп молотил кулаками по окну, марая стекло кровью.

– Не то чтобы я торопил вас, Роджер, или что-то в этом духе, но если вы не заберете нас отсюда, мы все погибнем.

Итан почувствовал, как полозья поворачиваются и отрываются от земли.

– Не можете же вы просто бросить его, – сказал он.

Увидел, что, как только вертушка поднялась в воздух, шериф закинул левую руку вокруг полоза, пытаясь удержаться на нем.

– Дело уже сделано, – отозвался Пилчер, – и вы мой новый шериф. Приветствую вас на борту.

Орда аберов бурлила под Поупом, прыгая, размахивая когтями, но он ухватился за полоз достаточно крепко, и ноги его болтались вне досягаемости для них.

– Роджер, – проворковал Пилчер, – спустите нас на фут-другой, будьте любезны.

Вертушка неуклюже снизилась – Итан видел, что пилот вылетел впервые за много лет, – опустив Поупа вниз, обратно в безумную сумятицу на земле.

Когда первый абер ухватил Поупа за ногу, хвост вертолета дернулся под добавочным весом книзу.

Еще одна тварь впилась в другую ногу, и на одну ужасающую секунду Итану показалось, что они утянут машину на землю.

Роджер переборщил с коррекцией, стремительно взмыв на высоту двадцати футов над поляной.

Итан заглянул в обезумевшие глаза Поупа.

Теперь тот с трудом удерживался за полоз лишь одной рукой, костяшки пальцев от напряжения совсем побелели, удерживая дополнительный вес троих аберов, вцепившихся в его ноги.

Он встретился взглядом с Итаном.

Закричал что-то, но крик потонул в реве турбин.

Пальцы Поупа разжались, падение длилось с полсекунды, и он исчез под грудой осатаневших бестий.

Итан отвел взгляд.

Пилчер пристально смотрел на него.

Смотрел сквозь него.

Заложив крутой вираж, вертолет стремительно понесся через горы на север.

*** * ***

Полет проходил спокойно, и Итан переключал внимание между пейзажами за окном и своей спящей за занавесом семьей.

Когда он поглядел на них в третий раз, Пилчер заметил:

– С ними все будет хорошо, Итан. Они проснутся сегодня ночью, в тепле и уюте постели. Это ведь главное, верно? Там бы вы наверняка все погибли.

Уже начало смеркаться.

Итан смертельно устал, но стоило ему закрыть глаза, как мысли с ослепительной скоростью начали разбегаться в сотне различных направлений.

Так что он старался просто смотреть на мир, проплывающий мимо.

Из его окна открывался вид на запад.

Солнце скрылось, и после его захода горные хребты проступили на фоне вечернего неба, как изломанное ножовочное полотно.

Куда ни кинь глаз – ничего, кроме соснового леса в тысяче футов внизу.

Нигде ни искорки света, затеплившейся благодаря человеку.

*** * ***

Они летели сквозь зияющую темноту.

Свет в салоне был погашен, мерцание приборной доски в кокпите скрывала занавеска, и Итан с равным успехом мог носиться по волнам черного моря.

Или парить в космосе.

За спиной у него находилась семья, и этот факт приносил утешение, но, прислонившись к ледяному стеклу, он поневоле ощутил пронзительный укол страха.

И отчаяния.

Они одни-одинешеньки.

Жутко одиноки.

Это поразило его в самое сердце.

Последние пару дней он сражался за то, чтобы вернуть себе жизнь за пределами Заплутавших Сосен, но ее больше нет.

Нет почти две тысячи лет.

Ни друзей.

Ни дома.

Ни работы.

Почти всего, что определяло его суть.

Как же может человек свыкнуться с подобной мыслью?

Как продолжать жить в свете подобного знания?

Что заставит тебя подняться с постели и пробудит желание принять на себя труд вдохов и выдохов?

Твоя семья. Эти два человека, спящие позади тебя.

Итан открыл глаза.

И сначала не поверил уведенному.

Далеко впереди посреди всей этой тьмы мерцал животворный родник света.

Сосны.

Свет окон и лампочек на верандах.

Уличных фонарей и автомобильных фар.

Все эти огни сливались в мягкое ночное сияние города.

Цивилизации.

Машина уже пошла на снижение, и Итан вдруг подумал, что внизу, в этой долине, стоит викторианский дом, где жили его жена и сын.

Где он тоже мог бы жить.

Где есть теплая постель, в которую можно заползти.

И кухня, где будут витать ароматы стряпни.

Веранда, где можно посидеть долгими летними вечерами.

Двор, где можно будет поиграть с сыном в мяч.

Может, у дома даже жестяная кровля, а он ничего не любит больше, чем звук дождя, барабанящего по жести. Особенно поздно ночью, лежа в постели, в объятиях с женой, пока сын спит в своей комнате чуть дальше по коридору.

Огни Заплутавших Сосен озаряли скалы, обступившие городок, и впервые вид этих отвесных горных стен показался Итану желанным.

Крепость, ограждающая от ужасов, подстерегающих вовне.

Убежище для последнего города на земле.

Удастся ли здесь хоть когда-нибудь *почувствовать* себя дома?

И будет ли это правильно, если да?

Вы считаете, что человек способен уничтожить планету? Какое упоительное тщеславие! Земля в свое время пережила что угодно. Наверняка переживет и нас. Для Земли… миллион лет – ничто. Эта планета живет и дышит в куда более грандиозных масштабах. Нам не хватит ума постичь ее медленные и могучие ритмы, да и скромности, чтобы хотя бы попытаться. Мы были здешними жителями мгновение ока. Если мы завтра сгинем, Земля по нам скучать не станет.

Майкл Крайтон

Эпилог

Он тихо сидит в своем кабинете, закинув ноги на стол, разглядывая бронзовую звезду у себя на ладони и поглаживая кончиками пальцев инкрустацию ЗС в центре из какого-то черного камня – наверное, обсидиана. На нем темно-коричневые парусиновые брюки и темно-зеленая рубашка с длинными рукавами, точь-в-точь как у предшественника. На ощупь ткань совсем новая и слишком туго накрахмаленная.

На завтра запланировано продолжительное совещание с Пилчером и его командой, но сегодня день на события не богатый.

И странный.

Потому что он просидел в тишине своего кабинета восемь часов, погрузившись в раздумья, и телефон прервал их лишь однажды – секретарь приемной Белинда в полдень поинтересовалась, не хочет ли он, чтобы она захватила ему что-нибудь на ленч.

Он смотрит, как секундная и минутная стрелки сходятся на двенадцати.

Пять часов.

Спустив ноги со стола, он встает, надевает свой стетсон, сует бронзовую звезду в карман. Может, завтра он наконец сумеет заставить себя прицепить ее на грудь.

А может, и нет.

Как всякий первый день на новой работе, день выдался долгим, и Итан рад, что он подошел к концу.

Бросает на три антикварных оружейных шкафа сладострастный, но мимолетный взгляд и выходит из кабинета, направляясь по коридору к приемной.

Стол Белинды устелен игральными картами.

– Я полетел, – сообщает Итан.

Седовласая женщина выкладывает туза пик и смотрит на него с теплой улыбкой, ни на йоту не выдающей хоть капельку сведений о том, кто же она такая на самом деле.

– Как прошел первый день?

– Чудесно.

– Доброй вам ночи, шериф. Увидимся утром.

*** * ***

Вечер прохладный и ясный.

Солнце уже опустилось за горные стены, посвежевший воздух пробирает холодом – возможно, предвещающим первые морозы.

Итан шагает по тротуару тихой округи.

Старик, сидящий на веранде, окликает его:

– Вечер добрый, шериф!

Итан касается полей шляпы.

Старик берет дымящуюся кружку.

Приподнимает, будто в тосте.

Где-то неподалеку женский голос зовет:

– Мэтью! Обедать пора!

– Да ладно, мам! Еще всего пять минуточек!

– Нет, сейчас же!

Эхо их голосов раскатывается по долине и угасает.

На следующей улице Итан проходит вдоль целого квартала, отведенного под общинный сад, где несколько десятков человек трудятся в поте лица, наполняя большие корзины фруктами и овощами.

Ветерок доносит аромат перезревших яблок.

Куда бы Итан ни поглядел, везде в домах загораются огни, воздух наполняется благоуханием готовящихся ужинов.

Из чуть приоткрытых окон доносятся звон посуды, смутные отголоски разговоров, хлопки дверец духовок.

Все встречные улыбаются ему и здороваются.

Словно на ожившей картине Нормана Роквелла.

*** * ***

Он пересекает Главную и следует несколько кварталов по Шестой улице, пока не прибывает по адресу, который дал ему Пилчер.

Это трехэтажный «викторианец» – канареечно-желтый с белой окантовкой, и самая приметная его черта – чердачное окошко в форме слезы, угнездившееся под самым коньком жестяной крыши.

Сквозь большое окно на первом этаже он видит женщину, стоящую у кухонной раковины, откидывая на дуршлаг кастрюлю свежесваренных макарон, в лицо ей вздымаются клубы пара.

Глядя на нее, Итан чувствует в груди щемящий трепет.

Это его жена.

По каменной дорожке через передний двор, вверх по трем кирпичным ступенькам – и вот он уже на крыльце.

Стучит в сетчатую противомоскитную дверь.

Через несколько секунд вспыхивает свет.

Она открывает дверь, залившись слезами, и смотрит на него сквозь сетку, а на лестнице в доме слышится топот шагов.

Сын Итана выходит у нее из-за спины, кладет ладони матери на плечи.

– Привет, пап!

Совсем не голос его маленького мальчика.

– Боже, да ты перерос мать!

Их по-прежнему разделяет металлическая сетка, и сквозь нее Тереза выглядит совершенно не переменившейся, хотя ее белокурые волосы стали куда длинней, чем она когда-либо носила.

– Я слыхал, тебя сделали шерифом, – говорит Бен.

– Это верно. – Тянется долгая, полная эмоциями пауза. – Тереза…

Она утирает глаза обеими руками.

– Запах чудесный, – замечает Итан.

– Я готовлю спагетти.

– Обожаю твои спагетти.

– Знаю. – Голос ее надламывается.

– Тебе сказали, что я приду?

Она кивает.

– Ты и вправду здесь, Итан?

– Да.

– На этот раз, чтобы остаться?

– Больше я тебя никогда не покину.

– Мы так долго ждали! – Ей приходится то и дело утирать лицо. – Бен, сбегай, помешай соус, пожалуйста.

Мальчик спешит на кухню.

– Ничего, если я зайду в дом? – спрашивает Итан.

– Мы потеряли тебя в Сиэтле. Потом потеряли тебя здесь. Мне этого не вынести. Ему этого не вынести.

– Тереза, посмотри на меня. – Она смотрит на него. – Я больше никогда тебя не покину.

Его тревожит, что она может спросить, что произошло. Почему он не погиб. Этого вопроса он страшился и готовился к нему весь день.

Но вопроса нет.

Вместо этого она распахивает дверь.

Он боялся прочесть на ее лице непримиримость, боялся больше всего на свете, но под мягким светом лампочки на крыльце не видит в ее чертах никакой потаенной горечи. Только следы надлома. Залегшие у рта морщинки, которых прежде там не было. У этих лучезарных зеленых глаз, сразивших его наповал столько лет назад. Немало слез. Но и любовь.

Прежде всего любовь.

Она увлекает его через порог в дом.

Сетчатая дверь захлопывается.

В доме плачет мальчик.

Да и мужчина не может удержаться от слез.

Три человека отчаянно сжимают друг друга в объятиях, которым конца-краю не видно.

А на улице именно в этот миг вспыхивают фонари, а где-то среди кустов, растущих у крыльца, возникает звук, повторяющийся с безупречными интервалами, ровный, как стук метронома.

Звук песни сверчка.

Авторское послесловие

8 апреля 1990 года Эй-би-си выпустила в эфир пилотный выпуск культового телесериала Марка Фроста и Дэвида Линча «Твин Пикс», и на какое-то время загадка «Кто убил Лору Палмер?» держала в напряжении всю Америку. Мне тогда было двенадцать, и мне никогда не забыть чувства, охватившего меня, когда я смотрел этот чумовой сериал о повергающем в дрожь городке с чертовски хорошим кофе и великолепным вишневым пирогом, где ничто не было тем, чем казалось.

«Твин Пикс» в конце концов сняли с экрана, блистательный режиссер и актеры занялись другими вещами, но неоспоримое волшебство этих первых серий до сих преследует меня два десятилетия спустя. Сериалы наподобие «Северной стороны», «Заставы фехтовальщиков», «Секретных материалов» и «Остаться в живых» время от времени совершали эскапады в пугающе прекрасную жуть, отличавшую «Твин Пикс», но по большей части – во всяком случае, для искреннего фаната – ни один из них даже рядом не стоял.

Говорят, все искусство – будь то книги, музыка или кино – это реакция на другое искусство, и я считаю, что это правда. Как ни хорош был «Твин Пикс», характер этого сериала, а в особенности то, как внезапно и преждевременно он оборвался, оставил у меня чувство крайней неудовлетворенности. Вскоре после прекращения сериала я был так убит горем, что даже попытался написать мифический третий сезон – не для кого-нибудь, а для себя самого, просто чтобы не расставаться с ним.

Эта попытка не сумела, как и многие другие по мере моего взросления – и как личности, и как писателя, – воссоздать чувства моего двенадцатилетнего «я», испытанные тогда, в 1990-м.

«Сосны» – кульминация моих усилий, теперь растянувшихся уже на двадцать лет, создать нечто такое, что вызвало бы у меня такие же чувства, как «Твин Пикс». Я никоим образом не предполагаю, что «Сосны» достигают высот шедевра Линча или хотя бы способны пробудить у *вас* ощущения этого сериала. Сериал был настолько абсолютно самодостаточен, что любые попытки воссоздать его ауру изначально обречены на провал. Однако я чувствую потребность выразить, насколько «Сосны» были вдохновлены созданным Линчем махоньким городком посреди нигде – красивым снаружи, но с непроницаемо черным подбрюшьем.

«Сосны» ни за что не увидели бы свет, а я мог бы и не стать писателем, если бы родители не позволили мне засиживаться допоздна по вечерам в четверг той весной 1990-го, чтобы посмотреть сериал, подобного которому нам не узреть больше никогда.

Так что спасибо, мама и папа. Спасибо мистеру Линчу и мистеру Фросту. И конечно же, неустрашимому агенту Дейлу Куперу.

«Сосны» – вовсе не «Твин Пикс», далеко не «Твин Пикс», но без него их бы не было.

Надеюсь, вы насладились *моим* шоу.

Блейк Крауч

Дуранго, Колорадо

Июль 2012

Благодарности

Мой агент Дэвид Хейл Смит и все поголовно в Thomas & Mercer выложились на 110 %, чтобы помочь этой книге оторваться от земли. Состоять в знакомстве и работать с такой чудовищно талантливой группой людей, меняющих образ нашего чтения к лучшему, – настоящая честь.

Сердечные благодарности Энди Бартлетту, Жаку Бен-Зекри, Рори Коннелу, Викки Гриффит, Мие Липман, Полу Даймонду, Эми Бэйтс, Джеффу Беллю, Дафне Дарем, Джону Файну, Алексу Карру, Филипу Патрику, Алану Теркусу, Саре Гельман, Джоди Уоршоу; и, наконец, гип-гип-ура моей базе данных – Брайану Митчеллу, Брайану Карверу и неподражаемому Нейдеру Каббани.

Мне невероятно повезло обрести в числе друзей некоторых фантастических писателей и безумно прозорливых читателей. Эти люди дали восхитительные отклики на первые черновики «Сосен», сделав книгу лучше во всех мыслимых отношениях. Так что тысяча благодарностей собрату по перу Джо Корнату, Марии Корнат, моему брату Джордану Краучу, моему потрясающему художнику, нарисовавшему обложку, Джероэну тен Бергу, Энн Восс Петеросон, Сюзанне Тирпак, Селене Китт и Маркусу Сэки. Особые благодарности Барри Айслеру за особенно зоркое чтение.

И наконец, объятья и поцелуи моей дорогой семье – Ребекке, Айдану и Эннсли. Спасибо, что уступили меня этой книге, когда я ушел в нее с головой. Я люблю вас.

Примечания

1

Можно именовать ее и «Мейн-стрит», но тогда некоторые смысловые нюансы потребуют совершенно неуместных интеллектуальных усилий (см. следующий комментарий). – *Здесь и далее: прим. пер.*

2

Хотя по правилам топонимики следовало бы называть и населенный пункт, и гостиницу вслед за ним «Уэйуорд Пайнз», перевод куда уместнее. Во-первых, чтобы с этим названием русскоязычному читателю было так же комфортно, как читателю англоязычного оригинала, не напрягая каждый раз сознание, чтобы уловить авторские аллюзии, а во-вторых, русская транслитерация «Уэйуорд» представляется затруднительной как для глаза, так и для уха.

3

То есть 183–185 см.

4

Имеется в виду знаменитая марка тяжелых грузовиков и тягачей «Мак» (*англ.* MACK).

5

Нэнси Дрю – литературный и киноперсонаж, девушка-детектив. Впервые появилась в книге «Тайна старых часов» (1930) (коллективный псевдоним автора Кэролайн Кин). Завоевала популярность во многих странах мира.

6

Вовсе не ироническое употребление высшего воинского звания. Как становится ясно из нижеследующего, медсестра приняла Итана за представителя Службы федеральных маршалов, подразделения Министерства юстиции США.

7

Biergarten *(нем.) – букв.* «пивной садик». Площадки под открытым небом, где подают пиво и блюда местной кухни. Наиболее распространены в Южной Германии, в первую очередь в Баварии.

8

Речь идет о стихотворении Карла Сэндберга «Splinter» («Лучинка»):

Сверчка последнего голос

С первым морозом врозь –

Такое уж это прощанье,

Тончайшая пенья лучинка.

(Пер. А. Филонова)

9

Ф. Пол Вилсон (р. 1946) – американский писатель, успешно работавший в жанрах фантастики, триллера и хоррора.

10

Always Look on the Bright Side of Life – песня Эрика Айдла из фильма «Житие Брайана по Монти Пайтону».

11

Уорент-офицер – группа воинских званий в англоязычных странах, занимает промежуточное положение между сержантами и младшими офицерами; является приблизительным аналогом прапорщика в СССР и России.

12

«Ка-Бар» – американская марка боевых ножей.

13

Аллюзия на телесериал 60-х гг. прошлого века, очень популярный в США, но вообще (или пока) не известный российским зрителям, повествующий об идиллическом городке с единственным светофором, не ведающем преступности, не считая самогоноварения и бутлегерства, во многом перекликающемся с внешними атрибутами Заплутавших Сосен.

14

ЧСС – частота сердечных сокращений.

15

Так называемая стенка – гипогликемический шок. Строго говоря, лактат и стенка на марафоне – вещи взаимоисключающие: лактат образуется при гликолизе в условиях гипоксии, а вовсе не гипогликемии.

16

Масгуф – рыбное блюдо национальной иракской кухни; технология приготовления напоминает шаурму.

17

СВЧ – сверхвысокочастотное излучение.

18

Цитата из кинофильма «Хищник». В переводе Гоблина звучит примерно так же, только менее цензурно.

19

Такие магазины к различным модификациям АК производились в разное время за пределами СССР и России.

20

Амиши, они же амманиты, – религиозное движение, зародившееся в рамках меннонитства, а затем ставшее отдельной протестантской религиозной деноминацией. Амиши отличаются простотой жизни и одежды, нежеланием принимать многие современные технологии и удобства.
